

Андрей Болотов

Живописатель природы

Андрей Тимофеевич Болотов

Живописатель природы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8650235

Аннотация

«Книга сия составилаь ненарочно. Некогда вздумалось мне написать небольшую пиесу о красоте природы таким тоном, какой во всей этой книге господствует. Я написал ту, которая помещена здесь под заглавием «К снегам при сошествии их весною». Это была самая первая, и сие было еще в апреле 1794 года. Она мне полюбилась, я сочинил тогда и другую под заглавием «К оживающей траве и первой зелени весною». А обе сии пиесы и заохотили меня заниматься сочинениями сего рода и более переписывая соединять их в одно место, а от того произошла сия книга и все сочинения, в ней находящиеся. Они писаны в разные времена и более для собственного своего удовольствия, ибо признаюсь, что минуты, употребленные на сочинение и переписывание оных, были для меня веселы, а по всему тому и не взыщите, дорогой читатель, если вы найдете в ней что-нибудь вам неуютное и неприятное...»

Содержание

Нечто в предуведомление о сей книге читателя	5
1. К Брюму	7
2. К зиме пред окончанием оной	14
3. К мальвам или розам во время цвета их	22
4. Ко времени созревания плодов	32
5. К бархатцам	48
6. Прогулка осенняя в августе	55
7. К снегам при сошествии их весною	82
8. К оживающей траве и первой зелени весною	87
9. Чувствования при большом и долговременном ненастье в глубокое осеннее время	91
10. К родине своей при возвращении в оную после двадцатидвухлетнего отсутствия	107
11. К зиме при схождении оной и к половоди	115
12. Половодь в моей деревне	126
13. Метель	145
14. Снег, идущий тихо в феврале	157
15. Слякоть в феврале	162
16. Моя собака	168
17. Прогулка в саду не сходя с места	175
18. Утро в исходе февраля	182
19. Моя моська	188
20. Оканчивающийся февраль	194

Андрей Тимофеевич

Болотов

Живописатель природы
или опыты сочинениям,

относящимся до

красоты природы и

увеселения себя оными

Нечто в предуведомление
о сей книге читателя

Книга сия составилаь ненарочно. Некогда вздумалось мне написать небольшую пиесу о красоте природы таким тоном, какой во всей этой книге господствует. Я написал ту, которая помещена здесь под заглавием «К снегам при сошествии их весною». Это была самая первая, и сие было еще в апреле 1794 года. Она мне полюбилась, я сочинил тогда и другую под заглавием «К оживающей траве и первой зелени весною». А обе сии пиесы и захотели меня заниматься

сочинениями сего рода и более переписывая соединять их в одно место, а от того произошла сия книга и все сочинения, в ней находящиеся. Они писаны в разные времена и более для собственного своего удовольствия, ибо признаюсь, что минуты, употребленные на сочинение и переписывание оных, были для меня веселы, а по всему тому и не взыщите, дорогой читатель, если вы найдете в ней что-нибудь вам неуютное и неприятное.

1. К Брюму

*(сочинено в Богородицке
1794 в апреле)*

О! буди благословенно первое появление твое, великолепный вешний брюм! Паки вижу я тебя, паки наслаждаются очи мои красотами твоими, паки не насмотрюсь я на тебя, о завеса, сотканная из нежных чадов и курений земных! О сеть, сплетенная перстами премудрой природы, и флер, составленный из веществ, невидимых нами, и превосходящий все флеры, сотыкаемые наилучшими художниками в свете. Как могу я описать все прелести и красоты твои и изобразить словами то, что ты видом своим производишь в нежной и чувствительной душе.

В каких изящных и приятных видах представляешь ты все предметы, видимые вдаль! Какими драгоценнейшими красками покрываешь их и какою кистью изображаешь целую картину предо мною, картину, каковую ни один из смертных живописцев со всем искусством своим соорудить не в состоянии! Какие живые, нежные и различные колера вижу я повсюду! Какие пурпуры здесь, какие нежные зелени тамо, какие тонкие и разноцветные тени, какие голубые и лазоревые прелестные колера испещряют все отделенности, какая приятная смесь между всеми ими, какая гармония между теня-

ми и светом, каким разных и нежнейших колеров бархаты разостланы тамо по всем холмам и в долинах, какое приятное зрелище составляют из себя леса, бугры и горы. В каком отменном и прелестнейшем виде представляются очам моим все места и вещи пред тем натуральным, какой они вблизи имеют, и каким очарованием утешает натура мое зрение!

Вся душа моя упоется неописанною сладостию при смотре-нии на сие прелестное зрелище в натуре. Как некакой мед разливается по всему существу и по всей внутренности ее. Она ощущает нечто особенное в себе, нечто отменно приятное, нежное, восхитительное и такое, чего никакие слова изобразить не могут. Сии ощущения приводят в такой восторг душу мою, что отлетают из ней все прочие помышления ее, засыпают все ее заботы и мрачные попечения, и она, находясь в наисладчайшем мире и успокоении, занимается одним только зрелищем сим и одним только любитесь им.

О завеса, сотканная из чадов, извлеченных парами из недр земных лучами солнца! О брюм великолепный! Сколько ни смотрю я на тебя, не могу насмотреться, и сколько ни люблюсь тобою, не могу налюбоваться довольно. Какие приятные минуты доставляешь ты мне собою теперь, какие доставлял в претекшие лета. Сколько сот, сколько тысяч минут помог ты уже мне в жизнь свою препроводить и наиприятнейшем веселии, веселии и таком, которое прямо безвинным и беспорочным назваться может. Сколько прекрасных утров и вечеров провел я при помощи твоей в таком удоволь-

ствии, о каком весьма многие и понятия не имеют. Сколько раз увеселял ты меня во время путешествий дальних и увеселял столько, что я забывал затем все трудности путешествия и душа моя при всех беспокойствах дорожных плавала в удовольствии неопisanном. На каждой версте представлял ты иногда мне новые зрелища и такие картины, из коих одна другой была прелестнее и очаровательнее. Коль часто бывало то, что я так засматривался на них, что мнил находиться посреди галереи, украшенной великолепнейшими живописями, и не меньшее чувствовал удовольствие, как бы и действительно находясь в оных. Сколь много раз самым дурным местоположениям придавал ты собою наиприятнейший вид и меня столько ж ими увеселял, сколько и прекраснейшими. Вся натура получала от тебя иной образ, и ты собою скрывал все ее недостатки и самые безобразия превращал в прелести.

О натура! Какое благоденствие между прочими бесчисленными оказала, показываешь ты и брюмом сим всем чувствительным душам. Всем творениям твоим, имеющим способность любоваться прелестями и красотами природы. Коль многим из них подаешь ты случай пользоваться прямо жизнью их и наслаждаться такими минутами, кои неопisanной сладости и кои составляют участки истинного блаженства на земле. Как много обязаны они тебе за то и сколь счастливы все те из них, кои сему драгоценному искусству от лет юных научились и, будучи с тобою давно знакомы, везде твои прелести искать, везде их усматривать, везде их чувствовать и

ими увеселяться умеют. Коль отменно течение дней их от других многих, и сколь счастливее они тех, кои сего дара не имеют, но живут, тебя не зная, и умирают, не узнав.

Смейтесь, сколько хотите, вы, не знающие сего блаженно-го искусства и не имеющие об оном никакого понятия, насмехайтесь и, буде хотите, презирайте, поносите и даже хотя ругайте тех, которые почитают оное и, прилепляясь к нему, упражняются в жизнь свою в оном и занимаются часто такими вещами, которые в глазах ваших не что иное суть, как сущие безделки. Судите о поступках их как вам угодно, называйте деяния их глупостями и разглагольствия о том бреднями и ребячествами. Я не хочу вам прекословить и, пожав плечами и вздохнув, то только разве скажу, что вы человеки и что человекам весьма-весьма сродно обманываться и в суждениях своих о таких вещах ошибаться, которые им не коротко знакомы и которых они сами не испытывали. Напротив того, других смело уверяю, что если б имея только способность к таким чувствованиям, какие имеют любители природы, восхотели сами они некогда спознакомиться с сим искусством и самолично испытать все приятности оногo, то собственные уста их скоро бы не то и совсем противное тому вещать стали.

Что касается до меня, то я торжественно говорю, что никогда! Никогда не могу я довольно возблагодарить судьбу мою за то, что она не лишила меня сего дара, но преподала мне случай спознакомиться с натурою еще в самое утро

дней моих и спознакомиться с такой стороны, которая неприятнейшею и для человеков наипольнейшею почесться может. Какую великую пользу получил я от того! Сколь великое множество минут моих, сколько часов и дней целых посреди обуреваний житейских усладила она в жизнь мою, и сладость сию впечатлела так глубоко в недра души моей, что я, нередко вспоминая удовольствия, чувствованные за несколько лет до сего, ощущаю и поныне еще такую ж почти сладость душевную, какую ощущал в тогдашнее время, когда любовался где-нибудь тобою и прелестями твоими, натура!

Двадесять крат возобновлялась уже весна с того времени, как я жил в стране, воспринявшей некогда первое дыхание мое, но я без чувствования особого удовольствия не могу и поныне еще вспоминать тех счастливых и безмятежных дней цветущих лет своих, которые провождал я тамо в местах милых для меня в мире, тишине и спокойствии, и тех приятных часов, которые столь часто в уединении просиживал я по утрам при отверстом окне жилища, воздвигнутого мною на горе, где живали прадеды мои, и смотря с оной на излучистую Скнигу, речку милую и любезную мне, текущую с приятным журчанием внизу мимо окон, любовался бесчисленными прелестями твоими, натура, и насыщался брюмом и другими красотами твоими столько, что от удовольствия позабывал все на свете, не желал ничего множайшего и почитал себя счастливым на земле. Хоть протекло после того так много уже лет, хоть сделался я от мест сих отлученным

и выдаю их очень редко, однако и ныне, всякий раз когда ни возвращаюсь я в мыслях своих в сии давно претекшие времена в сию страну праотцов моих и воспоминаю приятные часы оные, как вся душа моя приходит в восхищение, наполняется приятными ощущениями, и я пользуюсь минутами счастливыми в жизни.

О, какая особливая выгода для нас, что мы можем воспоминаниями сими возобновлять в душах наших те же чувствования и всегда ощущать вновь такие же почти удовольствия. Колико крат ни можем мы повторять и возобновлять в сердцах своих оные и чрез то усугублять число приятных минут в жизни, и коль многого удовольствия лишаются те, кои сим драгоценным искусством не пользуются и пользоваться не умеют.

О брюм неоцененный! источник многих забав и удовольствий душевных! Я паки обращаюсь к тебе: благословенно буде вешнее возобновление твое! Хоть не одну тысячу раз видал я тебя, хоть несколько сот крат утешалась душа моя тобою и в вешнее и в летнее и самое осеннее время, но никогда! никогда! не прискучивал ты мне, но ты был равно мил, равно приятен и равно утешен всегда для меня. Я и ныне при вечере дней моих столь же много увеселяюсь тобою, как утешался в самые лучшие годы жизни своей. Ты и поныне еще при наставании каждого ясного дня и при первом простирании взоров моих вдаль разливаешь по всей душе моей столь приятные ощущения и доставляешь мне такую отраду

и удовольствие, которое и никак описать не могу. О буди же мне в течение и нынешней весны и лета столь же утешителен, как был во все претекшие годы и во все прежние дни!

2. К зиме пред окончанием оной (сочинено в марте 1795)

Еще ты у нас и еще длишься, хладная зима, со всеми суровостями твоими! – Солнце, колико ни старается выдираться из-за снежных облаков и согреть лучами своими воздух, колико ни силится удалять тебя от нас в страны севера, но ты все еще преодолеваешь оное. Только изредка и очень редко, да и на короткое время и немногие только дни позволяешь ты ему сиять на свободе, великолеповать среди яхонтового неба и греющими лучами своими ласкать нас скорым приближением весны. Но едва толь начнут лучи сии касаться воскрылиев одежды твоей и разрушать пушистую ее поверхность, разрывая связь снежинок, премудро устроенных тобою, и превращать их в капли водяные, едва только начнут капли сии, соединяясь между собою, составлять первейшие сонмищи свои на дорогах снежных, едва только начнут катиться и ниспадать они на землю с кровель жилищ наших, – как вдруг останавливаешь ты их опять в действии своем. Ты насылаешь паки стужу свою с седыми тонкими облаками, и они сокрывают от нас опять наше ясное Солнце! По велению твоему настают паки хладные ветры и морозы, и в единый миг тогда исчезают все предметы, прельщающие нас до того, и ты возвращаешься опять во всем прежнем своем виде и

совершенство.

* * *

О, длись и продолжайся еще, зима, и не спеши так скоро удаляться от нас! Весьма многим из обитателей стран сих нужна еще ты и продолжение твое. Многие тысячи не исправили, еще всех нужд своих, которые нужно им исправить в течение твое. Многие находятся еще в путешествиях дальних и спешат воспользоваться остатками твоими, спешат по мягким и спокойным путям твоим достичь до жилищ своих. Многие не успели из отдаленных стран привести жито на пропитание себе и семейств своих, а того нужнейшее для обсева нив своих. У многих других не заготовлены еще разные вещи и товары и не доставлены до мест, откуда в плывучих громадах повлекут их по хребтам своим вешние воды и реки в отдаленные страны. Ко многим не возвратились еще из дальних стран милые сродники и друзья их, долженствующие прибыть последним путем твоим, зима, полезная нам.

Все сии и тысячи других людей вожделеют продолжения твоего. Все они с усердием хотят, чтоб продлилась ты подольше и не спешила никак уходить от нас. Для всех их и малейшее пригревание солнца и первейшие тали, производимые оным, толико же неприятны, как милы они любителям природы и всем желающим скорейшего настанья весны. Сколько приятны для сих и малейшие скопищи вод на путях и ло-

щинах, колико утешителен для них и малейший ручеек воды
вешней и каждый бугорок, обнажившийся от снега, столько
для тех противны и неприятны все сии первые предвозвест-
ники весны. Едино воззрение на них возмущает уже дух в
них и производит опасение в сердцах их, чтоб весна не на-
стала скоро и половодь не захватила б милых родных их на
пути и не подвергла б опасностям разным.

С каким удовольствием взирает иной отец всякой раз на
возобновляющуюся стужу твою, мрачная и облачная зима,
теперь! Како благословляет каждый мороз твой, каждое сне-
говое облако и каждый хладный ветер, присылаемый тобою
от севера к нам. Ему мнится, что каждая перемена таковая
ручается ему о нескором еще отбытии твоём и каждая из них
производит в нежном сердце его новые лучи надежды, что
милые и отсутственные дети его, единое утешение и подпо-
ра старости его, успеют еще сим путем в его объятия воз-
вратиться и не претерпят никаких зол в путешествии своём
и произведут радость и удовольствие душе его. Он веселит-
ся духом при узрении каждой перемены таковой, спешит из-
вещать о том подругу свою, нежную мать, заботящуюся об
них еще более его. Оба они сообщают друг другу удовольст-
вия свои; оба питаются надеждою скорого свидания с ни-
ми и благословляют вновь продолжающуюся стужу твою.

С каким рвением поспешает теперь путешественник иной
продолжать езду свою по гладкому еще и спокойному зим-
нему путию. Он не теряет ни минуты своего времени, забыва-

ет и покой, и сон свой, восстает с полуночи и при свете луны не едет, а летит по холмам и равнинам и не навеселится духом, слыша еще скрип и свист под полозьями саней своих. Каждую ночь такую почитает он наиблагословеннейшею для себя, и с каждою из них возобновляет надежду свою, что успеет еще отъехать далеко и до полОВОДИ добраться до мест, где его радости и удовольствия или крайние нужды и дела ожидают.

Колико радуется и како благословляет дление твое инде целая ватага простодушных поселях, везущая избытки Господина своего или свои собственные на продажу. Обоз из многочисленных повозок, нагруженных наилучшими плодами полевыми, которые орошены потом их, провождается ими медленными стопами до отдаленной столицы. Они при отъезде из домов готовились уже заранее терпеть все нужды и труды, с распутицею неразрывные. Они горевали уже предварительно о слабых и тощих сотрудицах, лошадях своих; они мнили, что измучат их до изнурения, тащив на них свои возы тяжелые по дорогам дурным, грязным и по самой обнажившейся уже земле. По бывшей оттепели при отъезде их, утравшавшей распутицею скорою, не надеялись они переехать и половины пути своего по снегу. Но восстановившаяся стужа и возвратившиеся морозы твои, зима! успокоили умы и разлили радость по сердцам их. Забыв все, поспешают они теперь с удовольствием уже продолжать путь свой, и единое только хлопанье рука об руку, соединяемое с шутками и из-

девками друг над другом, слышимо между ими, едва успевающими бежать за возами своими. Другая дружина встречается с ними, возвращающаяся уже из града и знакомая им. Сия летит на легких санях своих с вырученными уже деньгами в дома свои и умножает удовольствие их, рассказывая им о доброте дороги и высоких ценах хлебам. Они внимают вещаниям их, радуются и надеются и сами успеть воспользоваться временем еще холодным и столь же скоро и с таким же удовольствием возвратиться по снегу к домашним своим!

С какую неутомленностию трудятся инде поселяне теперь по утрам морозным и с каким рвением поспешают молотить остальные одоньи свои. Каждое утро таковое драгоценно и вожделенно для них. Они стараются не упустить ни единого из них. Встают с полуночи со всем семейством своим, и стук цепов их раздается по воздуху тихому во мраке и слышен повсюду далеко.

Со всем тем, сколько ни силишься ты себя поддерживать, зима, но пределы твои уже не далеко! Скоро, скоро сокроешься ты от нас со всеми снегами и стужами своими, и скоро не останется и малейших следов твоих. Вся природа уже начинает приуготавливаться к той важной перемене, которая вскоре воспоследует с нею. Солнце возвысилось уже высоко и, будучи на свободе, греет сильно и отчасу более и сильнее. Теплые дыхания ветров летят уже к нам из стран дальних. А скоро появятся и первые герольды весны. Они поспешают уже к нам из стран южных, и мы вскоре увидим их, летаю-

щих по полям нашим и опять обитающих с нами в жилищах сельских. Рощи, осеняющие их в летнее время тенями своими, возгремят опять от крика их, а вскоре за ними услышим мы и песни других провозвестников весны, раздающиеся; в воздухе над главами нашими и толико приятные нам. Потоки вод потекут скоро с холмов и бугров и, вливаясь в реки, возбудят рыб, стоявших до сего спокойно в глубинах. Они, возвестя собою скорое приближение весны, принудят их вытти из зимних обиталищ своих и готовиться к вешним путешествиям и делам своим. А живущие с нами пернатые и скоты наши давно уже нам деяниями своими скорое приближение весны предвозвещать начали. Она и не замедлит притти к нам в свое время, и время сие уже не далеко и очень не далеко от нас.

О, как приятна для нас мысль сия, и колико утешительна нам весна и при самом еще отдаленном приближении своем! Все бесчисленные красоты и приятности ее кажутся в отсутствии еще вдвое приятнейшими для нас. Мы, воображая их себе, не менее веселимся ими уже и ныне, как веселиться станем тогда, когда они существовать будут. Какое благодаяние оказала натура человеку тем, что придала ему способность утешаться и самым будущим и почерпать из единых воображений себе многие удовольствия и утехы. Коликою благодарностию обязаны мы за то устройтелю душ и сердец наших!

Итак скоро, скоро переменятся все виды вокруг меня, и

я увижу везде опять ту зелень дорогую, которая толико уже крат утешала сердце мое, которая весь дух мой до восторгов доводила и никогда не прискучивала мне. Скоро, скоро покроются ею все холмы и бугры наши, и драгоценные бархаты расстелются повсюду пред ногами моими. Я буду ходить по мягкой мураве опять и насыщать зрение свое красотами природы, я стану паки восхищаться радостью и удовольствием, невинным от того.

Но дотоле, покуда совершится сие, да не буди того, чтоб я из пожелания скорейшего настанья весны возроптал на продолжение твое, зима! Для меня и ты не была скучна и несносна. Я старался и тобою воспользоваться и, примечая красоты твои, веселить ими дух и сердце мое. Мне и ты доставляла множество минут наиприятнейших в жизни, минут, о каковых многие из сотоварищей моих и целые миллионы тварей и понятия не имеют. Ты доставляешь их и поныне еще мне красотами своими. Красот сих еще много. Прекраснее твои утры, с пышными и великолепными дымами своими, нежные иней дерев, отменно яркая нынешняя белизна твоего снега и множество других вещей утешают и поныне еще мой дух и сердце. Но как никто меня уверить не может, что не в последний уже раз я тебя и красоты твои в течение дней моих вижу, то не упущу воспользоваться тобою колико можно более. Не упущу насладиться прелестями, которые имеешь ты и при самом конце своем. Я постараюсь всюду и всюду отыскивать их и, примечая оные, утешать ими серд-

це мое и благословлять тебя и в последние дни пребывания
твоего у нас.

3. К мальвам или розам во время цвета их (сочинено 1795 в августе)

О, мальвы! О, пышные и великолепные цветы! Как описать мне красоту вашу? Как изобразить, сколь много пленяете вы наши чувства и украшаете собою сады наши?

Что б были они при конце лета без вас? Что б были сады сии, а особливо те из них, кои по случаю не кичатся красивыми плодами деревьев, не гордятся множеством оных и не привлекают ими к себе всего внимания смертных! Что б были они в то время, когда начинает уже осень приближаться и вся натура старится. Не составляли б ли собою точного подобия лесов, и лесов мрачных, скучных и лишенных всех приятностей тех, какими прельщают нас и леса в вешнее и летнее время?

Уже приятные тени их тончают, густота редет, а те зелени деревьев, которые посреди лета разнообразностию своею толико утешительны для нас, давно уже начали терять всю живость колеров своих и со всяким днем более старятся и становятся безобразными. Уже видны на них здесь и тамо пожелтевшие и буреющие листья. Иные из них хотя висят еще на ветвях деревьев, но другие ниспадают уже с них и всякой день. Всякой день усыпаются ими уже тропинки и дорожки в садах, и они

шурстят под ногами гуляющих по оным. Словом, все предвозвещает уже скорое приближение златой, но вкупе и разорительной осени, и сады наши скучный бы уже вид имели, если б не поддерживали вы еще собою красот и приятностей их и не делали б их посещения достойными.

Самые цветники сии, великолепнейшие ревиры садов наших, в таком ли уже виде в сие время, в каком бывают они посреди весны приятной? Всего того, чем наиболее гордились и величались они в наилучшее время в году, в них уже не видно. Нет в них ни гордых тюльпанов, украшающих так много цветники наши! Не белеются милые нарцисы с преклонными главами своими и не пленяют око белизною своею! Не синеются ирисы и не пестреются орлики разноцветностию кустов своих. Не величаются лилеи и другие порождения весны румяной. Самые пышные пионы давно уже оцвели и не прельщают нас гордыми махрами своими, а незадолго и самая царица цветов роза престала уже с нимфами и подругами своими украшать собою сады и цветники наши. С отшествием ее и собор всех прочих цветов власно как увядать начинает. Великая часть из них вместо прежнего великолепия своего делаются безобразными, и не красу уже, а дурной вид садам и цветникам собою придают. Повсюду видны мертвеющие уже стебли и буреющие листья их, производящие толикое отвращение к себе, что взоры наши уклоняются от них и не хотят удостаивать их более своим зрением.

Одни только разноцветные шпорки и васильки с амаран-

тами и другими сотоварищами своими, такими же летними цветами, продолжают украшать собою еще несколько наши цветочные ревиры. Они хоть силятся заглушать собою все безобразие предшественников своих, но учинить того далеко не в состоянии. Все украшение, делаемое ими садам нашим, неважно и против твоих красот, о мальва дорогая, ничем почти почесться могут.

Ты одна заменяешь собою недостатки всех прочих цветов и затемняешь все безобразия погибающих. Ты одна поддерживаешь еще красоту садов наших и придаешь им собою такую пышность и такое великолепие, какое не могли иметь они и в лучшее время года. Как некакой исполин возвышаешь ты главу свою над всеми другими цветочными произрастениями и в сравнении с низкими родами оных так высоко, что между ими и тобою никакого почти сравнения быть не может. Колоссальные твои цветы по величине и яркости разных колеров своих видны повсюду уже издалека, и там, где стоишь ты не одна, а в сообществе подруг своих, красота и великолепие твое увеличивается еще более.

Тут в соединении своем составляете вы такие прелести, которые при первом шаге поражают уже око входящего в сад и восхищаться вами принуждают. Ежели количество ваше велико, есть ли разбросаны вы со вкусом по вертограду и стоите на местах приличнейших для вас, есть ли располагала вас рука вертоградаря умного и замысловатого, есть ли прелести и красоты ваши вдруг из разных мест поразят око зри-

теля, в сад входящего, и друг пред другом наперерыв привлекать станут к себе его внимание, то не будет он знать, куда оное устремить наперед и которыми из вас увеселять прежде зрение свое. Все вы прекрасны, все величественны, все пышны, великолепны и все достойны того, чтоб вас обозревать, вами любоваться и не только око, но и самой дух и сердце утешать вашими прелестями и красотами.

Никогда не позабуду я того, как некогда весьма удачно украшали вы собою маленький и любимый садик мой, который возрожден и возвращен был моими руками подле обиталища, где судьба определила мне пробыть многие годы сряду. Сколько приятных, сколько блаженных минут ни доставляли вы мне собою и прелестями вашими! Сколь много раз плавало сердце мое в удовольствии при смотреии на вас, прекрасные мальвы! и сколь часто восхищалась душа моя от чувствиев наиприятнейших в то время, когда я, прохаживаясь по сему садику в уединении моем, вами на всяком почти шаге любовался.

Два куста из собратий вашей, унизанные превеликим множеством цветов пышных и в красоте самым розам не уступающих, стояли посреди садика сего и прямо против входа в оной. Они видимы были еще прежде вхождениа в сад, и пышные главы их, сплетенные из цветов огромных, возвышаясь превыше ограждения садового, привлекали уже издалека внимание мимо ходящих и казались встречающими каждого входящего в сад и побуждающими иттить в сре-

ду его.

Но не успевал кто переступить первого шага в оной, как целый ряд собратий ваших, униженный многими сотнями пышных разноколерных цветов, обращал все его внимание к себе и, поразив приятным удивлением, останавливал. В левой стороне сада сей великолепный строй находился и украшал собою бок широкого пути, ведущего к храмину, воздвигнутой из зелени искусством новым и до того россам не известным.

Какое сборище красот представлялось тут единым разом очам зрителя любопытного! Здесь составляли вы огромные кусты, усыпанные множеством цветов розовых. Широкие ваши и важный вид имеющие листья в совокуплении своем служили вместо подножия и поддерживали на себе всю великолепную главу вашу, увенчанную цветами. Тамо возвышались вы высокими пирамидами, униженными снизу до самого верха цветами алыми и кровавыми колеров, столь живых и ярких, что наилучший кармин с ними сравниться не мог. Инде главное стебло ваше окружалось множеством других стеблей и, возвышаясь превыше всех их, гордилось над ними, как над детьми своими. Множество цветов видимо было на всех оных. Немного далее некоторые из товарищей ваших величались цветами бледными и алтейным подобными. Единая величина отличала их от оных, а иные имели их самого густого и почти багрового, но прекраснейшего колера. Словом, весь великолепный строй сей испещрен был толиким

множеством цветов разнообразных, что все они в совокуплении своем представляли зрелище преузорочное и такую картину, на которую довольно насмотреться было невозможно.

Сими красотами еще не успевал зритель навеселиться довольно, как другой собор бесчисленных красот и другое великолепие отвлекало очи и все его внимание к себе. В правой стороне и в некотором отдалении оттуда великолеповал целый лесок, составленный из вас, мальвы дорогие, и унизанный сплошь многими сотнями цветов ваших. Какой сонм цветов! Какое сборище колеров различных и какая приятная смесь оных ни представлялась тут под тению густых дерев очам любопытным!

Чувствительный зритель, любуясь новым зрелищем сим, уже издалека поспешал итить туда и, приходя, обретал новые красы и великолепие новое. Две короткие стены, воздвигнутые из пирамид ваших, стоявших в самой близости друг подле друга, составляли тут преддверие и власно, как торжественные врата в маленький мой елизиум, тот небольшой увеселительный лесок, которым никогда я довольно налюбоваться не мог, и потому обязан я за тысячи минут приятных в моей жизни.

Не могу забыть, с каким удовольствием вступал я всякий раз в сей пышный и великолепный вход, в милую рощицу сию, и сколь много утешался вами, мальвы дорогие, при самом гулянии по оной. Где б я ни находился в сем лесочке, искусством произведенном, и по тропинкам ли ходил тени-

стым и изогбенным, по полянкам ли гулял прекрасным и отверстием, на лужочках ли стоял, покрытых мягкой и нежною травой, или отдыхал, сидючи на любимейшей лежаночке дернистой под тению илема широколиственного, осеняющего всю ее ветвями своими, как повсюду встречались вы с зрением моим и очаровывали оное милыми и прекрасными цветами вашими. Инде усматривал я вас стоящих на просторе во всей пышности и великолепии своем, инде растущих между дерев и украшающих зелень их собою, инде казались цветы ваши выросшими на ветвях высоких берез самых и придающими самым древесам красоту неописанную. В других местах казались гирлянды, сплетенные из листьев и цветов ваших, висящие с сучьев дерев разных и досягающими до земли самой. Тут целым площадкам и полянам придавали вы собою красу отменную и такую, какой они и в лучшее время года не имели. В иных местах видимы вы были, хотя не все обнаженные, но не в худшем, а еще в приятнейшем виде. Тут из цветов ваших только некоторые встречались с зрением моим при простираии одного сквозь густоту дерев, вокруг меня стоящих. По величине отверстий и промежутков, остающихся между ветвями деревьев, видим был инде только один в вышине, инде два или несколько цветов в кучке и увеселяли собою зрение. Яркость колеров их при зрении из темноты увеличивалась сугубо и для очей, а особливо при вечернем солнце производила такое действие, какого изобразить неможно. Все они и колера их, а особливо против

солнца, казались неописанной красоты и такой живости, что все наилучшие краски им в яркости и красоте уступить должны были. Все красные и алые из них горели, как раскаленный уголь самой, и столь ярко и живо, что никакой кармин и никакая краска не могла никак уподобляться им, и все таковые производили в душе такое впечатление, которого приятность никак описать невозможно.

Когда ж случалось идучи темною и тенистою дорожкой вдруг приблизиться к сонмищу вашему, стоящему при отверстии и выходе из оной, то, о какое приятное чувство производили вы в душе, встречаясь внезапно с зрением в полной пышности и великолепии больших пирамид своих и поражая око бесчисленным множеством цветов и смешением разных друг друга густейших и приятнейших колеров их. Всякой раз не было возможности пройтись без того, что не остановиться на минуту и не полюбоваться красотами вашими.

Но можно ль описать все то, что производили вы тогда в садике моем и какую красу придавали ему собою в тогдашнее время. Несмотря на всю пустоту,» господствовавшую уже тогда в оном, превращали вы его в сущий Едем и делали столь приятным, что я не скушал посещать его всякий день и веселиться столько оным, что и поныне еще не истребились из души моей приятные впечатления, которые производимы были в ней тогда вами и красотами вашими.

О милые и любезные цветы! По самой истине достойны вы предпочитаемы быть пред всеми прочими. Ни которые из

них не могут никак сравниться с вами и ни которые не могут придавать садам нашим толикого блеска и такого великолепия, как вы, и так много утешать зрение наше своими красотою. О как жалки сады и цветочные ревиры, не имеющие в себе вас! Как пусты и безобразны они без вас в конце лета и при начале осени. Нет в них в сие время ничего такого, что в особенности могло б приманивать к себе и, привлекая око зрителя, заставляя любоваться собою. Единые только плоды, где они есть или случатся, да и то великое только изобилие оных к произведению того способны. Но и сие всегда ли, везде ли и надолго ли бывает? По снятии ж плодов остаются сады без вас пустынями сущими и такими местами, в которые и заглянуть никто не хочет. Вы же, милые цветы, не только в сие время, но и далее, и по самую глубокую осень, можете собою поддерживать их приятности и делать их посещения достойными.

О как много теряют те, кои, имея у себя сады, а вас не имеют да и о заведении вас не помышляют и не стараются, коль многих удовольствий лишатся чрез то! Вы и самым простейшим и таким садам их, которые не имеют в себе ничего хорошего и ни к каким утешениям не способны, могли б уже собою придавать множество красот и приятностей и делать их и посещения и похвал достойными. Но что я говорю. Самым бездревесным огородам, самым овощникам могли б вы, милые цветы, придавать собою столько красот, что они могли б уже некоторым образом заменять недостатки садов са-

мых и доставлять приятное гульбище для существ чувствительных и любящих себя веселить красотами природы!

Что касается до меня, то вы столько сделали мне милы и любезны, что я никогда не упущу иметь вас, пышные и величественные цветы в садах своих, и украшать вами все лучшие части и ревиры в оных. Вы достойны того, милые и приятные цветы, и с лихвою награждаете за труд, употребляемый для вас при посеве, рассадке и воспитании вашем. Никогда не поскучу я оным, ибо ведаю из опытности, что вы вознаградите меня за то тысячами минут приятных и веселых. Минут, каковые частичками прямого блаженства на земле почтены быть могут и каковых о искании себе я всегда и везде прилагаю старание.

4. Ко времени созревания плодов (сочинено в начале августа 1795 г.)

Наконец настало у нас и ты, о время созревания плодов, время наидрагоценнейшее и изобильнейшее в году. Дождались мы; и тебя, о период времени, важнейший из всех прочих период, который угодно было устроителю природы ознаменовать особливим благоволением своим; благословить оной своею десницею Святою и назначить к произведению важнейших польз бесчисленным тварям своим, нежели к каким все прочие от него назначены! Вся натура начала уже достигать до той цели своей, до которой с начала весны наиглавнейше стремилась она, стремилась денно и ночью, с такою неутомленностию и с такими таинственными трудами, которые превышают все воображения и все понятия наши.

Все перемены, какие ни происходили по сие время в обширной Натуре, все разнообразные явления, какие ни представлялись до сего взорам и очам нашим, и оные толь часто приятностями своими очаровывали, все таинственные действия природы, происходившие как в недрах земли, так и на поверхности оной, коим не могли мы надивиться довольно и кои толь много превосходят все понятия наши; — делались и происходили, на большую часть не сами для себя, но назначены были для совершения собою других и важнейших

намерений. Все они главною целию своей имели то состояние вещей, в которое множайшие из них только в сие время приходят начинают. Все явления, бывшие до сего, были едиными только предшественниками, предвозвестниками и герольдами твоими. О ты, важнейшее явление натуры! явление, достойное наивеличайшего внимания, а вкупе и удивления нашего!

Что такое происходило до сего? Что такое видели мы, как не единые только приготовления твои к явлению нынешнему как к наиважнейшему деянию твоему, премудрая натура! Серые и безобразные поля наши покрывались зеленми приятными. Миллионы трав и былин возрастали на них, и рука твоя сотыкала на них бархаты драгоценные и украшала их, как богатые ткани, цветами узорочными. Мы видели травы сии прозябающими из недр земных и укрывающими серую поверхность ее. Мы любовались ростом и умножающимися с каждым днем, возвышением их. Мы видели, как рука твоя соплетала на них колосья разнообразные и украшала ими стебли их, видели класы сии цветущими и буреющими, видели поля наши, тобою в образе морей превращаемые, любовались волнами, производимыми на них дыханиями ветров твоих. Видели потом класы сии позлащающимися и стебли под собою к согбению принуждающие. Мы видели все сие и любовались всеми зрелищами сими.

Тучные вертограды наши украшались злаками разными. Мы видели их в положениях и состояниях различных и пере-

менных. Сперва также безобразными, там покрывающимися зеленью разного, а потом испещряющимися цветами многими. Мы видели и их порождения, выходящими из земли, видели возрастающими и ботеющими и взоры наши различием роста своего увеселяющими, и на все сие с удовольствием взирали.

Ветвистые леса, сады и другие древесные насаждения наши получали также разные виды и подобия. Мы видели их обнаженными сперва и могли рассматривать и тончайшие ветви на деревьях их. Видели, как деревья сии рукою твоею облакаемы были в летние одежды их, мы любовались густотою и разнообразностию листьев их, веселились живостию колеров их и прохлаждали члены свои приятною тению, производимую ими. Мы видели многие из них украшавшими ветви свои тысячами цветов преузорочных. Мы прельщались красотою и великолепием оным и услаждали обоняние свое благовонием от них и всем тем не могли навеселиться довольно.

Все перемены и явления сии были видимые нами и довольно известные всем. А сколь много действий ни происходило, и таких притом, которые сокрыты были от очей и понятий наших и кои натура производила сокровенно от нас.

Никакой травинке и никакому растению невозможно произойти самому собою и от себя, а того меньше образоваться, и все те явления и перемены производить, кои видимы нами были и коим иногда мы довольно надивиться не могли.

Ко всему тому потребно было побуждение, побуждение, делаемое самою Натурою, неизвестными и утаенными от нас средствами и путями.

К произведению всех перемен оных надлежало всем стихиям содействовать и всей той великой машине в непрерывном действии и движении быть, которая с начала Света продолжает кругообращение свое и устройство которой превышает все понятие и умовоображение наше. Морям надлежало доставлять воды свои в подземные горнилы, а сим парениями взгонять их чрез ущелины земные до самой поверхности ее и рассеивать их жилами всюду и всюду для напоения оной и произведения тысячи источников и ключей, изливающих непрерывно воды свои Вѣ реки, доставляющие их паки в озера и моря. Солнцу, воздуху, ветрам и теплоте надлежало поднимать нежнейшие испарения из сих вод во время течения их в высоту и, соплетая из них туманы, тучи и облака, орошать из них росами и дождем произрастения в их росте. Земле надлежало доставлять из недр своих в коренья их влагу, туки, соль и другие нужные им части и потребности. Воздух долженствовал отделять от себя части свои и, доставляя в тесные скважины состава их, вовлекать вместе с собою также разные масляные и солянистые частицы в недрах его, в рассеянии парящие, и помогать тем со своей стороны возрастанью их. Огню и другим стихияльным веществам надлежало также помогать своими действиями при том и совокупно всем наполнять и раздувать собою развивающиеся посте-

пенно машины, устройства наипремудрейшего, находившиеся до сего в тесном сожмении и уже давно перстами природы изготовленные.

Всем сим и тысячам других вещей надлежало действовать и действиями своими помогать к тому, чтоб все произрастения получали свойственные им виды и подобия и в составе своем имели все приличные каждому соки и силы, и ни единое из них во время возрастания своего не отступило от порядка, десницею преевечного предначертанного ему.

Но к тому ли одному толико трудилась вся натура, трудилась денно и ночью с начала весны и по сие время, и происходили все сии известные и сокровенные действия, явления и перемены в природе, чтоб увеселяться нам только зеленью трав и кистьями дерев, прохлаждаться тению от них, утешать взоры наши цветов их разновидностию или употреблять их в некоторые небольшие пользы себе и скотам нашим?

Ах, нет, и сего быть не может! Пользы сии хотя и не без выгоды для нас, однако, слишком еще малы, и конец сей далеко не соответствует величине действий и трудам природы. Ему надобно быть несравненно важнейшему и пользе гораздо существительнейшей. Она и есть такова действительно, и натура трудилась толь много, верно, не попустому. Не наслаждались только мы еще по сие время ею и начинаем только теперь пользоваться щедротою сею, сниспосылаемою от небес к нам.

Для нас в нынешней жизни единого веселия еще мало и

недостаточно. Блаженство наше составлять предназначено только в будущей жизни, а здесь почестся оно может единым только побочным концом, а кроме оно нужна еще и нужна гораздо более нам пища и пропитание. Без сей не могли бы мы пользоваться и увеселениями всеми. Итак, пища сия и снабдение нас оною на все годичное или еще множайшее время было главнейшею целью, для которой росли, цвели и возрастали произрастения и для которой пекущаяся об нас натура с начала весны даже до сего времени так много и неусыпно трудилась.

Но, о, какое поле удивления открывается мне, когда я простираю мысленный взор свой на все, относящееся до сего пункта, и обзираю все следы попечения Твоего и заботы об нас, благодетельная натура. Предназначив к наиглавнейшей пище и пропитанию нашему хотя те же самые зерны, производимые тобою в колосьях и в других сосудах, бываемых на произрастениях твоих, которым назначила ты быть вкупе и орудиями к продолжению родов их, не оставила ты пещись и о возможнейшем удовольствии вкуса нашего. Ты не только снабдила все их разными вкусами, превосходящими друг друга в приятности и доброте, но премудро распорядила, чтоб самые те из них, которые для нас нужнее прочих, не только производимы могли быть с меньшим для нас трудом и в множайшем количестве, кои вырастали почти обнаженные, покрытые только тонкою кожицею, от которой отделять нам их малого б труда стоило, но которая вкупе помогала б

им длиться долгое время без вреда и быть удобными к сбережению на несколько лет оных. С теми ж, которых угодно было тебе произвести меньшее количество и не так устроить, чтоб могли они служить нам ежедневною пищею, благоволила ты сделать иное распоряжение, распоряжение премудрое, но не менее для нас благодетельное и полезное. Многие из них одела ты телами толстоты неодинаковой и состава многообразного и удивительного. Тела сии, снабдив ты соками родов различных и угобзив ароматами благовонными, произвела для намерений не менее важных. Ты, придав им разные и друг пред другом преимущественные и лучшие вкусы, назначила все их к тому, чтоб они служили не только по пропитанию нам, но вкупе и услаждали вкус наш и производили тем отменное удовольствие для нас. Но дабы и самые немногие зерны сии не без всякой пользы для нас оставались, то многим из них придала ты способность снабжать нас разными млеками и елями, пригодными для приправ и услаждения яств наших. Иных же не одарила сими способностями, одарила ты другими и: также для пользы нашей. Некоторым из сих вместо тела на семенах повелела ты производить коренья отменного состава и величины и, снабдив их разными вкусами, также в доброте и приятности друг друга превосходящими, сделала их способными и к пропитанию нашему и к услаждению вкуса приятностию своею. Другим определила производить единые только листья особой величины и устройства и способные питать нас большую часть времени

годового. А некоторым единые только стебли, облеченные веществом особым и таким, которое назначила ты в иную для нас пользу, и сделала удобным к производству тканей и одежд, могущих защищать тела наши от суровости непогод и доставлять нам многие другие выгоды. Несметное же множество других, рассеваемых не нами, а твоею собственною рукою, назначила ты для иного, но не меньше важного и великого намерения. Сими питаешь ты несметные тысячи других животных, тварей разных родов, видов, подобия и к разным намерениям назначенных тобою. Всех их питаешь ты с толикою заботливостью и с таким попечением об них, что из всех многочисленных родов их ни единый еще род с начала мироздания не оголодал и не перевелся и донине. Всякому из них назначена от тебя особая пища и пропитание, и всякий и находит ее в каждый год со избытком и не терпит оскудения в ней.

Сим образом пеклась ты об них и о сохранении родов их, несмотря хотя многих из них назначила ты питать собою других тварей, сотоварищей своих, и, по-видимому, в множестве погибать от того. И в самом сем распоряжении твоим сияет непостижимая премудрость, соединенная вкупе с особливым и благодетельным попечением об нас. Некоторым и довольно многим из них, питавшимся отчасти произрастениями и разными частями их, отчасти семенами оных или другими и разными животными, предназначила ты производить собственно и нам многообразные и важные поль-

зы. Многим придала ты способность к общежитию с нами и не только покорила в особливости велениям нашим, но придала им способность производить нам важные услуги. Некоторые из них облегчают труды наши и помогают нам силами своими в доставлении себе всех способностей и исправлении нужд житейских. Другие отдают нам шерсть и волну свою для сотыкания из них одежды себе, а яйца, масло и млеко для пропитания нас. Многие питают нас самыми телами и внутренностями своими и снабжают теплыми мехами для согревания, а перьями и пухом для успокоения членов наших. Иные во все течение лета денно и ночно неутомленно трудятся в собирании и приуготовлении меда для услаждения вкуса нашего и воска для освещения жилищ наших в часы мрака и темноты. А другим повелела ты искусством, все понятие наше превосходящим, сопрядать из соков своих нити и снабжать нас ими для сотыкания из них наших одежд лучших.

Тако, премудро и благодетельно, пеклась и заботилась ты о пользах и выгодах наших, попечительная натура! И кто может сповесть все благодеяния, оказываемые нам тобою ежегодно! Бесчисленны они и велики, и ты достойна за них благодарности беспредельной, а особливо в сие время. Для осыпания нас ими и всеми дарами твоими назначила ты хотя разные периоды времени годового, но период нынешний сделала ты знаменитейшим из всех и выгоднейшим для нас. До сего пользовались мы ими постепенно и понемногу, а теперь

по особливому благоволению своему, начинаешь осыпать ты нас ими вдруг и в превеликом изобилии и множестве.

О какое! приятное удовольствие можно иметь мыслящим и чувствительным душам, если с умственным обозрением всех благодеяний твоих соединять теперь и телесное! Никогда не упоется душа моя толикою сладостию и никогда не плавает сердце мое в удовольствии том великом при мыслях и обозрениях таковых, как в теперешнее время. Куда ни направлю стопы мои, куда ни простру очи мои, везде вижу следы благодеяний твоих, повсюду встречаются со мною зрелищи, увеселяющие взоры мои и приводящие всю душу мою в такое положение, которого приятность я никак изобразить не могу.

Выйду ли на поля, окружающие обиталище мое, простру ли взор свои на луга, распростертые по долинам и низам, углублюсь ли в прохладные недры лесов тенистых, обозрею ли умственным и телесным оком своим реки и другие воды, рассеянные по окрестностям селения, обитаемого мною, и все, находящееся в них и на оных, обойду ли все места и части самого жилища моего, разные в нем ограждения и все в них находящееся сбозрею, загляну ли на гумно мое с умножающимися в нем теперь всякой день скирдами хлебными, войду ли в ограждения, где растут мои овощи и травы огородные, выйду ли в сады мои, и загляну ли во все части и ревиры оных – как везде-везде увижу я изобилие, везде дары, рассыпанные твоею рукою, щедрая и благодетельная природы!

и повсюду людей и самых животных, собирающих оные, питающихся оными и впрок себе их заготовляющих. Все и все находятся в движении и все в трудах, и трудах хотя тяжелых, но приятнейших во всем годе. Никогда им они толико легкими не кажутся, как в сие время!

Тамо вижу и поля, усеянные множеством поселян, занимающихся: уборкой хлебов своих и собирающих в гумны свои дары, сниспосланные им от небес в лето сие. Все члены семейств их от мала до велика с охотою берут участие в сем; труде всеобщем, и все трудятся без стенания, но охотно и с удовольствием еще: иные посекают класы серпами и косами острыми, другие снашивают снопы, связанные из них, и складывают в кучи, иные взвивают их на повозки и везут в жилищи свои. Далее другие рассевают уже новые семена или готовят их для вверения вновь недрам земли, обработанной ими.

Здесь вижу луга, испещренные стогами сена, заготовленного для питания скота, стрегомого между ими, и людей, ограждающих оные тонкими древесными. Между тем пастыри бегают и загоняют утучненных и играющих животных, которые их попечению вверены.

Тамо нахожу лес до того безмолвный, ныне же оживотворенный множеством людей, посещающих его ежедневно. Созрели теперь многие плоды древес диких, и они собирают оные, а вкуче с ними и растения земли самой, ею в сие время производимые в них. Инде вижу поселян, едущих от

пчел своих с большими сосудами, наполненных сладким медом, полученным от избытков их. В другом месте встречается стрелок со мною, обвешанный множеством птиц разных, настроенных им на водах и болотах, где они выводили детей своих и без всякого вспоможения нашего воспитывали для нас. Инде вижу уже раннего ловца, с быстрою и прекрасною птицею на руках разъезжающего по нивам, украшавшимся недавно колосьями златыми, а теперь уже обнажившимся. Проворный пес сотовариществует ему и помогает отыскивать пернатых, прилетающих к нам из стран дальних для питания нас собою и детьми своими.

На водах, встречающихся с зрением моим, вижу целые стада птиц разнородных, плавающих по поверхности их, с многочисленными детьми своими, достигшими уже до возраста совершенного. А над ними других, то в высоте парящих, то быстро к лицу самой воды спускающихся и делающих обороты разные. В чистых струях прозорливыми очами своими усматривают они рыб, живущих в оных и подходящих близко к поверхности вод, острыми когтями своими изловить старающихся, что по великому изобилию оных им и удается часто. В других местах вижу других, которые исполинами между пернатыми почестья могут, шагающих на длинных ногах своих по отмелям вод сих и добывающих также свойственную пищу себе. Инде вижу юношей сельских, преграждающих мелководия в реках забралами каменными, а других, извлекающих уже из них сплетенные из

гибких ветвей древесных, мрежи свои со множеством рыб всякого рода и радующихся о добыче своей. Далее вижу целое сонмище молодых поселянок, пестреющихся вдали разноцветными одеждами своими. У сих созрело произрастение из всех любимейшее для них, и они, выдерживая оное из земли и связывая в пуки и снопы небольшие, устанавливали их в кучки пирамидальные, и теперь [вижу] чрез воды перебирающихся по мелям и при воспевании песней сельских, возвращающихся в дома свои.

Инде вижу пыль, поднимающуюся столпом в высоту воздуха чистого, и слышу громкий стук от колес, в недрах сего облака густого происходящий. Целый ряд порожних сельских колесниц катится тут быстро, и как на крылах ветренных, по пути гладкому и сухому, и согласная дружина молодых и старых поселян поспешает на них за оставшими еще на нивах сокровищами своими, чтоб успеть еще до вечера докласть огромные стопы, воздвигаемые из них подле жилищ своих. Восклицания их при понуждении лошадей своих к скорому бегу раздаются далеко по сторонам, и отголоски оттого достигают до ушей моих. Другую дружину с длинным рядом движущихся громад класистых вижу шествующую уже медленными стопами на сретение сей и спускающуюся бережно с горы высокой. Вместо стука и грома слышен тут уже скрип от колес, под тяжкими бременами стелящих.

Я последую ли взорами своими за обозом сим до гумна господского: какое множество людей усматриваю я тут, и

всех их в каком движении, рвении, трудах и работе! Око мое не может насытиться зрением на целые сотни снопов, взлетаемых друг за другом на воздух в высоту и тамо в ряды и порядки полагаемые. Из трудящихся людей сих одних вижу я, основание полагающих, других – возвышающих и вывершивающих огромные стопы, подобные башням и твердыням городским, иных – подвигающих к ним с поспешностью воза свои других – расхватывающих оные в один миг и отдвигающих потом опорожненные и всем тем друг пред другом поспешающие наперыв.

Все это собрание и сохранение впрок даров твоих, благодетельная натура! и где... где? не видно теперь таковых же упражнений? Весь народ находится в движении и в трудах в сие время и не только земледелатели, но и прочие люди как в обиталищах сельских, так и городах самых. Те, которые не занимаются собиранием с полей плодов, упражняются в собирании, скупании или распродавании садовых и огородных овощей. По всем селениям развозятся воза, наполненные ими, и все рынки в городах установлены оными. Куда ни посмотришь, везде видны яблоки, сливы, груши, орехи, морковь, репа, огурцы, арбузы и множество других мелких плодов садовых, лесных и огородных. Множество людей занимаются продажею и разными приуготовлениями из них. Здесь перемывают и солят огурцы и устанавливают в погреба теплые, там пекут яблоки и перебивают из них белейшее и пышное тесто для пастил сладких. Инде варятся разные ва-

ренья из плодов и ягод садовых, лесных и полевых. А в других местах занимаются хозяева бережным обиранием и разбором лучших и зрелейших плодов своих и так далее. Словом, все и все находится в движении по поводу тому, что все плоды, производимые тобою, натура, начали приходить в созрание и с каждым днем получают от часу множнейшее совершенство.

Мыслящий и чувствительный смертный, обозревая все сие умственным и телесным оком, может извлекать из всего того для себя тысячи увеселений непорочных и все дни периода сего провождать в удовольствии особом. С каждым днем может находить он везде предметы новые, могущие не только увеселять зрение, но и занимать всю душу его приятнейшими помышлениями и производить в ней ощущения сладкие. Ему нужно только смотреть на все не так просто и не так грубо, как смотрит большая часть сочеловеков его, и не оставаться при одной поверхности вещей, а вникать умственными очами своими несколько глубже в их состояние и обстоятельства, до них относящиеся и принадлежащие. Ему нужно обозревать их не с одной, а со всех возможных сторон и наиболее таких, которые могут трогать его душу чувствительную и производить в ней ощущения нежные и сладкие. Ему надобно стараться замечать наималейшие черты и обстоятельства, к тому способные, и, отыскивая, ловить их везде, где и в чем только он найдет их может. За все сие и получит он мзду, неоцененную себе. Душа его воспользуется

наслаждением тысячи минут приятных, минут, которые не противны будут самому Творцу его и каковые от самого его назначены к составлению ее блаженства на земле. Блажен, кто, повинясь в сем случае гласу самой природы, постарается исполнить то, чего сама она от него требует и к чему сама его приглашает в нынешнее время.

5. К бархатцам (сочинено августа 17 дня 1795)

О бархатцы! о милые и любезные цветки! Как вы хороши и прелестны собою! И как много люблюсь я завсегда вами. Вы были мне всегда любезными. Любил я вас в самое утро дней моих, любил в наилучшие годы жизни моей и люблю и ныне, когда главу мою уже седина покрывает. И вы кажетесь мне достойными любви таковой. Вы имеете в себе нечто нежное и нечто в особенности приятное и такое, что прилепляет к вам душу мою. Нежные ваши мягкие листочки, густо-желтый и живейший колер ваш, а паче всего тот наинейнейший и несравненный ни с чем малиновый или густо-красный бархат, которым покрыты бывают большие и испещряются прочие мелкие листки небольших цветков ваших, придают вам отменную красу и преимущество пред другими весьма многими цветами, сотоварищами и современниками вашими. В каких иных можем мы найти такого прелестного и прекрасного колера бархат? Одни только лихнисы равняются в том с вами, но далеко отстают от вас прочими совершенствами своими.

Не принадлежите вы хотя к цветам пышным, гордящимся величественным ростом своим или взрачностью больших и красивых цветов своих, привлекающих уже издалека к себе

зрение каждого, не можете хотя украшать сады наши со излишком и придавать им великолепие самое. Не услаждаете хотя обоняния нашего ароматическим и приятным запахом своим, но принадлежите к породам цветов мелких, низких, собою невзрачных и не могущих кичиться долговременного жизнью своею, а одарены от природы длением, продолжающимся единое только лето, но зато не угнетаете вы никого из сотоварищей своих, не безображаете цветников наших дурным и беспорядочным видом травы и листьев своих как во дни молодости, так и старости своей. Не являетесь нам по примеру других только на немногие дни и на самое короткое время, не возрастаете и живете на определенных местах себе тихо, скромно, беспорочно, не обижая никого и не делая никакого зла и вреда никому, так, как живут и между нами тихие, скромные и незлые люди, и делаете спокойно то, к чему назначила вас натура, и по мере сил и способностей своих стараетесь производить возможные пользы.

Со всем тем не позабыты и вы совсем от щедрой природы. Не лишены и вы всех преимуществ, какими величаются многие из собратий ваших, но она уделила их и на вашу часть несколько и одарила многими такими, каких не имеют целые сотни и тысячи родов из собратий ваших.

Кроме прекрасного и бесподобного бархата вашего, которым вы толико превосходите всех прочих, весьма немногие из них сравняться могут и с махровостию цветков, и с пестротой, и с расположением листков ваших, а особливо в пол-

ных и махровейших цветках пред другими. Хотя претекли с того времени многие годы, как я в первый раз увидел таковые в цветниках у себя, самым мною посеянные и возвращенные, но и поныне не могу еще забыть, как много я тогда любовался и веселился вами, цветки милые и дорогие, и как доволен был приобретением сим. Оно веселило меня тогда, почти более, нежели веселят иных из сочеловеков моих и важнейшие приобретения, получаемые ими в жизни. Приобретения, доставаемые ими с трудами и заботами бесконечными, а того еще хуже сколько правдою, а более еще неправдами всякими. Я не отходил почти тогда от вас, посещая вас ежедневно, и любовался красотой вашею по несколько минут сряду. Да и теперь, хотя уже более тридцати крат возобновлялась натура после того времени, и я, видая вас ежегодно у себя, имел довольное время присмотреться к красотам вашим, но вы все еще не прискучили и все еще милы и приятны мне. Я и поныне в каждую весну с удовольствием засеиваю семена ваши, дожидаясь с вожделением расцветания вашего и, когда красуетесь вы в полном цвете своем, то не одну минуту провожу в отменном удовольствии, стоя подле вас и любуюсь всеми красотами вашими, цветы милые мои.

Кроме сего не с меньшим преимуществом отличаетесь вы и тем от множества других цветков из собратий вашей, что вырастаете в великом множестве на кустах ваших и украшаете их многочисленностию своею. Какого прекрасного зрелища не представляете вы, когда растете не в розницу и не

поодиночке между другими и теснящими вас со всех сторон произрастениями грубыми и большими, а на просторе и в содружестве только своих собратий и в обществе своем многочисленном. Будучи все одинакового почти роста, все унизаны великим множеством цветов прекрасных и при утреннем солнце, как самый жар горящих цветов таким множеством, что за ними не видно почти и самого темно-зеленого и цветкам вашим толико соответствующей травы вашей, стоите, растете и ликуете вы тут, как некое мирное, кроткое и счастливое семейство, и, пленяя взор красотами своими, утешаете вкупе и дух, способный к ощущениям мягким и не бурливым.

К дальнейшим преимуществам вашим принадлежит и то, что цветете вы не самое короткое время: не два, не три или четыре дня, как цветут некоторые из товарищей ваших, но долго-долго, многие дни и несколько недель сряду, а притом еще в нужнейшее время. Вы цветете тогда, как сады наши уже пустеют, когда красота их начинает уже увядать и когда им всего нужнее цвет для поддержания оной.

Самую сию услугу и могли б вы производить им собою: если б только рука вертоградаря похотела употребить вас к тому и располагала вас со вкусом и догадкою. Какую б красу могли б вы придать полянке иной, сидючи на бугорке низеньком или холмике отлогом, подле густой опушки лесочка ветвистого, на берегу лужочка гладкого и увенчива[я] чело бугорка сего целым лесочком, составленным из одних вас,

цветы милые мои! Како блистали б тут злато-желтые махры ваши против утреннего солнца, и какое пригожество придали б вы всей лужайке тем! Или как много могли б вы украшать цветники и другие места в садах наших, если б посажены были иногда беспрерывными длинными и густыми рядами прямыми или согбенными и обгибали б собою или фигуру какую или край площадки или дорожки какой. В сих и других случаях, сему подобных, можно б и вас сделать видными и наградить тем то, что не одарены вы от природы.

А что сказать о том качестве и совершенстве вашем, что вы и по сорвании вас не так скоро вянете, как многие другие из собратий ваших, но длитесь иногда довольно долго и делаетесь способными чрез то к соплетанию из вас гирляндов и венков и украшению ими при торжествах разных вещей в садах и домах наших. Какую красу можете вы придавать в таких случаях и одни, и в смешении с другими. Наконец, не составляет ли и то уже преимущества важного, что вы, милые и любезные цветы, не таковы нежны и причудливы, как многие другие из сотоварищей ваших, таких же переселенцев к нам из стран дальних, как вы! Имя, придаваемое вам народами чуждыми, ¹ извещает нам, что вы пришлецы в пределы европейские и преселены в них из горячих стран Африки. Может быть, предки ваши украшали серальские сады какого-нибудь владетеля стран южных и, прельстив собою зрение

---

¹ У всех почти иностранных народов называются бархатцы и шапки-Африканскими. *Flos africanus*.

бывшего европейского странника там, побудили его вывезть оттуда первые семена ваши. Самое то, что не вытерпливаете вы наших морозов вешних, подтверждает нам догадку нашу и доказывает вкупе, что вы не наши земляки, а уроженцы стран южных и теплых. Со всем тем и несмотря на то, вы не только растете и у нас на севере с успехом наилучшим, но заводите и размножать вас еще скорей и легче можно, нежели иные какие. Где и где и у кого вас нет? Из всех пренесенных к нам произрастений чуждых едва ли не к числу первейших и древнейших принадлежите вы, цветы милые! Вы не только нам, но и прадедам нашим были известны и венками из вас украшали уже бабки наши лики святых, наиболее почитаемых ими.

По всем сим многим преимуществам и способностям вашим как жаль, что не удостоиваетесь вы такого уважения и такого почтения от всех, какого вы поистине достойны и заслуживаете. Как жаль, что есть люди и люди очень многие, не воздающие вам должного, но такие, которые не только не уважают, но даже и презирают вас, цветы милые и дорогие.

Тем ли вы заслужили сие, что вы так услужливы, кротки и добронравны, что вас всякому иметь у себя можно и что украшаете собою не одни только сады бояр знатных и богатых, но и простейшие цветники и огородцы обитателей сельских и городских, и что несметному множеству людей услуги и собою удовольствие производите.

Ах! любезные цветки! не огорчайтесь тем. Не с одними

вами бывает то на свете. Есть и между нами люди, также кроткие, добрые, услужливые и одаренные также многими хорошими свойствами, качествами и преимуществами пред многими другими собратиями своими. Есть также провождающие всю жизнь свою смирно, миролюбиво и в одних только трудах полезных собратиям своим и достойные уважения и почтения, но также, как и вы, не уважаемые по достоинству и забываемые. Есть также и презираемые за то, что они так хороши, добродушны и услужливы и живут смирно, никого не обижая и не делая зла никому.

Что касается до меня, то вы мне кажетесь столько почтения и любви моей достойными, что я никогда не престану вас у себя иметь и вами веселиться. Пускай кто хочет презирает, не уважает и не любит вас, а мне вы всегда таковы ж будете милы, как и теперьь.

Итак, растите и ликуйте себе, цветы милые мои, и продолжайте украшать собою сад мой и веселить всякой день меня, доколе враг ваш и губитель многих собратий ваших не прилетит на крыльях Аквилона хладного и вместе с ними не паразит и вас жестокостию своею. Тогда в благодарность за все приятные минуты, доставленные мне в нынешнее лето вами, приберу жалкие остатки ваши к месту и, выбрав из них семена, долженствующие продолжать племя ваше, сохраню их до весны грядущей в сосуде крепком и помогу им потом возобновить род ваш и утешать опять смертных своими прелестями и красотами.

6. Прогулка осенняя в августе (сочинено в августе 1795)

О буди благословенна мне и ты, о осень золотая! Сколь ты для многих ни скучна и сколь ни разорительна для всей видимой природы, сколь сильно ни опустошаешь все места, до сего увеселяющие нас прелестями своими, но я не скучаю и твоим приближением, но благословляю и твое появление, о осень дорогая. Смотрю с удовольствием на первые следы твои, отыскиваю и в тебе все, что только может утешать наши взоры и занимать дух помышлениями приятными, и, находя множество вещей и в течение твое к тому способных, встречаю и тебя с удовольствием душевным.

Правда, хотя первое появление твое и поразительно для очей, приобыкших тако давно уже утешаться едиными прелестями весны красной и теплого лета. До сега видели они всякий день прекрасные зелени древес ветвистых, утешались приятными тенями, производимыми ими, пленялись красотой и великолепием цветов разных и находили себе везде пищу сладкую и приятную, а теперь везде и во всем том видят великую и жалкую перемену. Зелень листьев на деревьях лишилась уже всей прежней живности своей и на многих из них сделалась безобразною совсем, приятная густота оных, производившая те тени прохладные, коих толико

вождедели до того наши члены, утомленные зноем палящего солнца и коим с толикою приятностию они наслаждались, уже исчезли. Теми сии хотя еще и есть, но что они в сравнении с прежними?! Совсем истончавшие, проредевшие и далеко такого действия не производящие, какие производили они до сего времени. В цветах, сих любимицах природы, хотя и нет еще теперь недостатка, но что составляют и все они против того несметного множества, каким натура в летнее время украшала землю и которых теперь видны одни только мертвые остатки, одни иссохшие и помертвелые стебли, лишенные всей прежней пышности и великолепия своего и не только производящие сами собою отвратительные виды, но безобразием своим отнимающие и у прочих красоту и приличие. А таковые ж невыгодные перемены видимы теперь и во всех других почти предметах. Все одеяние природы начинает стареться и ветшать и со всяким днем теряет от часу больше прежней своей нежности, красоты и великолепия своего.

Со всем тем и как перемена таковая ни поразительна для глаз, но нельзя сказать, чтоб и теперь натура не имела еще многих прелестей и таких предметов в себе, кои в состоянии увеселять зрение наше и производить в чувствительной душе удовольствие приятное. Умеющий примечать и усматривать оные и привыкший к блаженному упражнению сему может и теперь находить их великое множество ежедневно. Великолепие свода небесного и ныне еще таково ж, каково бы-

ло до сего времени, а багряницы, в которые облакается оный при восходе и закате светила дневного, бывает в сие время еще величественнее, разнообразнее и великолепнее, нежели в иное какое. Прекрасные утра чистых и ясных дней с голубыми и неоцененными брюмами своими все еще таковы ж приятны. Сады наши хотя и лишились уже вешних красот своих, хотя не гремят уже в них приятные голоса разных пташечек пернатых и они не перепархивают с ветви на ветвь и с сучка на сучок и не производят собою удовольствия приятного, но деревья в насаждениях сих не обнажены еще всей зелени своей, а лужочки и полянки в них и поныне еще при утреннем солнце очаровывают зрение наше своими огнями разноцветными, и бриллианты на травках от росы и ныне столь же прелестны, как весною. А вечера в ясные и тихие осенние дни какими еще прелестями преисполнены ни бывают? Каких прекрасных зеркалов не представляют нам воды поверхностями своими и какими зрелищами ни утешается зрение наше при захождении солнца и в местоположениях красивых? Самые леса наши лишились хотя многого из красот своих, но потеря сия чувствительна только при обозревании их вблизи самой, а вдали, а особливо в брюмах дорогих, все они еще таковы ж прекрасны и хороши, как были до сего времени, а скоро, скоро, когда натура дерева в них оденет в свои ризы позлащенные, сделаются они еще великолепнейшими, нежели каковы когда-либо были. В самых цветах наиболее только там оскудение и безобразие примет-

но, где рука вертоградаря мало об них пеклась и заботилась, а где лучшее об них попечение было, там и ныне они делают садам нашим великое еще украшение и зрение наше увеселять собою могут. Одни величественные мальвы большими своими и разнovidными цветами в состоянии уже придавать им великолепие самое.

Но хотя б и подлинно чувствительна была во многом из прежнего потеря, но не может ли недостаток сей с лихвою заменять то важное действие благодетельной природы, которое происходит ныне при глазах наших во всей природе, и то особенное явление, которое она представляет в сие время очам нашим. Мы видим ее окончивающую и довершающую все многочисленные труды свои. Видим до той великой цели достигающею, для которой все до сего виденное нами она производила. Видим приводящею в созрение и совершенство все плоды на произрастениях бесчисленных, назначенных ею для тысячи разных и великих намерений. Видим полагающую в них основание всем будущим красотам и великолепиям в грядущее лето. Видим вкупе пекущуюся и обо всех нуждах и пропитании нашем и осыпающею нас бесчисленными дарами своими и спешащею наконец к отдохновению своему.

На все сие смотря и все сие обозревая в подробность не одними телесными, а вкупе и душевными взорами нашими, не можно ль найтить и находить ежедневно множество поводов к увеселениям душевным и телесным? Нам нужно толь-

ко направить стопы свои и простерть помышления свои в поля, луга, леса, сады и другие места, внутри и вне обиталищ наших находящиеся, как повсюду повстречаются они сами с очами и помышлениями нашими и в состоянии преподавать нам способ и в самое осеннее время делать прогулки наши столь же приятными для нас, как и в другое время года, и ими столько же или еще более утешать дух и сердце наше.

Ибо выеду ли на поля, окружающие селение мое, как не один, а многие предметы вдруг поражают очи мои и производят в душе наиприятнейшие впечатления. Тамо представляются мне обширные нивы с класистыми и разнообразными плодами своими. Плоды сии уже созрели совершенно. Я вижу миллионы стеблей, преклоненные тягостию класов своих почти до земли самой. Все класы сии преисполнены зернами, долженствующими служить как наиглавнейшею пищею и десницею природы, к тому приготовленными. Целые семейства прилежных поселян поспешают сожинать оные блестящими серпами своими и не чувствуют усталости, хотя текущий пот орошает чело и ланиты их. Из-под рук их при очах моих вырастают кустья, отягощенные колосьями ржаными и пшеничными, и, испещряя нивы, придают им собою зрелище новое и приятное. Далее вижу я сограждения из снопов сих, воздвигнутые рядами многими, а под тению одного из них колыбель с птенцом семейства сего и нежную мать, воздающую его млеком своим. Престарелый земледелец, отец многочисленного семейства и дед нежного птенца сего, с по-

сошком в руках расхаживает между оными и все их с удовольствием пересчитывает и обзереваает. Радость написана на очах его, ибо все они произошли от зерен, которые рассевала дрожащая рука его. Инде усматриваю я целый ряд колесниц с громадами, воздвигнутыми на них из снопов класистых. Стенание колес от тягости, бремя везомого ими достигает издалека уже до ушей моих и привлекает туда все внимание мое. Другое семейство, составленное из старых и молодых, представляется тут очам моим в трудах иного труда, но не менее приятных им. Все они ведут за бразды лошадей, сих сотоварищей и помощников их, везущих в дома к ним сии громады с миллионами зерен на пищу, дарованных им. Никакие труды им толико ни приятны, как сии. Самые юнейшие из них и сущие птенцы небольшого семейства сего с охотою воспринимают участие в трудах старейших и будучи не в силах поспевать за ними в шествии, сидят либо наверху движущихся громад сих, либо на; спинах лошадей самых и, держась слабыми ручонками своими за дуги, по мере сил своих стараются управлять оными. Утешительное зрелище для отцов, идущих впереди! В некотором отдалении оттуда усматриваю я мирные хижины поселян и подле их высокие пирамиды, воздвигаемые из снопов класистых и желтеющие вдали. Дружная кучка обитателей сельских ревностно трудится над окончанием крутых верхов их и спешит обезопасить сии сокровища свои от дождей и согниения. Тонкие и белые дымы воздымаются на воздух неподалеку от них, а

в другой стороне звучит земля от цепов, выбивающих зерны из колосьев, и возлетают на воздух целые кучи их, приготавливаемые для посева нового. Небольшое дыхание ветра помогает трудящимся над тем перечищать зерны сии и, отделяя от них бурую плеву, относит ее в страну иную. Приятное зрелище для очей любопытных, а того приятнейшее для поселян самых, любующихся тут новыми плодами нив своих и радующихся изобилию оных. Инде вижу я других сотоварищей их, разбрасывающих уже зерны сии паки по земле серой и обнаженной. Рука их успела уже умягчить ее и вверяет их теперь снова на целый год благодетельной натуре, нимало не сумлеваясь, что она не только сбережет им сокровищи сии, но возвратит их еще с лихвою в грядущее лето.

Далее наежжаю я целые поля в виде ином и приятнейшем еще. Как драгоценные ткани и ковры, испещрены они разноцветными пятнами и полосами. Каких прекрасных колеров и разных смешений и оттенков ни вижу я тут! Инде прекрасные зелени увеселяют зрение мое, в других местах бурые и серые колера встречаются с ним. Здесь палевый и живейший колер покрывает плоскости целые, инде как злато блистает он от лучей солнца. Здесь белеются они, а там алеются, а инде краснеются полосы сии.) Зрелище толико приятное для глаз, что не можно им налюбоваться довольно. Картину сию составляют иные произведения природы, назначенные также для пропитания нас и скотов наших. Тут вижу я золотистые овсы, усатые ячмени, кудрявые гречи, стручистые горохи и

другие порождения самого лета сего. Все они спешат также приходить в созрение свое и готовятся наполнять житницы поселян собою, награждая их за труд, употребленный при посеве их. Скоро-скоро будут и они все посекаяться острием кос и серпов, и рука земледельца трудится над собиранием оных. Некоторые из них уже и теперь достигли до совершенства своего. Уже местами встречаются с зрением моим желтые овсы и алые гречиши, поверженные долу острием кос блестящих, и лежат стройными рядами, отдыхая на земле. Око мое с удовольствием смотрит на ряды сии вблизи и отдаленности, любитя ими и не может налюбоваться довольно.

Но скоро другое и еще приятнейшее зрелище отвлекает его в страну иную. Око мое усматривает зеленые луга неподалеку от себя и находит новые предметы к насыщению и удовольствию своему. С того времени не видало еще их оно, как великолепствовали они в виде ковров драгоценных, и когда; не могло оно никак насытиться зрением на миллионы цветов, украшавших оные и красотою своею пленявших все чувства и воображение мое. Теперь видит их оно, хотя лишенных красот тех, хотя обнаженными уже от них, но иные предметы поражают зрение и не менее пленяют все чувства мои. Я вижу тут целые сотни разнообразных животных, тех больших и малых тварей самых, кои назначены от природы к общежитию с нами, которые по велению ее состоят в отменном повиновении у нас и всем нам толико нужны и полезны. Я вижу тут смирных и простодушных тельцов и матерей

их, питающих нас сладким млеком своим, вижу непорочных агнцов, облеченных в волну мягкую и кудрявую, резвящихся окрест матерей своих, толико же добродушных, как и они сами. Вижу животных, хотя неопрятных собою, но отличающихся великим плодородием: своим и снабжающих трапезы наши нужным и вкусным мясом своим, окруженных многочисленными детьми своими. Все сии и протчия сотоварищи их представляются очам моим в разном положении тут. Иных вижу я расхаживающих по гладкому лугу и щиплющих младую траву, вновь выросшую на них. Других лежащих в спокойствии и перерабатывающих во ртах пищу свою, некоторых распростертых по земле и отдыхающих, иных в глубокой сон погруженных, а некоторых бегающих, веселящихся и играющих с другими, всех же совокупно умашенных туком, в наилучшем состоянии и готовящихся снабжать трапезы наши жирными и вкусным» яствами. Я смотрю, люблю и утешаюсь деяниями и упражнениями их, помышляю о великом благодеянии, оказанном чрез них натурою нам, и как мысли, так и зрелище сие занимает меня несколько минут сряду и наполняет всю душу мою удовольствием сладким.

Но вскоре иной предмет привлекает меня к себе и побуждает продолжать далее путь и обозрение мое. В некоторой отдаленности усматриваю я лес, зеленеющий предо мною, и в душе моей: возрождается желание ехать к нему утешаться вновь красотою древес его и прохлаждать члены свои

приятными тенями его. Я приближаюсь к нему и не успеваю углубиться в прохладные недры его, как множество новых предметов встречаются с зрением моим и подает новые поводы к невинным увеселениям мне. Я смотрю на все деревья и не узнаю их почти по величине, которая прибавилась в них в течение одного лета сего. На концах всех ветвей и сучьев их и от пней всех, посеченных в последнюю осень, усматриваю я новые побеги и не налюбуюсь длиною и величиною их. Большие широкие и свежие листья их пленяют взор мой видом своим и, побудив к новым помышлениям о благодеяниях природы, оказанных нам и с сей стороны, во внутренности души восклицать меня побуждают: «О, как благодетельна была она и тем самым к нам, что всем деревьям нашим повелела всякой год увеличиваться и толстеть, а по срублении возрасть вновь от корней своих. Что б было с нами, если б сего не было? Где б взяли мы лес на построение жилищ и оград наших и для согревания их в хладное зимнее время?»»

Я углубляюсь в размышления сии и подобные им, как вдруг усматриваю поселянок, идущих из леса и возвращающихся в дома свои. Целое сонмище их было, составленное из старых и молодых и обремененное ношами разными и приятными для них. Иные несли целые корзины, согнутые из кор древесных, накладенные до самого верха грибами пород различных, и спешили доставить ими семействам своим ужин изобильный. Иные обременены были целыми но-

шами орехов сладких, нащипанных ими в лесу с кустарников ветвистых, и радость о добыче сей изображена была на очах их. Некоторые обвешаны были кругом пуками калины красной и прозрачной, а другие украшались рябиною, цветом своим алым кораллам неуступающею. Юнейшие же из них, прыгаячи от радости, несли целые сосуды, наполненные ягодами костяничными, превосходящими вкусом своим самые гранаты стран южных и восточных, и готовились потчевать ими отцов и матерей своих по возвращении в дома. Все это плоды и произведения лесов наших в сие время, и леса сии никогда не посещаются так много обитателями деревень, как во дни сии, в которые натура рассыпает везде изобилие плодов своих. Я смотрю на сонмище сие, подходящее ко мне при громких и веселых разговорах между собою. Смехи, шутки и невинные издевки одни оживляли беседу их, и беспритворное удовольствие изображалось на лицах у всех. Я останавливаю их вопросами своими, пересматриваю ноши и добычи, несомые ими, люблюсь произведениями сими, хвалю трудолюбие их и беру соучастие в радости и удовольствии их. Они предлагают мне лучшие из плодов, набранных ими, отбирают зрелейшие грани орехов своих и упрашивают о принятии оных. Но я охотнее оставляя их самих пользоваться оными и возблагодарив за малейшую часть, принятую от них, с удовольствием оставляю их и продолжаю путь свой.

Тут вскоре и новый предмет привлекает все мое внимание

к себе. Слух мой поражается нежным звучанием крыл насекомых, пролетающих мимо ушей моих и возвращающихся с полей в обиталищи свои. Вблизи от места того, куда простирал я путь свой, находилось селение их, содержащее в ограждении своем несколько десятков дуплистых домов их. Какой сладкий и бальзамический запах обнимает все обоняние мое, когда приближаюсь я к сему обиталищу мух премудрых и прилежных, и какое зрелище представляется очам моим! Несметные тысячи насекомых сих слетаются со всех сторон к сему селению своему, и каждая из них, обремененная сладким медом, поспешает в обитальще свое, дабы скорее сложить бремя свое в соты, которые приготовлены для него другими товарищами их. Несмотря на множество домов, стоящих рядами и в смешении тут, каждая узнает жилище свое и встречается целыми сотнями подруг своих, сидящих при входе в храмины свои и стерегущих оный от врагов своих. Многие из храмин сих трудолюбием и ревностию обитателей своих толико уже преисполнены сокровищами их, что для самых оных не оставалось уже довольно простора к пребыванию в них, и они, целыми тысячами выходя из них, покоятся на поверхности оных. Какое зрелище для любопытного ока, а того паче для обладателя полезных тварей сих, прилепленного особою и нежною любовью к ним! С каким удовольствием взирает! он на все деяния и труды сих любимцев своих! С каким усердием печется о благосостоянии жилищ их и озабочивается о воздвигнутых вновь и отселившихся за

немногие дни до того. Он считает и пересматривает их ежедневно, и мысль, что и они некогда столь же богато одарять его станут избытками своими, как недавно одарили его старые, наполняет сердце его удовольствием сладчайшим.

Насытив око мое зрелищем сим и ум увеселительными помышлениями и о сем важном и таком предмете, который не менее, как и прочие, доказывает нам благодетельное попечение о пользах наших премудрой природы, и возвращаясь обратно в жилище свое. Простру ли я любопытный взор свой на воды, окружающие оное, отчасти естественные и текущие, отчасти искусством в обширных водоемах накопленные и стоящие. Тут воображение мое напоминает мне виденное недавно несметное множество других тварей, которым натура сию жидкую стихию обиталищем назначила, и мысль, что и сим многочисленным из разных родов животным благодетельная сия попечительница об нас повелела для нас же и пропитания нашего всякий год самим собою в великом множестве размножаться и в короткое время вырастать и увеличиваться, и не только в водах, ею самую произведенных, но и в хранилищах нами приготовляемых для того, и что ею же научены мы и разным средствам к изловлению их всякий раз, когда понадобятся нам. Сия мысль и замеченное при недавнем ловлении их обстоятельство, что и из сих животных все молодые к сему времени вырастают уже великими и становятся способными к употреблению нами в пищу, побуждает меня к новым благодарственным чувствам к пода-

телю всех благ и устроителю натуры, и всю душу мою такими утешительными помышлениями наполняет, что я забываюсь почти от удовольствия, сладкого и приятного мне.

Так углубившегося в размышления приятные разбуждают меня, как из сна, новые явления, поражающие вкупе и зрение, и слух мой. Издалека вижу я целые ватаги других животных, облеченных в перья разноцветные, идущие с холма рядами длинными и скорыми шагами к водам сим приближающиеся. Были то многочисленные семейства птиц пород различных и предводимые старейшими и матерями своими, поспешающие друг за другом забавлять себя плаванием по воде гладкой и кристаловидной. Тихий и приятный шепот их между собою и разные восклицания их достигали до ушей моих и производили в них приятное ощущение. Я внимал с удовольствием гласам их и любовался, видя и младших из них, достигших в сие время уже до такого совершенства, что их от старых отличить было невозможно. Мысль о том, что и сии животные предназначены от благодетельной натуры для общежития с нами, для питания нас собою и для грения нас мягкими перьями и пухом, также что повелено им от ней, имея крылья и все способности к летанию, не отлетать от нас по примеру прочих, а состоять в повиновении нашем и давать себя беспрекословно лишать жизни для доставления телами своим» нам сладкой и питательной пищи, и напоминание, сколь вкусны и приятны нам молодые тела животных сих, приводит душу мою в новый лабиринт приятных чув-

ствований и размышлений.

Простру ли отсюда взоры свои вокруг себя на ближние окрестности селения и жилища моего, как всюду встречаются с ними другие предметы, подающие также новые поводы к приятным чувствам и помышлениям утешительным. Здесь вижу я обжирные ограждения, вмещающие в себя миллионы былиев зеленых, вышиною деревьям подобных. В кудрявых глазах их созрели уже гладкие зерны, долженствующие снабдить меня нужного еля изобилием многим, а на тонких и гладких стволах их вызрела уже та тонкая кожа, которая толико нужна нам и другим собратиям нашим, что многие отдаленные народы переплывают моря обширные и подвергают свою жизнь опасности для приежжания к нам за нею и для привоза взамен оной в страны наши тех избытков и плодов своих, какие у нас народятся и которые нам тысячи выгод и приятностей доставляют. Все ограждения вокруг произрастений сих вижу я, унизанное желто-зелеными снопами, связанными из других подобных им, но меньший и нежнейший рост имеющих произрастений. Сии готовили также на тонких стволах своих нежную кожицу на пряди, долженствующие получить некогда белизну, подобную снегу, и служить для сотыкания из них одежд мягких и первейших нам.

Простирая взор свой далее, вижу я целые леса из произрастений длинных, гибких и вьющихся по тычинам высоким. Все они унизаны сплошь превеликим множеством

чешуйчатых головок, толико нужных нам для придавания некоторым из питей наших нужной прочности и вкуса. Светло-желтый колер и ароматический пряный запах, достигающий от них до обоняния моего, возвещает мне, что и они достигли уже до своего созрения и совершенства и готовы уже и с их стороны умножать собою дары, сниспосылаемые нам натурою в сие время.

Вблизи подле их пленяет взор мой иное ограждение, вмещающее в себе ряды громад, воздвигнутые из снопов кла-систых, которыми одарили меня поля мои. С каждым днем умножается в сие время количество оных, и они, вырастая ровно как из земли, утешают ежедневно зрение, а вкупе и дух мой. Мысль, что к созиданию пирамид сих, которые произведут мне некогда толь многоразличные пользы, всего меньше требовалось и употреблено было собственного моего труда, что они воздвигнуты руками многих других сочеловеков моих, что трудов требовалось от них превеликое множество к тому прежде, нежели могли они приттить в состояние сие, что изнемогали не один раз притом руки их, и истекла не одна капля пота с чела их, что с моей стороны потребно было единое хотение и произношение немногих только слов устами моими, что благодетельная воля небес, освободив меня от трудов, толь многих и тяжких, предоставила мне только пользоваться дарами и сокровищами сими и что преимуществом толико важным одарила меня по единому произволу своему, без всяких моих заслуг и права к тому... Мысли сии

и тому подобные растрогивают всю душу мою и производят в ней ощущения, колико сладкие и приятные, толико ж и благодарственные к виновнику всех благ и распорядителю судьбами нашими.

Соиду ли, идучи, далее, в ограждение другое, ближайшее к дому моему, ограждение, где растут произрастения, снабжающие поварню и трапезу мою всякий день снедями разными и колико вкусными, толико ж и здоровыми. Какое изобилие нахожу я и тут в сие время. Все они отчасти пришли, отчасти приходят в свое созревание совершенное, и все непрерыв друг перед другом увеселяют зрение мое видами своими. Здесь вижу я душистые дыни, дозревающие на подкладках своих против лучей солнечных. Тамо сотоварищи их – шаровидные арбузы – лежат в рассеянии между собою и готовятся прохладять вкус мой алым и сочным телом своим. Инде на сограждении легком висят дебелые тыквы, осеняемые широкими листьями своими и спешат созреть для снабдения поварни моей толстым телом своим. В другом месте целые плоскости вижу я, укрытые сочными и зелеными огурцами, желтеются уже целые кучи, набранные из них, и готовы к заготовлению впрок в сосудах погребных и просторных. Далее вижу я маис, гордящийся высокими кустами и брадатými початками своими. Зерны, окружающие их, получают уже злато-желтый колер свой и способны уже к употреблению в пищу. Инде головчатой лук привлекает к себе зрение мое. От крупности и величины своей лежит он по-

что обнаженный на поверхности земли и, украшая собою целые гряды, доставляет пряный и острый запах свой издалека уже до обоняния моего. Далее вижу целые лесочки, составленные из гороха стручистого и бобов мягколистных с их плоскими и уже посиневшими зернами. Подле их привлекают зрение мое к себе длинные полосы, покрытые узколапчатою зеленою травою. Под нею толстеют всякий день и отчасу более злато-желтые и крупные морковные корни и доставляют сладким телом своим нам снедь здоровую и приятную. Под другою и грубейшею зеленью растет и ботет свекла [с] ее кровавыми корнями и листьями сочными и большими. А в соседстве подле ей раздувается отчасу более плоская репа и пряная редька с ее жесткою и горькою кожею. А далее вижу я другие травы, скрывающие под собою сладкие корни петрушки, сельереи и пастернака, – корни, толь приятный вкус нашим ествам придающие. А за ними встречается с зрением моим целая плоскость, покрытая травою произрастания до сего неведомого в странах здешних и за немногие десятки лет сделавшегося только у нас известным. Крупные мучняные и волокнистые его корни, толико удобные к пропитанию нас в случае нужды и оскудения, сделались уже способными к употреблению в пищу и раздувают грядки многочисленностью своею. За сими вижу я другое не менее нужное и важное произрастение, занимающее собою знатную часть ограждения всего. Произрастени[e], издревле странам сим свойственное и обитателями их в особенности

любимое. Бледно-зеленые большие и широкие листья его, составляющие целые кусты собою и производящие посреди себя шароподобные белые свитки из множества своих со-
братий, тесно обжимающих друг друга, представляют собою приятное зрелище и утешают око мое. Я смотрю и люблюсь нужным произрастением сим и благодарю духом небеса за озарение нас оным. Идучи далее и при выходе из ограждения сего узреваю разные духовитые травы, встречающие меня издалека ароматическими запахами своими. Тамо бальзамический шалфей, кудрявая мята, душистый анис, мелколистный укроп, желтеющая ромашка, красивый чабер и другие товарищи их, такие же духовитые пряные съедомые и врачебные произрастения наперерыв друг пред другом услаждают обоняние мое и бальзамическими запахами: своими про-
вожают меня входящего в вертоград мой, в соседстве подле их находящейся.

В сей не успею я переступить, как все чувства мои поражаются многочисленными предметами, встречающимися повсюду с зрением моим и оное во все страны толико развлекающими, что я останавливаюсь и не знаю, куда устремлять оное наперед и к которым направлять все внимание мое. Наконец берут пред всеми верх плоды, созревающие в сие время. Я вижу пред собою целый лес, униженный несметными тысячами яблок, груш и дуль родов различных; и спорящих друг с другом в доброте и в преимуществах своих. Я углубляюсь в приятные недра сего великолепного насаждения дре-

вес высоких и кудрявых и не могу насытить зрения величиною и красотию плодов их, а обоняния своего бальзамическим приятным запахом, от них простирающимся всюду и наполняющим тут все пространство воздуха собою. Куда ни обращу око мое – повсюду встречаются с ним прелести и великолепия новые. Здесь привлекает его к себе высокое и красивое дерево, унизанное почти сплошь плодами белыми, как кость, и отличающимися своим хорошим и приятным вкусом от других. Там видит оно другое, обвешанное плодами желтыми и цветом своим янтарю подобными. Некоторые из них таковы ж почти и прозрачны, как янтарь, и вкусное тело их тает в устах при сведании оных. Подле сего стоит третье, прельщающее око мое прекрасным румянцем круглых и крупных плодов своих. Все они покрыты кожею, в белизне своей лилеям не уступающею, а румянец, видимый на них с бока одного, готов спорить в преимуществе с розами самими. Я смотрю на прекрасные и гладкие плоды сии, люблюсь ими и не могу налюбоваться довольно.

Всех прочих кажутся они красивейшими мне. Но скоро другой предмет привлекает к себе внимание мое. Я усматриваю дерево, обвешанное отовсюду множеством плодов красных и натурою столь искусно испещренных, что я, рассматривая мелкие черты, стрижки, точки и полосы, которыми расписаны они, не могу ни живости колера, ни расположению их и нежности надивиться довольно. Сладкий и меду подобный, но приятнейший вкус придает еще более преиму-

щества им пред другими. Инде вижу я плоды, горящие, как жар, против солнца, другие, краснеющиеся, как кровь самая, и третьи, покрытые пурпурами степеней и колеров различных. Простирая далее шествие и с ним обозрение мое, усматриваю я деревья, толиким множеством плодов обремененные, что ветви и сучья не в силах уже поддерживать их на себе, и рука вертоградаря принуждена была помогать им подпорами со всех сторон и тем предохранять от разломления их. У иных вижу я тонкие сучья, от тяжести плодов многих согбенные дугами, а у других концы ветвей их, пригнутые даже до земли самой. Небольшое дыхание порывистого ветра стрясает уже с них по несколько плодов сих. И я усматриваю ими всю землю и мягкую мураву, усыпанную под ними. Многие из дерев, видимых мною, украшались плодами хотя вкусными, но мелкими, а другие крупнейшими пред ними и фигур различных. Инде же отменная величина плодов на них привлекала к себе внимание мое и в особенности любоваться ими заставляла. Висящие и красивые величии сии казались несоразмерными ни с величиною и толстотою сучьев их и придавали деревьям сим такое великолепие, что я без удовольствия особенного на них смотреть не могу. Падение таковых величней, неподалеку от меня происшедшее, и звук от ударов сих о землю достигает до слуха моего и побуждает иттить туда и, подняв, рассматривать ближе величественные плоды сии. Я вижу многие тысячи плодов разной величины, видов и колеров в совокуплении тут. Вижу укладенные це-

лыми стопами и представляющие для глаз пестротою и красивостию своею зрелище преузорочное. Я стою несколько минут, взирая на них в изумлении, люблюсь и не могу налюбоваться довольно.

Наконец приближающийся вечер побуждает ли поспешать меня возвращением моим в жилище свое и пройтись туда чрез другой ближний и любимейший сад свой, подле его находящийся. Тут прельщается око мое не только теми ж, но и множайшими еще зрелищами и красотами, могущими увеселять дух и утешать сердце чувствительное и способное к ощущениям красот природы. Приятное смешение древес всякого рода, и низких и высоких, и плодовых и неплодоносных, и кустарников разных. Густота оных, пресекаемая дорожками и проходами, где прямыми и тенистыми, где изогбенными и отверстыми, и прерванная в приличных местах полянками красивыми, украшенными, где чистыми лужочками, где цветами, где зданиями родов различных, где сиделками и лежанками покойными. Ветви древес, обремененные повсюду плодов различными родами и где румяными яблоками, где желтыми грушами и дулями родов разных, где алыми и в нежный пурпур облеченными сливами, где остатками еще вишен, наполненных кровавым соком своим, где сизыми и разных родов черносливными и терновными ягодами, где моральным барбарисом, где крыжовником, прозрачною своею янтарю подобным, где иными мелкими ягодами и плодами..., – все-все сие и видимое везде и во всем

изобилие развлекает взоры и все помышления мои и производит в душе моей такое смешение чувствований приятных, что вся она власно как плавает в удовольствии и напояется нектаром сладчайшим.

В сих разных чувствованиях углубляясь, и равно как в некотором изумлении переходя с одной стези и полянки на другую, пробираюся ли ими в ту часть большого крутого путя сада сего, которые отменною пышностию и высотой своею самую редкость составляет. Тут вижу и нахожу я величественные деревья, насажденные еще предками моими, стоящие рядами по странам обоим и соединяющие вверху высоко-высоко надо мною дебелие длани свои и, схватясь ими, как перстами своими соплетающие из ветвей и листьев своих густейший покров над главою моею, сокрывающий от глаз моих всю ясность свода небесного и покрывающий меня некакою священной темнотою. Тут простираю я шествие свое с удовольствием по сему мрачному и величественному ходу посреди дерев пышных и великих и выхожу им наконец на самый острый перелом горы той, где подле самой сей сени священной, на самом хребте горы сей стоит храм, сельским музам посвященный и всей горе и месту сему неописанную красу придающей. Священный и от престарелости уже поседевший величественный дуб, дуб, видевший еще прадедов моих, осеняет его престарелыми дланями и густыми еще ветвями своими и придает месту сему еще более пышности тем. Я спешу к сему обиталищу утех сельских, восхожу по

ступеням в притвор храма сего и пред входом в него, между столпов, поддерживающих на себе покров преддверия сего, восседаю на единый из них и, прислонив рамена свои к подножию столпа единого, простираю взоры свои долу на все окрестности места сего и утопаю в удовольствиях новых. Наипышнейшее отверстое и величественное положение места представляется тут очам моим, и не одно, а целое сонмище зрелищ прекрасных и увеселительных поражает чувства мои! В высоте – великолепный, лазоревый и по случаю заходящего тогда солнца яхонтами и рубинами испещренный свод небесный! Прямо пред очами наклонная и обширности великой плоскость с прекрасными отдаленностями, усеянная селениями и лесами, синеющимися в брюме вдали, а вблизи покрытая нивами, испещренными разными зеленьми и колерами. По сторонам в небольшой отдаленности пышные и прекрасные рощи с белыми стволами высоких берез своих, увенчивающие собою воскрылия горы сей. Прямо под ногами моими крутейшая гора, одетая садом, обремененным также плодов родами всеми и украшенная зданиями, цветами и зеленьми древес живейшими и разнообразными. Снизу у подошвы горы сей несколько водоемов, составленных из вод чистейших с их блесками и деревьями, стоящими на берегах и в водах сих, как в чистых зеркалах превратно паки висящими. За ними вплоть небольшая, но прекрасная река, извивающаяся в течении своем по долине и производящая непрерывное журчание, преливая струи свои чрез ка-

менистые мели и броды. Великое полукружие, составляемое хребтом высокой горы сей над оною, сельский домик мой, воздвигнутый на краю горы сей, в самой середине пышного и выгнувшегося полукружия сего; небольшая кучка хижин мирных и простодушных поселян, сидящих внизу за рекою и обогнутая рекою в положении прекрасном; шум и блеяние скота, перегоняемого чрез воду в вечеру и рассыпающегося по деревне; скликивание и приглашения одного хозяйками их; бегание малолетних детей за оным и загоняние оного. Все-все сие и множество других предметов, толико же разнообразных, как и приятных, поражают прелестями своими мою уже и до того растроганную душу и повергают ее в восторг, наиприятнейший для ней.

Все достальное время вечера сию я на сем прекрасном и любимейшем месте, и обозревая с оного в совокуплении, как на театре великолепном, все изобилие даров, сниспосылаемых тобою нам в сие время, благодетельная натура. Ни которое иное к тому так на способно, как сие. Тут вижу я единым взором, как в повторении, и вдруг все виденное мною в местах разных и частных и напоминание всего того, производя новое удовольствие, наполняет душу мою и новыми чувствами благодарности к тебе.

В помышлениях таковых углубившегося застает меня все семейство мое, приходящее препроводить тут вместе со мною приятное вечернее время красного осеннего дня. Я окружаюсь тут детьми своими, вижу окрест себя всех милых

родных своих. Поведаю им все благодеяния, производимые тобою, все виденное в тот день и все помышляемое о тебе, и делаю их соучастниками в удовольствии своем. Небогатый, но вкусный и здоровый сельский ужин отвлекает, наконец, всех нас от сего места под покровом дома моего, и мы оканчиваем день, благословляя тебя, благодетельная натура, и воссылая еще раз благодарения наши к сохранявшему живот наш и осыпающему нас милостями и щедротами своими.

Так и не один раз случалось мне с удовольствием препровождать дни мои в течение твое, о изобильнейшее и даровитое время года! И тако или подобным тому образом можно провождать их и всякому, кто хотя несколько знаком с тобою, благодетельная натура, и имеет мысли и сердце, чувствительное в себе. Изобилие плодов, созревающих в сие время, так велико, что нет места, где б ни видимы были следы благодеяний твоих, и не от тебя уже, а от нас самих зависит извлечение из обозревания оных приятных удовольствий себе. Итак, не ты-уже причиною будешь тому, если мы сами не похотим пользоваться поводами, тобою нам к тому преподаваемыми.

Что касается до меня, то доколе не престанет в груди трепетать сердце мое, дотоле не престану я обозревать всегда все деяния твои и все то, что ни учинила и ни чинишь ты в пользу и удовольствие наше, и дотоле не престану благословлять тебя, Натура, за все благодеяния твои и посвящать Творцу миров трепетания сердца моего, радостию и удоволь-

ствием производимые.

7. К снегам при сошествии их весною (сочинено апреля 20-го 1794 года)

Где вы, о белые пушистые снега, покрывавшие до сего наши холмы и долины? Уже нигде-нигде более не видны вы! Уже не ослепляете вы зрения нашего белизною своею, уже не помрачатся очи наши при воззрении на вас при ярких лучах солнца мартовского. Вы не синееетесь уже вдали в тенистых долинах и не блещете на хребтах бугров высоких. Хладная земля не воздыхает уже под вами, обиталища мирных поселян не стонут от тягости бугров ваших, и кровли их не трещат уже под вами. Нигде-нигде не видит уже око, сколько ни ищет вас в странах, окрест меня лежащих.

Куда девались? Где сокрылись вы так скоро, снега белые и хладные, от нас? Дванадцать крат не возвышалось еще солнце из-за холмов на востоке, как белелись еще вы на хребтах оных, и пять крат не скрывалось еще оно за мрачные леса, как испещряли еще вы пологости долин наших! Око мое находило и видело еще вас. Но ныне – ныне нигде не обретает уже око и следов ваших! Иные виды сретаются уже с ним, и приятные зелени начинают заступать места ваши и утешать нас прелестями своими.

Какой дух сокрыл вас от очей наших? Какая сила сде-

лала вас и сделала так скоро и поспешно невидимыми для нас? Какая крепкая мышца совлекла с хребта хладные земли, зимний покров ее и ту белую одежду, сотканную из вас, в которую она облечена была? Как некаким волшебством во единый миг уничтожены вы и власно как некое сокровенное могущество, преврати вас в иной вид, поспешно скрыло и удалило от нас!

Нет! Не волшебное могущество произвело сие, а ты благодетельное светило, греющее нас! Ты, толико милое и приятное нам, вешнее светлое солнце! Единое ты произвело сию чудную перемену и сокрыло так скоро снега от очей наших. Как в некаком горниле растопив лучами своими вещество оных, превратило ты вид их и, раздробив в мельчайшие части, заставило бежать по пологости холмов и бугров в долины и низы и, тамо совокупляясь, поспешно удаляться от нас. Дуновения теплых ветров, стремившихся к нам от южных стран, помогли тебе в том.

Я видел вас, части бывшего снега! как сбегались вы в новом виде своем, и любовался малыми сонмищами вашими, видел сбегание ваше с холмов и бугров и утешался поспешностью и струями вашими. Видел упадания ваши с крутизны и уступов и слышал шум, производимый вами. О, с каким скорым и сильным стремлением катились вы по излучистым низам и долинам! Какой шум и рев производили собою и как свирепствовали вы надо всем, сдвигающимся с вами. Власно как досадуя за превращение свое, изливали вы всю ярость

над слабою и рыхлою землею и оставляли везде печальные следы быстрого бега и свирепства своего. Никакие оплоты не могли укрощать силу и удерживать стремительства вашего! Вы разрушали крепкие твердыни над собою и, расторгая все и все с шумом страшным, уходили из глаз и улетали, как на крылах ветреных, оставляя по себе единые отголоски, навещающие ужас и слышимые вдалеке при заре вечерней.

О, сколь неприятны были вы многим смертным и при нынешнем превращении и путешествии своем! Ни в единый год не оканчиваете вы оногo с повсеместным миром, но всегда путешествие ваше для многих обитателей земных бывает пагубно и вредно. Во многих местах провожаетесь вы с жалобами, со вздохами и со слезами, текущими из глаз смертных, и нередко капли оных соединяются с струями вашими и текут вместе с вами. Сомневаться невозможно, что и в нынешний раз произошло подобное тому и не в одном еще каком, а во многих и разных местах. Может быть, и в самые минуты сии рыдает еще иной сраженный отец о любимом сыне, похищенном у него свирепостью вашею; Может быть, безутешное сердце матери иной надрывается и поныне еще и обливается кровью при воображении том, что тело утопшего, порождения ее, несется мутными струями вашими, перетирается льдинами страшными и, будучи снедаемо животными, в водах обитающими, лишается погребения самого. Сколько жен, детей, сродников и друзей проливают горькие слезы о милых друзьях сердцу своему, погибших в половодь сию.

Никогда не проходит она без погубления многих и без того, чтоб не сделаться кому-нибудь бедственной! И как счастливы те места, где протекли вы с миром и безвредно!

Но где и в каких местах находите вы уже ныне вы, о воды, произведенные снегами нашими и составлявшиеся из них! Сколь далеко убежали уже в страны, чуждые от нас! Сколько год и долин не пробежали и коликo стран, лесов, обиталищ и многолюдных городов не миновали уже вы на быстром беге и пути своем? Бесспорно, претекая из реки в реку, течете уже вы теперь в величайшей из них и умножаете собой страшное разлитие ее. Тамо укротив ярость свою, течете вы уже мирно и плавно в сонме с другими стекшимися туда ж из стран дальних и различных. Тамо не свирепствуете уже вы, а утучняете собою нивы и доли, лежащие при берегах реки оной. Тамо несете вы на хребтах своих бесчисленные громады с сокровищами народов и владык. Песни и восклицания радующихся пловцов гремят по струям вашим, и отголоски от них раздаются по утесам и скалам берегов страшных и высоких. Жители прибрежных мест стекаются внимать приятностям оных, дивиться разлитию вашему и любоваться громадами, плывущими на хребтах ваших.

Ах! Теките, теките и, благодетельствуя обитателям стран тех, поспешайте, куда назначены вы от премудрой природы, и делайте то, что вам от устроителя вашего предписано делать. Некогда-некогда, может быть, из отдаленных морей возвратитесь вы опять к нам на крылах ветреных, и потомки наши

или сами еще мы увидим паки вас либо в прежнем вашем, либо в нынешнем виде в местах здешних и паки вами пользоваться и веселиться будем.

8. К оживающей траве и первой зелени весною (сочинено апреля 21, 1794 г.)

О натура! Как приятна ты в то время, когда начинаешь обновляться и когда бурая поверхность пажитей и лугов впервые воспринимает на себя зеленый колер. Какую сладостию напояется душа моя при обозрении тебя и в сие уже начальное время весны прекрасной. Все предметы, рассеянные окрест меня, теряют уже угрюмость свою, Все начинают оживать, все получать новые виды, новые красоты и прелести многообразные! Куда ни простру взоры, везде встречаются они с ними, везде уже утешают их собою, и каждый, досягая чрез них до самых недр души моей, колеблет оную, производя приятные ощущения в ней.

О ты, первая и едва только рождающаяся зелень на холмах! Как приятна ты мне! С каким сладким восторгом смотрю я на тебя! Как любитесь душа моя тобою и в самом уже рождении твоём! О буди благословенно первое явление твое, первое оживление бесчисленных травинков, составляющих тебя! Тысячи живых тварей разных родов радостно встречают тебя и веселятся уже тобою. Уже вижу разных четвероногих, ходящих с удовольствием по тебе, слышу нежное бляние агнцов непорочных, прыгающих с радостию за матерями

своими; вижу матерей их, любующихся рождением твоим и возжелеющих скорейшего возрастания твоего. Я сорадуюсь им и вместе с ними того же самого желаю.

Более пятидесяти раз видал я уже тебя возрождающуюся и более четырехдесяти крат утешалась душа моя твоими прелестями, о зелень вешней первой травы! Будучи еще отроком, веселился я уже тобою, забавлялся во дни юности моей, прельщался в свои цветущие леты, а утешаюсь и ныне еще, когда главу мою седина украшает. Никогда-никогда не прискучивала ты мне, но всегда и в каждый раз была ты для меня толико же прекрасною, толико же утешною и толико же способною ко влиянию в душу мою сладости, как и теперь.

Что такое есть в тебе волшебное, чем очаровываешь ты столь сильно очеса смертных? Хоть нет еще и сотой доли всех красот твоих, хоть не составляешь ты еще бархатов красивых, хотя все твои прелести еще слабы и невелики, но ты и ими утешаешь уже, утешаешь всех и утешаешь более, нежели когда-либо, и чувства и сердца наши! Нет никого, кто б ни веселился тобою! Нет никого, кто б ни соучаствовал в радости всеобщей при первом появлении твоём, о! зелень дорогая! Веселятся тобою и престарелые и молодые, веселятся богатые и убогие, и знатные и низкие и все и все... даже до самых владык земных чувствуют отраду в душах своих при воззрении на тебя, отраду, которую изобразить уста бессильны и слова недостаточны и которую только те не чувствуют, которые ни к каким ощущениям неспособны и сердца ока-

менелые имеют.

С каким удовольствием души смотрю я тамо на зеленеющиеся холмы вдали и здесь на гладкие равнины, предо мною лежащие! За два дни не хотело око мое удостоить и зрением их, а ныне – не только привлекают, но и веселят они оное собою. С каждым днем и с каждым часом умножается красота их. При самых очах моих сотыкается бархат тот, которого красота толико крат пленяла ум мой и при огне вечернего солнца приводила всю душу мою в сладкие восторги. Скоро-скоро покроются они опять им, сии холмы и равнины, и я увижу их, облеченных во все великолепие их, и скоро станут они опять меня очаровывать собою.

Вот тамо вижу уже холмик, гордящийся молодою зеленью своею. Весь он укрыт уже оною между тем, когда другие места еще пусты и обнажены. О, как приятен он очам моим! С каким удовольствием смотрю я на детей, на сих молодых птенцов тварей, мне подобных, тамо сидящих на зелени сей и любующихся ею. В непорочных играх провождают они время свое и веселятся новою травою, толико милою и приятною им. Они вне себя от радости и удовольствия не могут насмотреться на нее, не могут налюбоваться ею, и в невинных восторгах своих припадая к земле, лобзают даже ее младыми устами своими.

О милая и нежная невинность! О утро и весна скоротечных дней наших! О возраст наиблаженнейший в жизни чело-
веков! Колико сладок и приятен ты для всех! Некогда и сам я

находился в тебе и чувствовал все приятности твои. Они так сладки, так неописанно сладки, что не забывал я их и во все течение жизни моей. Вы и ныне еще, ныне, при самом вечере дней моих, вспоминаетесь мне, о лета нежного возраста моего. Всякий раз, когда ни возвращаюсь я мысленно в вас, во дни блаженные сии, чувствую еще всю сладость драгого времени сего и чувствую с таким удовольствием, что вся душа моя растаивает при воспоминании сем.

В самый сей раз, в самые минуты сии напояется душа моя нектаром сладости сей, и я наслаждаюсь частичкою блаженства, возможнейшего и чистейшего на земле. О, как приятны они мне, сии минуты дорогие, и как бы счастлив я был, если б вся жизнь моя сплетена была из подобных им и ничто не прерывало течения оных.

Но кому обязан я за них, за сии бесценные минуты, составляющие новый участок прямого блаженства дней моих? Не тебе ли, обновляющаяся весенняя зелень? О ты, истинное подобие утра и весны дней наших! Ты подала мне случай и повод к тому, ты возбудила во мне напоминание сие! О буди же благословенна за сие, и нежное возрастание твое да продолжится с таким же миром и спокойствием, какой влияла ты в недра души моей видом своим, и да удалятся все случаи, могущие повредить тебя, и чтоб скорее мог я увидеть тебя во всем великолепии и славе твоей и возвеселиться тобою еще более.

9. Чувствования при большом и долговременном ненастье в глубокое осеннее время (сочинено в октябре 1794 года)

Где вы, о красные летние дни, со всеми прелестями и очарованиями вашими? И ты, о осень золотая? Куда сокрылась от очей моих со всеми красотами твоими? Нет уже ни малейших следов ваших! Не вижу я уже того великолепного покрывала над собою, которое толико раз утешало сердце мое и толико крат приводило всю душу в восторги. Не любитесь уже око мое разными испещрениями и пышными видами его, и не плавает вся душа моя в удовольствии при созерцании сего прелестного произведения природы. Густой мрак сокрывает днесь от очей моих все красоты и великолепие небес и, заслоня собою благотворное светило, оживляющее все, распространяет единое скучное и печальное уныние по всей природе. Вместо позлащенных гор, блиставших прежде разноцветными огнями окрест нас, и вместо багряниц неописанной красоты, распростертых по всему обширному своду небес, катятся теперь темные и мрачные громады над главами нашими и, свиваясь с седыми облаками, изливают из себя мглу и несметные потоки вод на рамена наши.

Порывистые свисты ветров и бурь заступили места кротких Зефиров, лобызавших некогда с толикою приятностию чело и ланиты наши, и скучные шумы, раздающиеся в воздухе, поражая слух, увеличивают еще более неприятность непогоды.

Густой и очами непроницаемый мрак, досягающий до самого лица земли, скрывает от очей моих и последние зрелища, хотя осиротевшей ныне, но все еще прекрасной природы! Где вы? Вы, прекрасные осенние бархаты, распростертые по холмам и долинам! Остатки бесчисленных красот природы, увеселявшие еще недавно мои взоры, и вы, о брюмы великолепные, представлявшие мне зелени сии в прелестном виде? Я не вижу уже и вас, не вижу ничего вдали и не могу ничем утешать зрение мое теперь.

Миллионы водяных капелек, едва приметных очам нашим, капелек столь малых и столь легких, что лежать и парить могут они на раменах воздуха самого, столпись в сонмище тесное и огромное, составляют мрак сей и мешают мне видеть все предметы вокруг себя, Стеснение их так велико, что едва усматриваю сквозь их и самые ближние здания и деревья, обнаженные уже от листьев, с голыми верхами их. Единая черная и взметенная земля встречается только явственно вблизи с зрением моим и представляет очам наипечальнейшее зрелища. От множества воды, на нее упавшей, от трудной и частой ходьбы по ней людей и животных, лежит она тамо вся обезображенная, вся исковерканная и об-

ращенная в топкую и вязкую тину. Уже и единым видом своим производит она в душе некое отвращение и заставляет сетовать всех, кого необходимость заставляет иттить или куда путешествовать по ней. Самые скоты и другие животные наши, бродящие с нуждою по оной, едва в состоянии влачить и вытаскивать ноги свои из ней. Самые они кажутся пораженными скукою и огорчением.

Временем мгла и мрак сей исчезает, и воздух прочищается несколько. Но долго ли продолжается сие? Чрез несколько минут или часов новые громады мрачных и темных туч налетают, паки на крылах ветреных, вслед за тонкими и седыми облаками, укрывают все пространство неба, обращают утро в самый вечер и начинают изливать либо мелкие и скучные дожди, либо целые струи вод на главы наши. Тысячи крупных капель, гонимые бушующими ветрами, ударяются с шумом об стекла наших окон, и целые ручьи сниспадают с громким плеском с кровель обиталищ наших на землю. Никому не можно выттить и показаться из оных, не подвергнув себя опасности быть в единый миг обмоченным всему.

Сколько времени! Сколько дней продолжаются уже такие излияния вод на лице земли, и как давно не освещало ее, а с нею и нас, светлое солнце своими благотворными лучами. Беспрерывному сцеплению туч и облаков, летящих друг за другом, кажется конца не будет. Огорченные смертные с нахмуренным челом своим, взирая на них, дивятся и не понимают, откуда берется их такое множество бесконечное. Ко-

лико дней уже тому, как начали они скучать с возжелением ежеминутным, чтоб погода переменилась и настала лучшая и приятнейшая для всех! Колико сетований ни было уже от них и колико жалоб и роптаний ни производимо было уже ими! Есть многие, коим кажется, что весь порядок уже рушился и все расстроилось в натуре. Есть даже до того нетерпеливые, что по малодушию своему мнят, что самая погибель предстоит, если продлится тако далее и никакой перемены не воспоследует.

Последовать ли мне малодушию таковому и так же ли жаловаться и роптать, как многие из собратий моих, на сие скучное явление в натуре? Вместе ли и мне с ними всякий час вздыхать и изъявлять досаду и неудовольствие о том, что природа не повинуется воле моей, не соображается с желаниями нашими, но последует течению своему и свято исполняет то, что предписано ей от устроителя ее?

Нет! Сего да не буди! Тако поступая, согрешил б я пред творцом мира, пред натурою и пред самим собою, а наконец поступил бы против всего благоразумия в свете. Сие не то, а иное мне повелевает.

Натура всегда вещает и всем доказывает мне, что течение и деяние ее не происходят просто и по единому только слепому случаю, но оснуются на порядке, устроенном владыкою и зиждителем мира. Что она последует во всем велениям его и наблюдает столь строго предписанные ей уставы, что силы таковых немощных тварей, каковы мы, далеко недостаточны

к произведению в деяниях ее и малейшей остановки и перемены. Когда же сие тако, и все в натуре происходит по распоряжению существа наипремудрейшего, то не была ль бы то крайняя глупость, когда б восхотеть мешаться нам не в свое дело и судить деяния природы, из коих и о сотой доли мы понятия не имеет. А того хуже, кода бы стали еще жаловаться, досадовать и роптать на то, для чего не происходит все по-нашему, и натура не повинуется хотениям нашим, толико смешным и глупым по разнообразности и неосновательности своей.

Великий Боже! Колико суетно и странно в сих случаях малодушие наше; и до какой глупости доходим мы. Мы, не разумеющие и того, как составляется и единая капелька дождевая и как сотыкается листок последней травки и деревца, дерзая изъяслять неудовольствия наши о том, что натура все не по-нашему, а по твоим велениям производит. Велениям, бесконечно премудрейшим и производящим для самих нас тысячу раз более пользы, нежели сколько б могли сами мы произвести себе со всеми умствованиями и хотениями нашими. Нет! Нет, никогда да не изыдут из уст моих слова ропота и неудовольствия, и дерзость таковая да буди отдалена от меня!

И так да ропщет, сетует и огорчается ненастьем сим, кто находит в том удовольствие, а я не хочу и не буду того делать. От меня всякое малодушие и досада да буди удалена. Я изгоню из души моей и малейшие помышления таковые.

Я поступлю иначе. Последую гласу мудрости и буду производить то, что предписывает благоразумие самое.

Сие повелевает мне и на самое сие неблагоприятное явление в натуре с таким же почтением и благоговением взирать, как и на прочие перемены, в ней бываемые и по велению творца происходящие. Оно уверяет меня, что и сие великое излитие вод имеет целию своею какую-нибудь пользу, хотя не усматриваемую нами, но бесспорно великую и относящуюся до нас или до иных тварей. Происходит сие по велению существа, пекущегося ежеминутно о пользах наших, и потому, како могу я в том сомневаться, далее внушает оно мне, чтоб я для блага своего и самые неприятности таковые старался обращать себе в пользу и извлекать из них невинные удовольствия душе моей. Вот сугубый долг мой! Я поспешу исполнить оный и возбужу в душе моей мысли, приличные тому. Мысли не огорчать, а увеселять меня могущие!

Ненастье сие велико. Сие неоспоримо. Но я спрошу себя: чувствую ли я – собственно я сам – теперь, и в самые минуты сии все тягости и противные ощущения те, какие производит оно многим другим из собратий моих? При всей ужасности непогоды сей я собственно сижу теперь в тепле, в спокойном угле жилища своего. Глава моя не обливается сверху струями вод, и вода сия не затекает за выю и хребет мой. Кровля и потолок дома не допускают ее до того. Бушевание ветра и дождя слышу я только утесами своими, и вместо боков и спины моей все хладное стремительство их терпят стены

обиталища моего. Ни единая капля дождя и не единая струя шумящей бури не достигает до ланит моих, и я слышу только их ударяющиеся об стекла окна, под которыми я спокойно и ничего не ощущая сижу, ноги мои не вязнут в грязи глубокой, и стопы не скользят по распутившейся глинистой земле. Я не вздыхаю о том, что принужден выдирать их с трудом из вязкой топи или входить по колено в лужи и в грязь и беречься притом от падения ежеминутно. Ноги мои сухи, и я хожу по гладкому полу или успокоиваю члены свои на лужах и седалищах мягких и покойных. В самые скучнейшие часы ночи, самые дурнейшие периоды времени сего, когда за ужасною темнотою и на пядень не видно впереди и когда сопряженное с нею стремление сильной бури и хладного дождя еще пронзительнее и несноснее, содрогаюсь только я при случайных выходах на крыльцо, а в прочем не терплю ни малейшего беспокойства, но поспешно возвращаюсь в теплую храмину свою, продолжая веселить себя упражнениями любимыми.

В самое сие время, когда я сим образом сижу в покое и тепле и занимаюсь только выбором забав и приятнейших упражнений для себя, многие сотни или паче тысячи подобных мне человеков, созданий, ничем меня не худших, претерпевают всю жестокость непогоды! Какое множество из них зябнут теперь в мизерных, наполовину раскрытых и почти развалившихся хижинах своих, ощущают беспокойство превеликое и от бури и дождя нигде места себе не нахо-

дят. Многие из них и тому уже рады, что удалось им спокойной уголок найти и в нем, скорчившись, рубищами своими укрыться и тем сколько-нибудь защитить себя от стужи и мокроты! А в каком положении находится теперь все великое множество тех, кои по необходимости принуждены находиться под открытым небом и подвергать себя всем суровостям сего страшного ненастья и непогоды. Сколь многие из таковых находятся теперь в дорогах дальних? Сколько таких, кои будучи в отдалении от домов и родных своих принуждены теперь влачить жизнь свою в нужде превеликой и подвергать себя с утра до вечера всем суровостям ветров, бури, стужи и стремительных дождей!

Если окинуть мне умственным взором все моющее происходить теперь в местах разных, подверженных ненастью сему, каких жалких и поразительных зрелищ не увижу я повсюду?

Тамо тащится, может быть, бедный престарелый поселанин с тяжелым возом своим по вязкой и дурной дороге. Изнуренная его клячонка, столь же престарелая, как и сам он, едва переступить может от Надсады и старости и с нуждою вытаскивает дряхлые ноги свои из грязи глубокой. Бедный старец в едином только на плечах рубище раздранном и не имеющий сухой нитки на теле охрип уже от вопля и понукания изнемогшей лошади своей. Дрожащая его рука утомилась уже от стегания оной, а силы до такого измождения дошли, что и сам он уже с нуждою переступить и ноги свои из

глинистой грязи выдирать может. Между тем дождь не престаёт лить, и жестокий ветер знобит от часу больше члены его, и без того уже от стужи и старости дрожащие. Целый день без пищи и питья с неописанным прискорбием тела и души тащился уже он сим образом с ноги на ногу, и теперь, напрягай последние силы свои, спешит к домишку и семье своей! Но путя еще знатная часть не переехана, и впереди предстоит ему еще трудная переправа. Небольшая лощинка с ручейком, до того ничего не значущим, превратилась теперь от множества дождей в непроходимое болото и такую топь, чрез которую и лучшим коням воз перевезти великого труда стоит. Старик предусматривает сие и содрогается уже от помышления одного при подъезжании к оной. Он вздыхает из глубины одряхлевшей груди своей, повторяет оханье и гореванье свое, но, необходимостью понуждаем, продолжает путь и в сумерки уже доезжает до сей страшной переправы. Он пускается в нее, осеня крестом чело свое. Но последние дни топь сия сделалась более, нежели он думал и воображал себе. Изнуренная кляча его увязает посреди тины по самую грудь свою и не в состоянии более сойтить с места и выдрать ног своих. Бедный старец видит сие и тщетно кричит, нукает, стекает и бранит старинного коня своего, служившего ему до того верно, но теперь изменившего совершенно. Тяжкое захрипение и падение лошади на бок останавливает смущенного старца в понуждениях его и принуждает к исканию других и не столь тщетных способов к

вспоможению. Весь воз его обвяз глубоко в тине, и лошадь подверглась опасности задохнуться и захлебнуться. С преглубоким вздохом слезает он с воза, на который было присел для переезда чрез воду, силится всячески помочь лошади и поднять ее, но в трудах своих увядает сам по пояс в тине и не может никак выдраться из ней!.. Между тем ночь опускает мрачный свой покров на землю, и густые тучи, изливающие отчасу более дождя, увеличивают темноту до ужасности самой. Бедный старец, находясь посреди пустого поля, на месте, удаленном от всякого жила и людей, погруженный по пояс в тине и воде, обливаемый сверху сильным дождем, обуреваемый со всех сторон пронзительным холодным ветром, изнеможенный до крайности от трудов бесчисленных, во весь тот день перенесенных, и томящийся голодом и жаждою, восстав из глубины сердца своего, воздевает одряхлевшие руки свои к небу и в отчаянии не знает, как и чем пособить себе!..

Какое положение бедняка сего и сколь отменно оно от положения того, в каком нахожусь я... я, сидящий теперь в покое и в тепле, не ощущающий никакого беспокойства, а помышляющий об одних только забавах для себя! О, как много счастлив я пред ним и как жалок мне сей бедный старец и страдалец беспомощный!

Инде путешествовало, может быть, целое семейство, подобного моему состоянию людей, уже несколько дней из одного отдаленного места в другое. Ненастье сие захватило их

в дороге, и кровные нужды принуждают их поспешить своею ездою. Сколько трудов, досад, прискорбностей и беспокойств ни претерпели уже они от стужи, ветров и дождей, сколько от дурноты дорог, трудных переправ, усталости лошадей и повреждений, делавшихся в повозках их. Но все еще, хотя с нуждою и трудом, но продолжали они путь свой до сего времени. Но теперь произошло то, о чем они и думать страшились. От испортившихся до крайности дорог, изрытых и исковерканных преглубокими рытвинами, ямами и колесовинами, повозки их претерпевали давно уже много зла, а теперь вдруг рассыпалось под одною из них заднее и давно скрученное колесо, а под другою самая железная задняя ось переломилась. Обе они принуждены были остановиться и, к несчастью, не в одном еще месте, а на немалое расстояние друг от друга. К вящей досаде и огорчению всех путешественников сих, постигло их несчастье сие посреди обширной степи, на месте отдаленном за несколько верст от ближних жил, а от таких мест несравненно еще удаленнейших, где б можно было им достать годное колесо под корето их и наитить людей сделать им ось железную. Какая досада для всех несчастных сих! Какое жалкое и поразительное зрелище! Обе повозки лежат опрокинувшимися почти совсем набок. Все сидевшие в них, и женщины и мужчины, произносят вопли и крики превеликие, прося помощи скорейшей. Обмоченные с головы до ног и перемаранные грязью, служители их все соскакивают с мест своих, сбегаются к одной, пе-

ребегают к другой повозке, толпятся, соединяют силы свои к подниманию тяжелых повозок с Господами своими и по неловкости никак учинить того вскорости не могут. Между тем, удручаемые ветром, стужею и дождем лошади не стоят, а мнутя и перепутываются между собою. Опасность увеличивается ежеминутно. Господа их кричат. Женщины увеличивают свои вопли и стенания и умоляют всячески слуг помогать скорее. Нежная и трепещущая мать, схватя малых детей своих, спешит подавать их служителям в окна и умоляет о скорейшем опростании и спасении оных. Дети вытаскиваются, но куда ж? На проливной дождь и бурю превеликую! Но скоро принуждены и сами старые последовать за ними и, вылезая с нуждою из повозок, подвергать себя всем суровостям непогоды. Люди их, сколько ни старались поднять и сколько раз ни напрягали всех сил своих совокупно, сколько раз ни падали сами, осклизаясь в рытвины и ямы, но все старания их были тщетны. Они выбились наконец из сил и немогши одолеть, не знают, что делать и начать. Во всей степи нет ни единого дерева и ни единого куста, могущего служить им при поднимании на подмогу. Вышедшие господа их стоят вокруг оных на ветре и дожде и тщетные произносят жалобы и вздохи. Сетования у всех бесконечные, а неумение того больше. К умножению досады и прискорбья приближается ночь и с нею темнота преужасная! Нет ни убежища, ни покрова никакого от ветра и дождя. Нет самого огня, могущего согреть дрожащие члены, и никаких дров к разведению

оного. Сколько-нибудь могли б защитить их кареты собою, но и те лежат на боку с перебитыми в суетах стеклами, и в них войтить не можно. Лошади между тем продолжают беспокоиться и, продрогши от стужи, не стоят спокойно. Всех их отпрягают, но и с ними не ведают, что начать. Нет ни корма для них, ни воды, ни приюта никакого. Господин рассылает некоторых из них наудачу в разные стороны людей для искания ближнего селения и каких-нибудь повозок и помощи для себя и семейства своего и остается сам с достальными немногими на степи горевать и мучиться всю ночь в темноте на стуже и дожде с женою и малыми детьми своими!..

Какой вечер! и какая ночь для нежного и чувствительного семейства, привыкнущего жить в неге и покое и не видавшего никогда нужды и несчастья такого! Как жалко оно и какого соболезнования достойно! Какая противоположность между положением сим и положением моим в сии минуты! Какое счастье для меня, что не нахожусь и я теперь в подобных сему обстоятельствах, но сижу в покое и тепле и утешаюсь милым и любезным семейством своим, окружающим меня. Сколь легко могло б и со мною подобное тому или еще гораздо худшее случиться...

* * *

Происшествия и случаи таковые и многие подобные им не только возможны, но и действительно бывают в свете. И

почему знать, может быть, и теперь, в самые минуты сии, есть очень многие люди, страдающие сим образом в степях, полях, лесах, в топях, на переправах, болотах, ручьях, речках и других водах, Свет обширен! Ненастья таковые объемлют обыкновенно великие пространства мест, и многие тысячи людей подвержены бывают в одно время всем суровостям оных. Великое множество их находится, бессомненно, теперь в дорогах, в удалении от домов своих и всякого жила и терпят нужду. Есть, бессомненно, многие и сидящие в грязи, с изломанными колесами, осями и повозками своими, есть страдающие с приставшими до изнеможения лошадьми своими и не знающие, что делать. Есть увязнувшие в топях, болотах и трудных переправах, бьющиеся с повозками своими до того, что не рады своей жизни. Есть многие, сбившиеся с дорог, есть завечеревшие в пути и провождающие всю ночь в страданиях различных под ветром и дождем, терпя стужу, голод и мокроту. Есть, может быть, и в худших еще обстоятельствах находящиеся, есть выбившиеся совсем из сил и от стужи и изнеможения последнее уже дыхание испускающие. Некогда случилось самому мне быть очевидным свидетелем таковым плачевным положениям. Никогда не позабуду я той ужасной ночи, в которую при таковом же ненастье, как теперь, при моих глазах погибало множество людей, и не только я, но и никто не в состоянии был подать им руку помощи. И поныне еще содрогаюсь я при едином воспоминании оной!

Все такие случаи и происшествия бывают действительно,

и мне надобно вообразать их себе колько можно живее и в количестве множайшем. Каждое из зрелищ таковых воображаемых хотя в уме возбуждать во мне станет чувства, достойные разумной твари, и вкупе производить в душе моей ощущение, разливающее некую особливую сладость по всей внутренней моей. Мысль, что при всех суровостях непогоды сей нахожусь я в покое и тепле, пользуюсь преимуществами бесчисленными пред многими тысячами людей, таких же, как я, и ничем меня не худших, и не претерпеваю ничего подобного тому и претерпеваемого ими, будет тогда во сто раз утешительнее для меня и не преминет возбудить во мне радости и удовольствия, а вкупе и чувства благодарности ко Творцу моему, что он освободил меня в сие время от трудностей беспокойств и несчастий тому подобных.

И в самом деле, каким блаженством наслаждаюсь я теперь в сравнении с теми, которые находятся под дождем и терпят все суровости непогоды сей! Какое особое счастье для меня, что я не подвержен всему тому же! Как много должен я радоваться и веселиться и как много благодарить моего Господа за то! Всякая минута, препровожденная в покое и производящая невинное удовольствие в душе моей, есть особое даяние его: даяние милости щедроты, заслуживающее и особливую благодарность от меня! Она ему и буди, как подателю всех благ и милосердствующему попечителю обо мне!

Итак, длися, сколько хочешь или сколько предписано те-

бе, о ты, ненастье со всеми суровостями твоими! Не хочу я по примеру других сетовать и негодовать на долговременность и жестокость твою, но паче буду благословлять еще тебя со своей стороны! Если б и не было известно мне, что ты бываешь верно не по-пустому в Nature, а производишь великие и многообразные пользы, так и тем уже одним доволен я тобою, что ты собою подало мне повод к чувствам и помышлениям таким, кои достойны человека и мне доставили множество веселых и счастливых минут в жизни! Вперяй и впредь всякий раз, когда ни случится тебе быть, в меня помышления такие ж и помогай мне из самой дурноты времени извлекать для себя пользы и столько ж веселиться духом в продолжение тебя, как и в самую приятную и ясную погоду.

10. К родине своей при возвращении в оную после двадцатидвухлетнего отсутствия (сочинено в феврале 1797 г.)

О, милые и прекрасные места! О, пределы, всегда драгоценные мне! В недрах ваших родился я, в недрах ваших начал я познавать себя! И в недрах ваших проводил лучшаяишие лета жизни своей! Вы видели меня младенцем еще, видели потом отроком, увеселяли в возрасте мужественном, видали и тогда, когда век мой начинал уже и к наклонности приближаться! Распоряжателю судеб смертных угодно было отвлекать меня от вас, отвлекать не единожды, преселять в страны чуждые и отдаленные от вас и разлучать меня с вами, когда ненадолго, а когда на многие года. В последний раз более двадцати лет находился я в отсутствии от вас, и в течение времени сего хотя и видал вас, но видал редко, очень редко, и всякий раз только ненадолго. Никогда не было того, чтоб я в недрах ваших мог проводить несколько месяцев или недель сряду, а всегда удавалось мне немногие только дни утешать зрение мое вашими прелестями и красотами. Я едва успевал окинуть вас взором своим, как паки отвлекаем был от вас в страны удаленные и чуждые мне. Но и при кратких

воззрениях сих как милы и любезны бывали вы мне! Колико приятностей находил я всякий раз, когда бывал в недрах ваших и живал, хотя по несколько дней в них. Все предметы, встречающиеся с зрением моим, казались мне красивейшими, нежели в иных местах, все имеющими нечто особенное и приятное в себе. Самое небо представлялось очам моим в некоем лучшем виде. И самое солнце светлее и приятнее, нежели где инде! Все и все пленяло меня в недрах ваших! Холмы ли, окружающие жилище мое, рощи ли и дубравы, увенчивающие хребты их, попадались на глаза мне, долины ли с извивающимися речками своими усматривал я и в дали еще самой при подъезжании к вам, как восхищалась уже всякий раз душа моя, наслаждалась приятностию неудобно-изобразимую, и никогда не мог я довольно насмотреться на вас, никогда – налюбоваться вами.

Ныне, когда по велению судеб возвращаюсь я паки в недра ваши, о милые и любезные места! и возвращаюсь не на несколько дней, а для всегдашнего пребывания впредь, с какою приятностию смотрю я на вас и какие сладкие ощущения происходят в душе моей! Одна мысль, что буду обитать посреди вас, что буду уже неразлучен с вами, буду видеть вас, примечать все перемены, производимые натурою с вами, и стану прелесть-ми вашими наслаждаться паки во времена годичные, мысль сия наполняет уже всю душу мою удовольствием несказанным!

Приветствую вас, пределы милые и драгие! Места, выдав-

шие предков моих! Приветствую вас, поля, и вы, о холмы и косогоры! также и вас, бугры, речки и долины, окружающие селение, где живали праотцы мои! Приветствую вас, леса, рощи и дубровы, увенчивающие хребты холмов и полей и украшающие собой окрестности сии. Приветствую вас, о сонмы хижин поселян, покоящиеся под ветвями лоз кудрявых и высоких, и вас, о храмы сельские и простые, вздымающие главы свои среди хижин оных! Все вы мне милы и приятны! Наконец приветствую и тебя, о кучка древес сгущенных и высоких, лесок, скрывающий в себе жилище праотцов моих и осеняющий тению своею обиталище мое! Хотя и ты также почти не приметен посреди собратий своих, рассеянных тамо и семо, колико и сам я посреди соотчичей своих, но ты мне... мне, знающему истинную цену всему, что есть в тебе, ты мне милей и драгоценней всех прочих мест, находящихся в окрестностях твоих, хотя и те мне также милы и приятны. О! будьте все... все вы благословенны от меня! Всех вас приветствую я! Все вы примете меня паки в недра свои и поспешествуйте и ныне при вечере дней моих толико ж блаженству моему, колико поспешествовали вы прежде, когда посреди вас препровождал лучшайшие дни в жизни моей!

А тебя как приветствовать и благословлять мне, самое обиталище мое! Место милейшее из всех и драгоценнейшее мне! Как изобразить, что ощущаю я при возвращении моем в приятные недра твои? Все части, составляющие тебя,

мне милы и любезны в особенности. Куда ни обращаю я взоры свои: на рощи ли высокие, окружающие жилище мое, осеняющие оное тенями своими и защищающие с севера от ветров хладных и жестоких, на вертограды ли, облегающие вокруг обиталище мое, изобилующее множеством плодов разных и красотами своими, толико увеселявшими меня; на водоемы ли, осеняемые деревьями высокими и наполненные рыб множеством, на тебя ли Авенезер, гора благословенная,² носящая на хребте своем сельский домик мой, превращенная в иной вид трудами рук моих, орошенная моим потом при украшении тебя, и сделавшаяся камнями, открытыми мною в недрах твоих толико полезных многим тысячам смертных. На тебя ли, Скнига, река милая и толико приятная мне, извивающаяся в течении своем при подошв[е] горы оной, и толь много раз блеском и журчанием вод своих пленявшая слух и зрение мое. На вас ли, хижины поселян, разбросанные кучками в приятном беспорядке по берегам излучистой Скниги и сидящие где низко-низко под горою подле воды самой, где на высотах и утесах берега сопротивного! На тебя ли, угорье, покрытое лесочком плодовитым, изогнувшееся подле реки сбоку и видов своим толикою красу всему селе-

---

² Авенезер есть слово, знаменующее на нашем языке камень помощи. Я именем сим назвал гору сию по поводу открытых и находимых в ней в множестве трохитов и энкритов, окаменелостей, имеющих врачебное свойство помогать от каменной болезни, грыжи, разных животных болезней, колотья, кровавого поноса, свежих ран и многих других болезней и помогших уже многим тысячам страждущих оными болезнями.

нию придающее! На тебя ли, дол великолепный, и вы, поля обширные и наклонные, лежащие за рекою пред окнами дома моего и окруженные вдали где рощами и лесами, синеющимися в брюме прекрасном, где селами и деревнями, и составляющие для очей зрелище прекрасное! На тебя ли, овраг пышный и глубокий, лежащий сбоку и в самой близости подле дома моего, и каменистыми скалами своими толь много раз увеселявшей зрение мое. На тебя ли, студенец Иосифль ³, текущий с шумом из недр скалы высокой и струями своей воды чистейшей утолявший жажду праотцов моих и мою самую при рождении моем. На вас ли, деревья дебелые, стоящие на скалах высоких, осеняющие тенями и ветвями своими величественный овраг сей и прежившие века целые. На вас ли, водопады, гремящие при подошве горы сей в местах разных и из чистейших вод своих составляющие водоемы многие, толь много раз меня собою и украшениями вокруг себя до восхищения увеселявшие. На вас ли, прочие части величественной горы сей, снабженной повсюду сходами и стезями спокойными и украшенной зданиями родов различных и деревьев множеством несметным, приносящих на себе плоды разнообразныя, простору я взоры свои, как везде и везде встречаются с ними предметы знакомые и вкупе приятные мне.

Всех и всех приветствую я вас, места милые и любезные

---

³ Ключ сей получил название свое по имени Иосифа, одного из предков моих, избравшего место сие для жилища своего и поселившегося впервые на крутом берегу оврага сего и в близости от источника сего, снабжавшего его и всех потомков его наичистейшею водою.

мне, и всех благословляю вновь при нынешнем возвращении своем к вам. Мир и тишина да обитает навсегда в приятных недрах ваших, и невинные радости и утехи да сопутствуют им.

Для искания их возвращаюсь я к вам! О, будьте же и ныне толико ж утешны и учительны мне, как бывали прежде, и производите паки удовольствия в душе моей, какими наслаждался я в прежнее и то пребывание мое в недрах ваших, когда не один раз производили вы в душе моей мысли полезные и вливали их в перо мое для сообщения их соотчичам моим.

Более двадцати лет находясь в отсутствии от вас, обуреваем был я непрерывно случаями разными и происшествиями, колико приятными, толико ж и противными, и озабочиваем делами чуждыми. Ни один день во все течение огромного времени сего не провожден был в праздности, но трудов было довольно, и я старался, сколько мог, приносить все силы души и тела моего в жертву пользе отечества и велениям долга, а того паче соблюсти доброе имя. Мне и удалось сохранить оное, а вкупе и сделать много такого, чем пользовались многие и воспользуются и впредь и не только современники мои, но и самые еще позднейшие потомки отечества моего... а внутреннее удостоверение, что в жизнь мою не был я тунеядцем, и капли слез, катящиеся из очей многих при отъезде моем из мест, в коих проводил я время сие, и не проклятия, сопровождающие меня в путь мой, а общее жале-

ние многих тысяч людей, бывших под начальством и управлением моим, об отбытии моем, производят в душе нечто такое, что мне довольною наградою за все то почестъ уже можно.

С сим одним приобретением, а не со златом и не с сокровищами несметными и чинами высокими возвращаюсь я к вам, места милые и драгие. Вы найдете во мне одну ту лишь перемену, что глава моя покрылась сединами и силы телесные пред прежним ослабели, а в прочем таковым же, как был. О, будьте и вы для меня таковым же, как были прежде, толико ж веселы и утешительны и столько ж полезны для моего духа. Множайшего от вас не требую. Будучи к обогащению меня благами мира сего неспособны, обогащайте, милые мои, сокровищами цены высшей. Производите непорочные радости и удовольствия в душе моей, водворите в нее мир и спокойствие, наидрагоценнейшее из всех благ смертных, и наконец, когда пресечется нить жизни моей, примите и прах мой в ваши недра и под хладным, камнем успокойте его вместе с праха ми праотцов и дедов моих.

С сим вожделением одним возвращаюсь я к вам, места любезные и драгие. Сего единого ожидаю я от вас в твердом намерении поспешествовать к тому и с своей стороны. Я постараюсь, колико можно, возобновить паки прежнее и тесное дружество между нами. Я буду видаться с вами ежедневно, буду посещать вас и все части и пределы ваши, посещать часто и не с одними телесными, но вкупе и душевными очами

буду беседовать с вами, буду примечать все прелести и красоты ваши и натуры, производительницы вашей, буду извлекать из них утехы и удовольствия душе моей и в благодарность за то воспевать оные на сельской и простой лире своей. Авенезер! Сия гора милая и драгоценная мне будет свидетелем тому, и звук гласа моего при воспевании песней в похвалу вам почасту будет раздаваться на холмах сего Геликона моего и греметь в стенах храма, воздвигнутого на хребте его и моей музе посвященного.

11. К зиме при схождении оной и к половоди (сочинено в марте 1797 еще в Богородицке)

Уже! Уже ты отходить от нас, зима холодная, прочь и уносишь с собою все стужи и суровости твои. Са всяким днем и с каждым часом уменьшается уже власть и могущество твое, и ты исчезаешь видимо при очах наших и готовишься паки сокрыться от нас. Се летит уже к нам, летит сама соперница твоя на хребтах мрачных облаков и парит на крылах ветров полуденных. Се приближается уже она, ополченная орудиями страшными и опасными тебе, и скоро, уже очень скоро поразит она тебя ударом гибельным и последним. Герольды ее, сей весны могущей, нам уже давно скорое пришествие ее предвозвестили. Уже прибыли и самые предшественники ее к нам. Они начали уже давно разрушать узы твои, которыми связывала ты натуру до сего. Уже разрушились все спокойные и гладкие пути, нам тобою приготовленные, и исчезли все приятности твои. Око не видит более всех прежних красот твоих и не любитесь ими, деревья не гордятся уже в одеждах пышных, сотыкаемых тобою, и не пленяют ум и зрение наше великолепием своим. Миллионы искр не бле-

стоят уже на мягких снегах твоих и не играют в глазах наших огнями разными. Вся белая хламида твоя, которою укрывала ты до сего наши холмы и поля, лежит тамо уже растерзанная ими, вся обезображенная и лишенная красот своих, представляет она уже зрелище, противное нам. А скоро-скоро уже нигде не видно будет и остатков ее. Уже превращается она в потоки водяные, и с каждым днем обнажается более лицо черное! Земли. Уже слышен треск и шум от разрушения оплотов твердых и оков, возложенных тобою некогда на воды. Уже освобождаются они от тягости ига сего и, получив свободу, удаляются прочь от нас, смешавшись с водами, происшедшими из снегов твоих, и при сильном стремлении своим режут с шумом, слышимым далеко по зоре.

О, сколь великая перемена во всем и повсюду теперь! И какому страшному перевороту назначено свершиться в натуре прежде, нежели она уготовит путь для шествия грядущей и уже приближающейся весны, устелет его коврами драгоценными и усыплет цветами родов разных! Самые недра и внутренности Земли должны восстенать от оного, а на лице ее едва ли единое место, единая частица состава ее пребудет в покое, едва ли единая останется без потрясения. Все ощущает уже и днесь перемену великую в себе, а вскоре восчувствует и более того и перемену вящую и гораздо важнейшую перед сею. Ни едино творение, ни бездушное, ни одушевлённое, не останется без восчувствования чего-нибудь, а все и все восприимет соучастие малое или большое в перевороте

сем общем и великом.

Какой сонм явлений разнородных представляется умственным и телесным очам моим, когда сии простру на видимое окрест себя, а те устремлю на предметы, отсутственные и незримые мною. Какой ряд сих предметов разнообразных, где трогательных и жалких, где приятных и неприятных, представляется зрению моему, и какие разные движения производят они в душе и ощущения в сердце моем...

Здесь вижу наши холмы и поля, уже пестреющие всюду. От белого покрывала, под коим покоились они в зимние претекшие дни и ныне уже растерзанного на части, лежат тамо единые уже клочки в рассеянии, и самые те с каждым часом исчезают очевидно. Многие холмы и бугры власно как утрудясь под тягостию бремени, лежавшего на них давно, свергли с себя всю зимнюю одежду и спешат умягчать хребты свои для освобождения от оков зимы суровой все растения свои, долженствующие вскоре покрыть их бархатом зеленым, толико увеселяющим очеса смертных. Уже слух сих утешается громким пением первенцев вешних, гремящих в высоте над главами их и над холмами сими, освобожденными от снега.

Другие только лишь стараются еще свергать с себя зимнее иго и оказывать от часу более мрачное чело свое из-под белой одежды. Множество малых и больших потоков струятся во все стороны с них и стремительно текут вниз по наклонностям их в долины и низы.

В сих белеются еще остатки снегов, и скопищи их упор-

ствуют еще всем усилиям солнца и тепла, но воды, скопляющиеся в оных, режут по наклонностям их и, подрывая страшные громады снежные, принуждают их обрушиваться над собою и последовать за быстрым стремлением своим в реки малые и большие.

А с сими каких перемен и явлений не происходит теперь в местах разных повсюду! Воды, стекающие в низы с холмов и полей, превратив каждый поток в речки быстрые и глубокие, сделали их к прехождению неудобными. И к коликим сетованиям и досадам не подают они повода собою путешественникам многим. Инде гонимый надобностью поспешает иной достигь до дома своего или до другого места, куда привлекают его нужды кровные. Помышляя о необходимости езды своей, забывал он до сего о всех трудностях нынешних разрушенных путей и, скрепив сердце, тащился по грязи и земле самой на санях своих и уже ласкался надеждою вскоре окончать путешествие свое, но малейшая речка или паче ручеек, ничего не значущий до того, останавливает его и преграждает ему путь дальнейший. Превратись в реку быструю и глубокую, препологает она сущую невозможность к переезду. Путешественник, понуждаемый нуждою, с горестью усматривает сие, вздыхает из глубины сердца, досадует и не знает, что делать. Он осматривает всюду и всюду быстрое течение воды мутной, испытует глубину ее, идет вверх течения реки, простирает шествие свое вниз, старается где-нибудь открыть место, удобное к переезду, но, к прискор-

бию, нигде не находит такового. Наконец по долгом искании встречается с зрением его род помоста чрез реку, помоста естественного, составившегося из спершихся льдин, или из толстого слоя, окреплого и не обвалившегося еще снежно-го сугроба, простирающегося чрез всю реку оную, протекающую под оным. Путешественник радуется обретению сему, но вкупе содрогается в душе своей при помышлении о всей опасности переправы таковой. Он впадает в недоумение, отважиться ли ему на опасность сию, и страждет нерешимостью часы целые. Наконец, великость нужды заставляет его решиться на все. Он со страхом и трепетом пускается на помост толико опасный, и сердце его сжимается в груди, до того уже стесненной, обливается кровию и замирает при каждом шаге ноги его. Но какая радость и удовольствие для души и сердца его, когда удастся ему достигь до берега сопротивного и ступить ногою на твердую землю!

Но не всем и не всегда удаются переправы таковые, но многим и очень многим бывают они гибельны или повергают их в опасности смертельные. Коль многие проваливаются на помостах таковых снежных или составившихся из льдин, спершихся между собою, и увлекаются быстрым стремлением вод вниз по течению реки и там либо бедственно погибают, либо спасаются, но потеряв все бывшее с ними, или перемочив весь скарб свой. Коль многих таковых необходимость заставляет перебираться вплавь чрез наводнения, сему подобные, и подвергать явно жизнь свою опасности, и

коль многим отвага таковая пагубна бывает. Каких случаев и примеров не бывает всякий год в течение краткого, но опасного времени его! Коль плачевно бывает оно для многих, а особливо находящихся в дорогах и принужденных переправляться чрез многие речки и ручьи, и коль счастливы все те, кои в! сие время сидят дома и с водами никакого дела не имеют.

Сколь у многих отцов и матерей, также у жен и друзей, сердца теперь не на месте, имеющих детей или милых друзей и сродников своих, в отсутствии долженствующих возвратиться к ним сим опасным путем из отдаленных мест и переезжать многие реки и воды. Всякий день и всякий час представляются умам их все опасности, каким они подвержены быть могут. И многие с беспокойным духом просмотрели уже глаза свои, ожидая ежеминутно прибытия их. Сколько одни возрадуются радостию несказанного при свидании с милыми родными своими, благополучно к ним возвратившимися и всех опасностей избегшими. Сколько многие другие поразятся, может быть, вскоре горестию и восстенают из глубины сердец своих, лишась милых людей себе.

Но отвращая теперь душевные очи свои от всех таковых и подобных тому жалких и поразительных случаев, производимых половодью и от всех повреждений, причиняемых ежегодно разлитием малых и больших рек, и льдами, плывущими в ужасном множестве по хребтам оных и с стремительством страшным и разрушающим все встречающееся с

ними и причиняющими многим убытки и досады несметные, а устремляя оные к другим предметам, встречающимися со взорами моими, вижу леса, синеющиеся тамо. В них продолжается зима, еще господствие твое. Все они таковы же еще, как были, голы, обнажены и лишены всех красот своих. Деревеса, составляющие их, находятся теперь еще в худшем виде, нежели в каком были они за несколько дней. Нет на них и того уже убранства и великолепия, в которое облекала ты их своими инеями прекрасными. Уже давно стрясли они с себя последние остатки оных. Все те, кои обременены были игом, возложенным тобою на них и коих главы и ветви недавно стояли преклоненными книзу, давно уже разогнулись и подняли опять выи свои. А теперь выдирают главы свои изпод снегов твоих и самые юные птенцы их, с которыми ты с толиким немилосердием поступала. Пушистые снега свои, оседа с каждым днем, и в недрах лесов самых обнажили уже многие молодые отросли и кусты, лежавшие до того согбенными под тяжестью сугробов твоих. Все они вместе с старейшими из пород своих готовятся уже к убранию себя великолепием весны прекрасной. Предшественники ее уже давно действуют на них. Давно уже жидятся соки во внутренности ветвей и стволов их, и чертежи будущих красот давно уже таинственным образом образуются в них рукою премудрой природы. Скоро-скоро начнут уже сожменные и образованные листья и цветы развиваться постепенно. Некоторые из древ унизаны уже перлами, сплетенными из пуха нежного и бе-

лизною твоим снегам не уступающего, а за ними вскоре последуют и листья, сотыкаемые с толиким искусством сокровенным, что ум всех смертных не мог еще до сего проникнуть совершенно во всю глубину таинства сего.

Но не одни воды и леса, но и самые животные, видимые повсюду мною, уже скорое настание весны предвозвещают. В рощах наших давно уже раздаются гласы герольдов ее, создающих сограждения свои на верхах деревьев высоких, и они готовят уже мягкие ложи для будущих птенцов своих. А примеру их последуют многие и другие пернатые. Здесь вижу многих летающих окрест меня, отыскивающих соринки и пушки, им нужные, и отлетающие с ними в места, присканные ими для произведения потомства себе. Тамо гремит целый хоровод маленьких пернатых, сидящих на гибких ветвях деревьев и совокупным чиликанием своим увеселяющих слух мой. Все они утешаются тут приближением весны и отдыхают от трудов, употребленных на сделание гнезд своих. Я сорадуюсь с ними и веселюсь зрелищем сим, как вдруг привлекает внимание мое раздающийся крик в высоте воздуха над главою моею. Я обращаю взоры мои туда и вижу длинные ряды пернатых путешествующих по пространству воздуха из стран южных и отдаленных от нас в страны Севера. Бесперывное и согласное взывание их утешает мой слух, рассекание воздуха длинными крылами их увеселяет зрение, а самое странствование оных производит в душе моей помышления разные. Без признаков и пути, означенного чем-

нибудь, прелетают они расстояния великие и безошибочно достигают до мест приятнейших в летнее время для них. Я удивляюсь предводителям их, а вкупе и повиновению, с каким следуют за ним все прочие порядком особливом, и не могу довольно надивиться тому.

Тако удивляющегося и углубившегося в размышления возбуждают меня другие крики и гласы животных. Я обращаю зрение мое и вижу здесь питательниц наших, громким и особым криком возвещающих о доставлении нам в пищу новых яиц своих. Тамо величавые самцы их громким криком призывают милых подруг своих для совокупного клевания зерен, найденных им. Инде распушась пыхтит гордое пернатое из стран индийских и расхаживает горделиво пред подругами своими. Здесь поражает слух мой нежное бляение агнца, едва только родившегося на свет и последующего за родившею его в теплое еще убежище его. Тамо внемлю приятные беседы нежных любовников между пернатыми, целующих друг друга. Я дивлюсь сему свойству их, толико особливому и отличающему сих тварей от всех прочих, и веселюсь зрением сим.

Но единое ли сие утешает зрение и слух мой? Великое множество и других предметов, не менее приятных и утешительных, встречаются с зрением, слухом и мыслями моими. Куда ни обращаю все оные, на пространство ли воздуха над собою и атмосферу нашу, на натуру ли вообще и на поверхность земли всей, на обиталища ли жителей ее и все

происходящее во внутренности оных, на вертограды ли, особенно в недрах их находящиеся, на поля ли и луга, окружающие оные, на леса и дубровы, украшающие холмы наши, и нынешнее состояние их, на всю ли область животных вообще, на скотов ли наших пород разных и зверей диких, на птиц ли, живущих на свободе и в домах наших, и нынешние упражнения их, на обитателей ли вод родов различных, на слабейших ли животных, обитающих в стихиях и на лице Земли, а, наконец, на самых ли подобных себе смертных и нынешние упражнения их в местах разных, как везде и везде встречаются с слухом, очами и мыслями моими такое множество предметов занимательных и приятных, что к исчислению всех их не обретаю почти удобства; а вообще только сказать могу, что все-все они скорое и весьма скорое пришествие весны, а вместе с тем и совершенное отбытие твое, зима! нам предвозвещают.

И как сие и свершится непременно, то да буди благословенно отшествие твое, зима хладная, а вкупе и полезная нам. Я сопровождаю тебя с чувствами благодарности к тебе! Несмотря на всю стужу и непогоды твои, наводившие нам беспокойства иногда, имела ты для меня много приятного в себе. Не один раз во время господствования и пребывания твоего у нас веселился я красотами и прелестями твоими! Не один раз занимался мыслями о всех выгодах, тобою доставляемых нам, и снискивал чрез то непорочные забавы духу моему, и не одну минуту помогла ты мне препроводить ве-

село и обратить в частицу блаженства моего. О, буди же тебе благодарение за то! И если дни мои продлятся до обратного возвращения твоего к нам, то буди мне и тогда такова ж благоприятна и весела, как была в нынешний раз.

12. Половодь в моей деревне (сочинено в 1797 в мае)

О милая и драгоценная деревенская жизнь! Какие преимущества имеешь ты для людей, ищущих блаженства своего не в честях и достоинствах высоких, не в роскошах и богатствах огромных, но в том, в чем сама натура его положила, и в таких вещах, которые скорей и удобнее всех протчих ему оныя доставить могут! Как выгодна ты для тех, кои не влачат дни свои в праздности единой, не предают себя течению света и обыкновениям его и смотрят на все не одними телесными, но вкупе и умственными и душевными очами! Какие удобства имеешь ты для научившихся из детства тому искусству неоцененному, которое так тесно сопряжено с блаженством жизни нашей и толь великое в него влияние имеет. Искусству, имеющему то особенное преимущество пред другими, что может в жизни нашей доставлять нам тысячи или паче несметное множество минут приятных и подавать бесчисленные поводы к удовольствиям сладким и веселиям непорочным, веселиям, кои проникают до самых глубочайших недр душ и сердец наших, и чрез самое то соиздать истинное блаженство дней наших.

Никакой иной род жизни с сей стороны не может сравниться с тобою, о мирная и тихая деревенская жизнь! Ника-

кое иное место не может доставлять нам толь много случаев и поводов к удовольствиям сим, как деревня, отменно же одаренная приятными положениями мест, где натура рассыпала щедро дары и красоты свои! Нет ни единого времени годового и ни единого почти дня во все течение не только весны, лета и осени, но даже и зимы самой, в которой бы с оком любителя природы и умеющим извлекать себе удовольствия из всего не могло встречаться чего-нибудь такого, что в состоянии уже занять и увеселить его ум и сердце. Вся натура для него отверста, вся-вся лежит пред очами его, и тысячи предметов окружают его всюду, куда ни направит он стопы свои, и предлагают поводы к удовольствиям непорочным и приятным.

О, как счастливы все имеющие селения свои, окруженные местоположениями прекрасными, и умеющие пользоваться ими! Никогда не престану я благодарить судьбу мою за одарение жилища моего сим даром, в особливости и за умножение самим тем всех ее благодеяний к себе. Колико приятных минут ни доставила она мне чрез то и коль великое влияние имеет сие в блаженство дней моих.

Нет дня, в котором бы не находил я новых поводов к удовольствиям и увесениям непорочным. Самые скучнейшие времена года для меня не скучны, и самые такие перемены в натуре, которые иным либо страх и опасение, либо скуку и неприятности производят, для меня приятны и утешительны бывают.

Что скучнее того времени в году, когда натура находится в важнейшем перевороте своем и зима уступает владычество свое весне, ее прогоняющей? К каким досадам и неудовольствиям ни подает повода время сие многим людям; как огорчаются иные тем, что за распутицей и дурнейшими погодами им никуда ни ездить, ни ходить невозможно, и они принуждены сидеть в скуке в домах своих? Путей зимних и спокойных уже нет. Все они разрушились совершенно, а летние далеко не восстановились еще. Куда ни направят они стопы свои, везде встречаются с ними топи и грязи, везде непроходимости самые, а бываемые в сие время наводнения и половодь к коликим досадам, заботам, страхам и опасениям ни подают повода многим? Каких неудобностей и повреждений ни производят они везде собою? Многие времени сего как некоей себе напасти и беды ожидают, и душа их от единого уже воображения приходит в смущение и беспокойство. Как озабочиваются в сие время все те, у коих есть водоемы большие, согражденные на речках и реках многоводных, и разные здания, на оплотах их воздвигнутые с иждивением великим и трудами бессметными; или те, у коих реки такие сквозь их селения и лучшие уголья протекают и разлитием вод своих, а того паче льдами своими ежегодно великое опустошение причиняют.

Инде целое селение находится в течение времени такового в смятении и тревоге превеликой. Все обитатели хижин его сбегаются с разными орудиями к оплоту, преграждающе-

му реку среди селения их текущую и обширный водоем, тут составляющею. Смущенные начальники, а всех более озабоченный хозяин призывает их туда, и понуждения посыльных заставляют бежать скоро по вязкой и скользкой земле и поспешать для спасения оплота, повреждаемого водою внешнею. Сей толикое множество вдруг притекает сверху, что не умещается вся она уже в отверстия и врата, для ней приготовленные, но во многих местах претекала уже чрез самый оплот и, оный размывая, подвергала опасности. Озабоченный и до крайности смущенный хозяин истощил все силы свои от бегания, вопля и понуждения всех к скорейшему положению преграды стремлению ее. Употребляется все, что только можно, напрягаются все силы сбегшегося народа к удержанию насилия воды, но всего недостаточно и мало. С страшною силою и шумом, оглушающим слух, смертных, ревет она и повергается с высоты преграды своей в пучину глубокую и, тамо вращаясь, как в котле, клубится пеною белою и брызгами своими всю окрестность орошает, Падение ее толико сильное и шум толико страшный, что колеблются от того все основания и твердыни оплота. Стонет самая земля под ногами и вселяет страх и ужас в смелейшие сердца. С каждым часом увеличивается вода, и стремление становится сильнее и ужаснее, а наконец делается неукротимым совсем. Вода преодолагает все силы человеческие и, преоборая все усилия людей, разламывает твердыни, противоборствовавшие ей до того, расторгает все связи, державшие согражде-

ния оных, и начинает стремиться с ужаснейшим шумом и в великом множестве вдруг. В немногие минуты уничтожает она то, что делано было целые годы руками человеческими, потрясает оплот самый, подмывает оный в основании его, отторгает страшные глыбы земли черной и уносит их с собою в пучину, и черная пена является вдруг на поверхности оной и представляет зрелище страшное. Весь народ ужасается свирепства такового и с воплем отбегает прочь, страшась, чтоб не погибнуть самому в кипящей пучине. Сам хозяин в крайней досаде и огорчении уклоняется прочь от сего страшного зрелища и с сердечным сокрушением прощается мысленно со множеством рыб, бывших в водоеме его и снабжавших до того трапезу его изобильною пищею, а тогда вместе с водою уходящих. О воображает себе, коликих трудов и убытков будет стоить возобновление оплота сего, и огорчение его увеличивается оттого еще более.

В другом месте к разрушению таковому присоединяется и другое еще зло, причиняющее владельцу еще более досады и прискорбия. Под оплотом и в близости спуска находилось у него здание, воздвигнутое с великим коштом для претворения жит в муку и толчения вещей разных. Прорвавшаяся и в страшном множестве ревущая река затопила оное до половины, и от сильного стремительства ее подвергалось оное опасности очевидной. Владелец, забывая уже о разрушенном спуске и оплоте, суетится и озабочивается зданием сим. Он приказывает, принуждает и умоляет даже подданных своих

употребить все усилия к спасению оного, посылает за крючьями, вервьями и баграми, и смелейшие из слуг его, повинаясь велениям и упрасиваниям его, взлезают на кров здания сего, обвивают оною вокруг вервьями толстыми и длинными, и сбежавшийся народ придерживает оное за них при вспоможении крючьев и багров, но среди самых стараний их едва сам не погибает. Оплот расседается под самыми ногами их и, раздробляясь в глыбы, начинает распадаться, и они, а вместе с ними и владелец их, едва успевают сбежать с оного для спасения жизни своей и предают здание на произвол свирепству воды. Сия, усиливая от, часу более стремительство свое, и поднимает все оное с страшным треском с основания и наполовину разрушенное уносит его на хребтах черных волн своих и нередко вместе с людьми, сидевшими на кровле и не успевшими соскочить с оной.

О! какой жалкий вопль и восклицания начинаются в таких случаях от погибающих и просящих помощи от других. Весь народ приходит в новое смятение оттого и с воплем бежит вслед по берегам реки за зданием, плывущим по воде и разрушающимся на каждом шаге. Каждый желает помочь пловцам несчастным, но ни средств, ни возможностей не находит, и особливому счастью быть надобно, если случится таковым несчастливцам доплыть где-нибудь до берега близкого и, бросившись в воду, спастись плаванием от потопления или быть извлеченным из волн кинутыми к ним вервьями от бегущих вслед за ними родственников и друзей их.

Инде, а особливо в селениях, сидящих на берегах рек великих и многоводных, половодь сия не иные, как страшные и такие зрелищи, представляет, кои не имеют ничего в себе приятного и увеселительного, но паче преисполнены только ужасами и неприятностями одними. Вздувшаяся от прибылой в множестве воды река таковая вдруг наконец выходит из берегов своих, и стремительство быстрой воды с великим треском разрушает все твердые льдистые помосты, воздвигнутые мразною зимою на зыбях их, и разламывает в части и глыбы великие толстые..., и вода увлекает их с собою на хребтах волн своих. Вся поверхность реки приходит оттого в движение и, несмотря на ужасную тягость льдин их и твердость таковую, что поднимали они на себе бремена страшные, несет вода их на себе, как легкие тела, и, равно как мстя за прежнее отягощение себя, играет ими, как легкими перьями. Инде летят они, как стрела, вниз по стремлению оной. Здесь вертятся и кружатся, инде соединяются в скопищи великие и, спираясь в громады страшные, становятся стоймя и ребрами, и потом, паки рассыпаясь, с шумом пускаются в путь дальнейший: Здесь нагоняет она их на берега крутые и высокие и заставляяет самым разбиваться о скалы твердые, там разрывать рыхлые стены берегов крутых и, отламывая от них глыбы огромные, повергать в себя. Инде разбрасывает их по берегам низким и кустарникам и оставляет их лежать тут до нетления их. В других местах нагоняет их на деревья, стоящие при берегах низких, и заставляяет согнать и пре-

ламывать их собою. Инде, протекая селения, наносит их на мосты и мелкие хижины поселян! и заставляет либо самим с треском раскалываться и разрушаться об оные, либо их опровергать и разрушать с шумом и производить стон и жалкий вопль от хозяев оных.

Таковые и подобные сему явления производит половодь в местах множайших и везде почти принуждает зрителей ужасаться силе воды и содрогаться от свирепства стремительства ее. Но не такова и далеко не такова бывает половодь в пределах моего обиталища. Но здесь натура власно как в особенности благодетельствуя мне, лишила ее всего ужасного и оставила в ней одно только приятное и увеселительное. Нет тут ни большой реки, ни обширных водоемов, могущих наводить заботы и ужасы на хозяина. Нет зданий, повреждению от полой воды подверженных, и таких мест, где б могла она производить какие-либо повреждения и опустошения, но половодь здесь всякий год проходит с миром и так спокойно, что жители селения сего никогда на ее жаловаться не могут, но паче всякий год дожидаются оной как некоего праздника, ибо она кроме удовольствия им ничего с собою не приносит.

Расположение небольшой реки, протекающей среди селения сего при подошве горы Авенезера и пред окнами дома моего, таково, что вода как бы ни увеличивалась, но ничего важного собою произвесть не может. Разнообразные и отменно прекрасные и где крутые, где пологие изгибы ее и рас-

положение берегов, где высоких, где низких, и самая неодинаковая ширина ее причиною тому, что во время половоди представляет она собою множество приятных зрелищ, а ни одного ужасного и отвратительного.

Не могу забыть, как много веселился я в последний раз ею. Уже за несколько дней до самого величайшего разлития воды предуговлен был слух мой к тому громким шумом и ревом воды, слышимым в некоторой отдаленности из самых окон дома моего. Производим оный был стеканием всей реки сей с помоста высокого. За многие годы до сего преграждена была она вся в верховье своем, и неподалеку от селения моего оплотом высоким и огромным для составления на ней обширного водоема, долженствовавшего некогда водами своими помогать перерабатывать чугун в железо, и громкий стук от молотов больших раздавался по всем окрестностям сим и оживотворял страну сию. Жило тут множество людей, было множество строения всякого, но ныне, ныне все сие давно опустело, и остался единый только оплот с толстыми ветлами своими, пережившими века целые, и оный помост, с которого река, стекая всею массою своею и повергаясь в пучину глубокую, производила шум оный, слышимый далеко во всех окрестностях здешних, и переменными звуками и тонами своими могущая утешать слух привыкшего любоваться всем, что есть приятного в натуре.

Не одну приятную минуту проводил я, сидячи при вечере под окном своим и утешая слух свой разными тонами сего

огромного водостока. Не один раз преселялся я мыслями в гористые страны альпийские и мнил слышать шум водопада с высоты какого-нибудь Альпа, в приятные швейцарские долины низвергающегося. Не один раз воспоминание о бывшем некогда селении там и слышимого мною еще в младенчестве моем стука от молотов больших приводило мне на память преходимость всех вещей в свете, преселяло меня в лета юности моей и производило мысли и чувства особые и проницающие душу.

Еще не успел я сим первым явлением приближающейся весны навеселиться, как готово было уже и другое и меня к себе привлекало. С помянутым шумом воды, слышимым вдалеке, соединялся уже и другой, гремящий вблизи самой и за немногие только шаги от дома моего. Возгремел уже от оногo весь мой вертеп энкритный, и звук от воды, стекающей в него разными потоками чрез скалы и коренья древес и упadaющий с великим стремлением с высоты в глубину его, раздавался по всем окружающим его садам и роцам. Приятно было сие слышать, а того приятнее видеть. Я поспешал любоваться зрелищем сим, наслаждать око свое сим действием природы и не один, а несколько раз в день повторял сходжение свое в самую глубину вертепа пышного и огромного сего, и не одну, а многие минуты провождал в нем в удовольствии особливом.

Зрелище было и достойно такового созерцания. Во многих местах стекала вода с крутых и высоких берегов вниз

между камнями и кустами стремлением сильным и шум производящим, а в самой глубине ревела с превеликим шумом целая речка воды вешней, преливаясь через камни на камни и с уступа на уступ. Не сметное множество тут было разной величины водопадов, и каждый из них производил особый шум и гром собою. В иных местах вытекающая вода из кривизны казалась вытекающею из недр земли самой, а инде, выдираясь из-под сугробов и куч камней, была огромным ключом и равно как водометом. Во многих местах текла она так сильно, что влекла с собою даже самые камни и стук от сих упаданий с уступа на уступ соединялся с шумом, самую ею производимым, и заставлял стенать даже весь вертеп от того. Зрелище таковое преселяло меня паки в мыслях в страны гористой Швейцарии. Я мнил находиться в одной из глубоких долин ее и видеть воду, текущую из ледников тамошних, и смотрел на то с таким же равнодушием, как находясь действительно там, ибо и тут не имел причины опасаться, чтоб вода что-нибудь испортила и повредила.

Когда же влекомый любопытством восходил я далее к верховью оврага сего, то новое и прелестное зрелище представлялось очам моим. Я усматривал три больших водопада, один выше другого находящихся и каждый толико прекрасный, что заставлял меня любоваться собою. Три водоема не обширной хотя, но довольной величины производили оные. Из каждого из них стекала вода не из врат и не с помоста, но широким стоком, упадающим с уступа на уступ и раз-

дробляясь на бесчисленные струи, производила белую пену и брызги многочисленные. Образ водостоков сих, произведенных хотя искусством, но похожий на натуральный, только привлекателен, что невозможно им довольно налюбоваться и тем паче, что смотреть можно было и на сие с равнодушным оком; не заботясь ни о какой опасности от воды.

* * *

Когда возвратившись оттуда, всходил я на хребет Авенезера, сей горы прекрасной и великой, и на самое то место, где воздвигнут на ней храм, моей музе посвященный, и входя в оный, уклонялся в кабинет его и простирал зрение свое вниз под гору и на углубленный дол, пред ногами моими величественно и прекрасно изгибающийся, то о, какое восхитительное и торжественное зрелище представлялось тогда очам моим. Я не знал, куда обращать взоры мои и которыми предметами из всех многих, но равно прелестных и приятных, насыщать и веселить оные. На обширное ли и наклонное ко мне поле, лежащее прямо пред очами моими и от многих мет, обнажавшихся от снега уже испещренное? На селение ли, находящееся при начале оногo и вблизи сидящее низко пред ногами моими? На Скнигу ли свою, сию милую и величественным изгибом все оное обгибающую реку и при самой подошве горы мимо меня и пред самыми ногами моими низко и очень низко протекающую и в наиторжествен-

нейшем своем виде находящуюся? Сей последний предмет воспринимал наконец верх над всеми прочими и поистине был и достоин того. Река сия, толь мало значащая в иные времена года в соединении с прочим местоположением, представляла тогда такое зрелище, которому подобное в красоте, пышности и приятности едва ли в самой Италии где-нибудь отыскать можно.

* * *

Я видел реку сию весьма в отменном уже виде перед тем, какой имела она в летнее время. Вместо тихого, кроткого и приятного ее течения вдоль по излучистой долине и вместо того, что составляла она не повсюду тихие, гладкие и зеркалам подобные заводи и плесы, но во многих местах преливала чистые воды свои с приятным журчанием чрез мелкие каменистые броды, а в других, раздробляясь на многие и мелкие ручейки, составляла на плоскости своей малые и большие островки, где покрытые низкою зеленою травю, где усыпанные одними белыми камушками и, будучи с боков ограждена где несколько возвышенными и каменистыми, где низкими, и мелким ивовым кустарником порослыми берегами, представляли собою зрелище приятное. Вместо такой небольшой, но прекрасной речки протекала тогда внизу передо мной река уже большая и широкая с великим шумом и стремлением столь быстрым, что к пре-хождению чрез ее,

толико удобным в летнее время, не отваживался тогда никто иметь и мыслей самых. Все низкие ее и в летнее время обнаженные берега и островки покрыты уже были глубокою водою, и нигде не видно было и следов оных. Вода ревела чрез них и чрез кустарники самые набыстрейшим током, и одни только возвышенные берега противоборствовали оному и не давали воде разливаться далее.

Но сие далеко было еще не все, но наилучшее и торжественнейшее зрелище представляла она прямо предо мною и внизу пред самыми ногами моими. До сего самого места во всем разлитии своем и во всей великой ширине своей текла она плавно, мирно и спокойно, и видны были только одни льдины, плывущие по ней одна за другою. По разнообразности неодинаковой величины и фигуры оных, по тихому и плавному сплыванию их вниз по воде и по обстоятельству, что плыли они не кучами большими, как на реках великих, но поодиночке, только временно и понемногу – и что каждую из них можно было видеть уже издалека выплывающею из-за отдаленной, крутизны и потом тихими стопами по великому и прекрасному изгибу реки приближающуюся к горе, представляла она хотя и сим одним зрелище приятное, но тут и прямо предо мною, при самой подошве горы, где на хребте оной стоит и дом, и храм мой, происходило совсем другое. Тут Натура власно как нарочно для удовольствия моего произвела между возвышенных несколько брегов великую и обширную плоскость.

В летнее время протекает вода тут в помянутом раздроблении на разные речки и ручьи, и вся плоскость испещрена множеством низких каменных островков, но в сие время острова сии хотя и все покрыты были водою и река в разлитии своем нигде столь широкою ни была, как в сем месте, но глубина воды была над островами столь мала, что льдинам по огромной толстоте их неудобно было преплывать чрез оные, но Многие из них, касаясь до дна, принуждены были останавливаться и самым тем власно как нарочно для утешения моего представлять зрелище пышное и великолепное вкупе.

Вся река преграждалась в сем месте ими с одного берега до другого, и, что всего приятней, великий оплот сей, состояющийся из спирающихся между собою и лежащихся разнообразно льдин, переменял положение свое ежечасно. Временем преграда сия делалась прямо, а вскоре после того вкось, либо, в ту, либо в другую сторону, либо выше, либо ниже, и при каждом разе преграждала все течение реки, так что она принуждена была подниматься на знатное возвышение, составлять превыше оное обширный водоем и силою проискивать себе путь между спершимися льдинами, а самое сие и составляло наилучшее зрелище.

Инде надымаясь превыше льдин, претекала она чрез оные и впадала с превеликим шумом власно как с каменистых уступов и утесов. В других местах выдиралась из-под оных и была, как из пучины или жерла подземного, ключом огромным, производя пену и струи многочисленные. А в иных

и слабейших местах силою расторгала преграду, ей мешающую, разворачивала льдины величины и толстоты огромной и, отворяя себе путь, делала узкие отверстия и в оные с громким шумом и ревом стремилась вниз, как с спуска прудового, и увлекала с собою разломанные льдины. И как все течение реки с сего места становилось уже чрезвычайно быстрым, то несла их на хребтах струй своих с великою скоростью вниз и уносила в один миг из вида, либо разбрасывала по берегам и кустарникам залитым. Превеликий шум и рев, происходящий оттого, раздавался по всем рощам, окружающим гору в сем месте, и утешал слух зрителей. А блеск от льдин и стекания воды, раздробляющейся в бесчисленные струи и брызги, происходящих от ударения прямо в нее полуденных лучей солнца и отскакивающих прямо в гору, помрачал даже очи его, любующиеся великолепным и прекрасным зрелищем сим и находящимся не в состоянии насмотреться и налюбоваться им довольно.

По целому часу, а иногда и более, пребывая безвыходно от окна в кабинете храма своего, сматривал и любовался я зрелищем сим и удовольствие имел неизобразимое. Место сие избрано было не без намерения для зрения сего редкого явления в натуре. На стене узкого кабинета сего и прямо против окна к реке находилось зеркало большое, а самое сие и доставляло удобность утешаться зрелищем сим сугубо. Обращая зрение моей в окно и на зеркало сие, видел я две реки по обеим сторонам себя, в глубоких долинах протекающих,

и одну естественную, а другую, хотя единою рефракцию лучей света производимую в зеркале, но не менее прекрасную или еще великолепнейшую, и мне казалось, не иначе как находился тогда я на самом острие и вершине крутой превысокой горы или наверху высокой башни какой и окружен был с обеих сторон преглубокими и обширными долинами с великолепными и блестящими зрелищами в них. Я не знал, в которую сторону смотреть из обеих и которою любоваться более. Обе были равно прекрасны, равно очаровательны.

Ко всему тому присовокуплялись еще и другие, не менее приятные явления. Все жители селения нашего власно как оживотворены были сим редким явлением. Все берега реки усыпаны были ими. Все старые и малые, и женщины и мужчины выбегали из домов своих смотреть редкое явление сие и не только любоваться оным, но и пользоваться наводнением сим. Оно доставляло им особливую удобность к ловлению рыб мрежами своими, насажденными на шестах длинных. Многие из них давно уже сего времени, как некоего торжества или праздника, дожидались. Все старейшие трудились над сею ловлею тогда, и повсюду по берегам видны были кучки людей, закидывающих мрежи вой и тащащих оные длинными вервями к себе. Юнейшие сотовариществовали отцам своим и прыгали от радости при изловлении рыб и при выборе оных из саков своих. Другие же сотоварищи их, в невинном еще возрасте находящиеся, занимались льдинами, плывущими по воде, и не могли нарадоваться и навеселить-

ся плаванием их по воде. Они бежали вслед за плывущими с верховья, негодовали на останавливающихся и поднимали радостные крики и вопли при возобновляющемся движении их, горя нетерпеливостью и любопытством видеть, что произведут они, приплыв к преграде и заслонив собою отверстие, произведенное водою. И какая радость и удовольствие бывало для них, когда льдина таковая, заградив сток, производила новые явления собою или подавала повод к разрушению всей преграды или к важному перевороту и пременению положения ее. Все сие не только видимо было с горы мною, но и самые невинные и радостные восклицания их при движении льдин и торжественный крик: «Пошли! пошли! пошли!» – достигал до слуха моего и усугублял удовольствие мое.

Тако продолжалась половодь в селении нашем несколько дней сряду, и я не уставал смотреть ее и любоваться ею в каждый день по несколько раз и часов сряду, и что всего приятнее было для меня, то при каждом приходе своем на хребет горы находил реку и все на ней уже в другом виде и положении, нежели в каком оставил я при отшествии своем. И тако продолжалось все сие, доколе миновало явление сие, и заступили место его другие.

Я провожал оное с чувствами особливой благодарности к судьбе, одарившей селение мое таким местоположением прекрасным, и удовольствие мое, а особливо по случаю невидания явления сего более двадцати лет сряду, было, так

велико, что я чувствую оно и при теперешнем воспоминании всего того. Хотя множество других и не менее приятных и увеселительных предметов утешают уже ежедневно и зрение, и ум, и сердце мое, и чрез все то свободную и безмятежную деревенскую жизнь делают мне отчасу более приятнейшею.

13. Метель

*(сочинено 17 февраля
1798 во время метели)*

О натура! Что происходит теперь с тобою и какую перемену вижу я в тебе! Как отлична ты в часы сии от вчерашнего состояния твоего! Какой шум слышу я в воздухе и какое волнение; и замешательство вижу тамо между стихиями происходящие! О, како переменился весь твой вид, натура, перед тем, каков был он в претекший день, вид, которым я вчера так много веселился!

Где ты? и куда сокрылся от нас великолепный свод, воздвигнутый рукою всемогущего над нами? Где теперь яхонты, где изумруды, пурпуры и все великолепия твои, которыми вчера толико любовался я. Где те бесчисленные красоты, на которые никак и никогда довольно насмотреться не могу? Нет уже теперь и не видно нигде... нигде и малейших следов лазура твоего! Ты сокрылся совсем от нас, о свод пышный и величественный, и смертному, никогда не выдавшему тебя, могло б казаться теперь, что ты и не существуешь совсем в натуре.

Некакой бело-серый, густой, единообразный и оком не проницаемый мрак занимает один все пространство воздуха над нами и покрывает собою все лицо земли нашей Из недр

оного сыплются на главы наши несметные мириады мелких и разнообразных клочков вещества того, в которое толь премудро превращаешь ты, натура, небесные воды свои и кои соплетаешь ты из них с искусством, столь непостижимым для нас. Бурные дыхания ветров, подхватывая оные, несут с великим стремлением на хребтах своих и, перенося чрез холмы и горы, засыпают ими все пути и юдоли. Целые холмы и бугры воздвигаются из них окрест селений и лесов наших и делают входы в них непроходимыми почти.

О! какой бесчисленный сонм. И какое необъятное множество вижу я снежинок сих, летящих тамо и с высоты косвенною чертою стремящихся на землю. Толпясь в великом, стеснении и опереживая друг друга, сокрывают они от очей моих все отдаленные предметы. Ничего, совсем ничего не вижу я вдали за ними! Ни лесов моих, ни полей..., ни селений окружных..., ни других отдаленностей, которыми толико прельщаюсь я в ясные и хорошие дни. Самые ближайшие предметы едва видимы мне за ужасным множеством снежинок сих! Вот тамо более слышу только шум от рощей моих, нежели вижу их, хотя находятся они вблизи самой и окружают с двух сторон жилище мое.

Вся натура кажется опустевшею и лишенною всех красот своих! Куда ни обращаю взоры, нигде не вижу ничего... ничего, кроме мрака единого и беспредельного хаоса, кипящего из снежинок бесчисленных. В высоте шумит единый только ветер, нагибающий верхи древес и треплющий длинные и

так висящие ветви берез высоких. Внизу все селение восприняло на себя вид уныния и печальный образ пустыни сущей. Все здания кажутся опустевшими! Единый завывающий ветер прелетает с одной кровли на другую и переносит с собою целые кучи снегов мелких и сыпучих. Все ближние окрестности оных кипят и засыпаются ими везде, и вихри воздвигают из них целые холмы и стремнины подобнее разных. Кроме сего не видно нигде движения иного. Неприметно даже и признаков, что обитаемо оно созданиями живыми. Все пути и тропинки засыпаны снегом глубоким, и не видно нигде и малейших следов на них. Со взорами, обращаемыми всюду и всюду, не встречаются нигде обитатели жилища сего. Они не видят даже и скотов и птиц, живущих с ними и оживотворяющих в иное время селения наши движениями своими. Все имеющее дыхание и жизнь, все и все удалилось под кровы и сокрылось в места, могущие укрыть и защитить их от бури и непогоды. Единые враны только, и то немногие, чернеются временно кой-где среди несомого бурею снега, но и сии не столько летящие, сколько несомые стремлением бури вместе с густым сыплющимся снегом и поспешающие также найти где-нибудь себе убежище спокойное.

Я содрогаюсь, смотря на все сие, и гонимый стужею ухожу скорей в тепло с надворья, подхожу к окну своему и простираю взор на сад свой, пред ним находящийся, но и сей представляется взорам моим в положении жалком. Лишенный всех красот своих, Пленяющих меля во все иные вре-

мена года, покрыт он теперь мраком, непроницаемым почти очами моими. Сквозь сыплющиеся сверху мириады снежинок малых и больших едва усматриваю я в нем и самые ближние деревья и предметы. Но в каком жалком и меланхолическом виде представляются теперь взорам моим все они, сии деревья и полянки с красивыми сиделками своими, и те кустарники и лесочки, которые толико милы и приятны для меня в хорошие времена года – все-все они теперь занесены, засыпаны и обременены снегом глубоким, все обезображены и представляют собою пустыню и дичь сущую. Самая пышная и высокая ель моя, посаженная некогда руками моими и украшающая собою так много ближайшую полянку сада моего, едва видима мне сквозь густоту снега. Несметные тысячи пушистых клочков его сыплются сверху на распростертые во все страны длинные и зеленые длани ее и, скопляясь в множестве на них, нагибают оные вниз тягостию своею и всему дереву сему придают тем вид особый и прелестный.

Я испытываю любоваться зрелищем сим, но порывистый ветер подхватывает целую кучу снега с кровли дома моего, с шумом засыпает им все окны мои и, преградив тем весь вид, отнимает у меня и последнее удовольствие сие. Я уступаю насилию сему, отхожу от окна и, уклоняясь прочь, сажусь в теплейший угол кабинета своего и принимаюсь за обыкновенные свои упражнения зимние.

* * *

О! как приятно быть и находиться в непогоду такую в тепле и, сидючи подле нагретой печки на креслах мягких и спокойных, заниматься либо чтением книги приятной, либо размышлениями утешительными и разумными!

* * *

Никакие из сих не приличны так много к случаям и временам таким, как относящиеся до устройства всего в натуре, и некоторые так не утешительны, как простираемые на Все происходящее теперь в оной и мысленные обозрения разных происшествий сих. Первые в состоянии увеселять помышления наши, а вторые производить в душах и сердцах наших ощущения колика сладкие, толико ж и полезные. Совокупно же и те и другие могут с избытком уже заменять нам те удовольствия, каких лишаемся мы в дурные погоды и какими пользуемся в времена лучшие и приятные.

При размышлениях о устройении всего в натуре, какой неисчерпаемый источник к мысленным удовольствиям иметь мы можем при рассматривании в точность того: с какою непостижимую премудростию устроена вся натура, в какой удивительной связи и сцеплении друг с другом находят-

ся все видимые нами в ней перемены и происшествия родов разных, также какой священный и ничем не нарушаемый порядок соблюдается во многих явлениях и действиях ее уже столь многие тысячи лет, так что ничто и никакая тварь не в состоянии произвести в том ни малейшей перемены, и с какими многообразными пользами как для иных тварей, так и для самих нас сопряжены все известные нам и видимые перемены и происшествия в природе и прочие тому подобное.

Таковые размышления могут помогать нам с приятностию провождать и самые скучнейшие времена в году, а вкупе и научать нас многому хорошему.

Вещей, относящихся до сего предмета, так много, что нам их для рассматривания на всю жизнь довольно быть может. Умалчивая о прочих, ежели коснуться до одних только снегов или до единой зимы нашей и всего относящегося до ней, так и тут, буде похотим, может найти тысячу вещей, могущих приятным образом занять помышления и производить удовольствия в душе нашей.

При мысленных же обозреваниях всего происходящего в природе в подобные сей дурные погоды, каких разнovidных и трогательных картин не может в душе нашей изображать кистью своею умообразование наше? Чего и чего не происходит во времена такие не только с иными тварями, но и с самими подобными нам в местах разных?

Тамо, и не в одном, может быть, месте, несмотря на всю стужу и великую выюгу сию, тащится в самые минуты сии

медленными стопами целый обоз повозками тяжелыми по пути и до того уже изрытому и дурному, а сею вьюгою еще более испорченному. Препровождают его люди такие же точно, как я, но родившиеся только в хижинах мизирных. Вместо того, что сижу я теперь в тепле и ни малейшего беспокойства не ощущаю, содрогаюсь уже я при едином выходе на крыльцо и спешу скорее, захлопнув дверьми, уходить в теплое свое и спокойное убежище, те бедные принуждены теперь по необходимости вязнуть почти по колено в снегу, идучи подле тяжелых возов своих, и помогать непрерывно слабым лошадям своим вытаскивать их из ухабов и рытвин глубоких либо поднимать повалившиеся на бок или вытаскивать огрызнувшие из снегов глубоких. Буря несет им резкий снег прямо в глаза и заслепляет оные. Все они засыпаны им, и жестокость пронзительного ветра проникает у многих всю одежду их до самого тела. Не у всех из них она такова, чтоб могла укрыть и защитить их от такой стужи совершенно, а у иных нет и на руках почти ничего. Какого ж труда и отягощения ни претерпевают теперь все таковые? И сколь чувствительна для них непогода сия!..

Инде нужда в дровах и неимение их столько, чтоб и однажды нагреть ветхую хижину свою, вынудила престарелого земледельца ехать со двора для сыскания себе оных. Любовь к детям и ко внучатам своим и жаление о сих претерпевающих нужду и холод побудило его позабыть старость свою и за отлучкою детей стаскаться самому еще раз в лес для успо-

коения их. Метель сия застигает его посреди полей, излегка и наполовину почти одетого, и в великом уже отдалении от двора его. Укрывая лицо свое от снега, прямо в глаза ему бурею несомого, сбивается он нечувствительно с дороги, по которой ехал до того. Небольшая она была, а полевая и метелью так занесена, что ее и приметить было трудно. Он усматривает ошибку свою, но уже поздно, он старается исправить ее, поворачивает вправо, потом влево, но нигде тропы прежней не находит и, не видя ничего ни впереди, ни по сторонам, кроме снега одного, не знает наконец куда и ехать ему. В досаде на себя поднимается он на ноги в санях своих, протирает глаза себе, силится смотреть во все стороны сквозь снег густой и престарелыми очами своими ищет вдали что-нибудь приметное себе, но густота сыплющегося снега сокрывает от взоров его и ближайшие былины на межах! Тогда, вздохнув, садится он опять и вознамеривается ехать назад по слединке, самим их проложенной, но вскоре и оной уже не находит. В то время, когда искал он дороги, сильная метель занесла и последний следок, проложенный санями его, и бедный старец теряет и последнюю надежду свою.

Смутясь обстоятельством таковым, вздыхает он из глубины сердца своего и пускается наудачу в ту сторону прямо, где, по мнению его, надлежало быть селению ближе прочих, но, к несчастью, он и тут ошибается в суждении своем. Через несколько минут наежжает он на буерак глубокий и занесенный с стороны его наполовину снегом рыхлым, и лошадь его,

составляющая всю надежду, вдруг обрушивается и увязает по шею в сугроб глубочайшего снега.

Старец поражается ужасом при неожиданном явлении сем. Второпях не зная, что начать, соскакивает он с саней для вспоможения лошади, но вдруг увязает и сам в снегу рыхлом так глубоко, что никак и выдраться не мог, сколько ни выбивался и как ни напрягал последних сил своих к тому. Никогда еще не случалось с ним бедствия и опасности такой! Опасности, которая была очевидна и угрожала ему смерти неизбежно!..

Теперь, вообразив случай такой и состояние сердца сего, не содрогнется ли сердце наше и не поразится ли оно нежным сожалением об нем. Находится он один посреди обширного поля, удаленный от всех смертных, которые б могли ему помочь, увязнувши в снегу почти по шею самую, не могущий выпростать не только ног, но и рук самых и занесенный в немногие минуты почти весь снегом и метелью!.. В положении таком не на единую ли пядень находился он от смерти самой?

Но не легко ли стать может, что в теперешнюю метель и в самые минуты сии, подобной сему старец или кто-нибудь иной действительно подвержен таковому же бедствию и опасности. Сколь многие люди находятся теперь в полях, путешествующие по дорогам малым и неприметным, и коль легко могут и они также сбиваться с них и терять собственные следы свои. Коль часто случается и многим людям, еду-

щим совокупно, находиться в бедствиях и опасностях превеликих в метели таковые? И не часто ли бывает, что, сбившись с дороги и оставив повозки свои, расходятся они все по местам разным для отыскания дороги своей и забродят также в вершины и буераки и тамо в глубоких снегах увязают и даже погибают совершенно. Сколько случаев таких и подобных тому бывает всякий год не только с черным народом, но и с благороднейшим пред ним. И кто меня уверит, что в самую минуту сию не находилось нигде целое семейство подобных мне людей в опасности смертельной?

Коликая ж разность находится теперь между состоянием всех таковых и состоянием тем, в котором нахожусь я в сии минуты? Великий Боже! Какое преимущество имею я в сие время пред ними и как должен я радоваться и веселиться, что не нахожусь в минуты сии в бедствиях, подобных им, и не терплю такой же нужды и беспокойства, как они!

Таковыми помышлениями можем мы доставлять себе не одну приятную минуту. А ежели хотеть иметь их более и удовольствие свое увеличить, то должно простирать мысли свои далее и за всеми претерпевающими в метели таковые разные роды бедств и опасностей последовать до самых убежищ, находимых ими наконец в нуждах своих. Например, за давичными обозными – до села, встречающегося с ними на дороге, и до постоялых дворов, принимающих в себя для обогрения оных. А за престарелым земледельцем также до ветхой хижины его, до которой против чаяния и хотя уже очень и

очень поздно посчастливилось ему дотащить. Вообразим себе, что он, карабкаясь в сугробе и в снегу долгое время и выбившись почти совсем из сил, обрушивается наконец вместе с лошадыю своею и превеликою глыбою отсевшего снега в самую глубь крутого буерака того, и тамо, кое-как выдравшись и опростав себя из-под снега, освобождает и спутницу свою и, хотя с неописанным трудом таща ее и сам себя, кое-как вниз по буераку достигает наконец до дороги, довольно еще прелестной, переходящей чрез буерак тот и ему знакомой. Тут надобно нам вообразать себе и вообразать как можно живее всю ту радость, какую должен был восчувствовать старик сей при найденнии знакомой и такой дороги наконец, с которой ему не можно было уже сбиться и которая могла уже довести до жилища его. А потом мысленно присутствовать при самом возвращении его в хижину свою и к семейству, давно отчаявшемуся видеть его в живых, но собиравшемуся уже наутрие искать его где-нибудь замерзлого. Тут надобно нам мысленно смотреть на всю великости радости семейства его, на всех его детей и всех внучат, обступивших его вокруг, расспрашивающих о путешествии его, ужасающихся при рассказывании об опасностях всех и прыгающих с радости при услышании, как он, наконец, спасся от них. А, наконец, мысленно присутствовать при радостном их в сей вечер ужине и, воображая себе колико можно живее радость и удовольствие их, брать в том соучастие и сорадоваться им.

Мысли и воображения таковые послужат нам в великую пользу. Они произведут в душах наших ощущения весьма приятные и такие, которыми никто не поскучит, хотя б продлились они и нарочито долго. Существо нашего бессмертного духа приносит то уже с собою, что для нас при хорошем расположении сердец наших могут приятны и весьма чувствительны быть радости и удовольствия других людей, а не одни свои собственные, также и то, что мы можем не одними только подлинными, но почти столько ж и такими происшествиями себя увеселять; которые мы себе только в мыслях воображаем. Способности, которые должно нам почитать особливим даром от небес, и как дан он нам не попустому, а для удобнейшего снискивания благополучия себе, то и не должно нам им пренебрегать, но стараться пользоваться оным столь часто, как возможно, и для самого того стараться уметь как сорадоваться другим в радостях их, так извлекать веселия себе из всех рещей, окружающих нас, и всего, случающегося с нами, но делая сие так, чтоб соображалось то с должностями нашими и увеселения таковые были б непорочны и позволительные.

14. Снег, идущий тихо в феврале *(сочинено 22 февраля 1798 года)*

Зима все еще продолжается у нас! Время владычества ее хотя остается уже очень невелико и коротко, и весна начинает уже мало-помалу приближаться к нам, но она... сия хладная и суровая зима господствует еще со всею силою и могуществом своим. В сей день повелела она паки густым бело-серым мракам и туманам своим сокрыть от нас лазоревый свод небесный и заслонить собою вкупе и весь блеск, и сияние того шара величественного, который оживотворяет все лучами своими и действиями их становится уже страшен для нее. Уже не один раз в претекшие последние дни огонь его растоплял миллионы снежинок, хладною зимою произведенных, и превращал; в первобытное состояние их! Уже не один раз превращенные в воду чистую стекали они каплями с кровель жилищ наших и, упавая на землю, разрушали уже и сами других товарищей своих. В самый вчерашний день убавилось уже несколько миллионов снежинок ее, и я с удовольствием взирал на покатые поля наши, более горевшие, нежели блестявшие вчера от лучей солнца, отскакивающих от частиц водяных, составившихся из снежинок, растаявших от солнца и лежавших наверху. Однако! Зима все еще силится противоборствовать солнцу хладами своими! Она

повелевает мразам своим стучать паки жидкость вод, производимых солнцем ясным, и, превратив в крепкие прозрачные льды, возвращать их паки в пределы и под власть свою; и в единый миг являются длинные и острые хрустали, сооруженные из них и висящие с кровель наших. А чтоб наградить ущерб, в снегах, произшедший на полях от солнца, то повелела она серым туманам своим усыпать вновь все лицо земли превеликим множеством снега, и Се! Сыплются уже паки с высоты несметные мириады частиц его и укрывают собою поля и все прочие места так толсто, что солнцу несколько дней нужно будет к растоплению сего нового снега лучами своими.

Но как тихо и плавно сыплется! с высоты снег сей и как ровно ложится он на поверхность земли. Натура власно как нарочно для того, чтоб везде ему лечь и везде заменить собою растаявший снег от солнца, связала узами своими на сей раз все ветры и бури. Не приметно ни малейшего дуновения их. И мельчайшая снежинка упадает столь же прямо на низ, как и крупная самая, и таково ж кротко ложится на землю.

О, как приятно смотреть на снег, сим образом идущий! Не тако, совсем не тако он идет, как шел за несколько дней до сего, соединенный с стужею и бурею большою. Тогда от сильной выюги бежал и укрывался всякий под кровлю и убежище теплое и спокойное и во все продолжение оной не отваживался показывать и глаз своих на двор, а теперь как бы долго ни продлилось шествие снега сего и как бы густота его

ни была велика, но никому не наскучит и никому не помешает он. Все любят только мирным и спокойным шествием его и, не жалуясь ни на стужу, ни на него, продолжают дела и упражнения свои. Самые животные и скоты наши не убегают под кровли и не сокрываются в хлевах своих, но, расхаживая спокойно, дают волю ложиться на себя снежинкам сим и засыпать собою хребты свои. Вот тамо вижу телиц своих, побелевших хотя совсем от множества снега, лежащего на них и не чувствующих совсем бремя сего.

Столь же мало беспокоивает снег сей и других скотов и тварей. Вот здесь при обращении в окно взора моего на сад повстречалась с оным синичка желтогрудая. Маленькая сия и прекрасная пташечка, прилетев на самое окно мое, перепрыгивала тут на отливе оною с одной снежинки на другую и, заботясь всего меньше о снеге идущем, играла и веселилась тут до тех пор, покуда сквозь окончины не усмотрела меня, наклонившегося почти до ней самой и любовавшегося уже давно и красотою, и легким прыганьем ее. Тогда только, а не прежде, вспорхнув, полетела она в кустарники ближние к подругам своим, и я провожал ее взорами своими, доколе мог видеть, и благословлял ее за удовольствие, сделанное мне.

* * *

О, как мил и приятен нам бывает мягкий и крупный снег,

идуший сим образом при начале зимы, когда нужен еще он для укрытия земли нашей! С каким вожделением желаем мы такового тогда, как радуемся, когда пойдет он, и с каким удовольствием смотрим на землю, в единый миг укрывающуюся оным. Как тогда он еще в диковинку нам, и мы, не выдавши его давно, не можем насмотреться на небо, но ныне, когда око наше привыкло его видеть, хотя и не пленяет он зрение наше так много образом и белизною своею, как прежде, но несмотря на то, приумножение оного и самое продолжение зимы нимало не противно нам.

Для нас весьма и нужно то, чтоб она продлилась еще доле и чтоб снега ее были глубже и не так скоро сошли и обнажили поля наши. Долгое лежание и глубина оных никогда не бывала бедственна нам, а мелкие снега и ранние схождения их нередко приводили в нужду поселян и лишали самого пропитания их.

Кроме сего, сколько нужд не исправлено еще у многих людей и сколько дел не окончено таких, которые нужно кончить и исправить еще в течение зимы сей. Многим надобно еще предпрять путешествия в страны дальние и успеть возвратиться назад путем нынешним. У других не продана еще половина продуктов их и тех даров, которыми обогатила их натура в претекшее лето, и как они единые составляют весь доход их, то нужно еще им доставить оные в города и места такие, где бы им их с рук своих хорошою ценою сбыть можно. К иным не привезены еще оброки или запасы из отдаленных

деревень, а у многих, начинающихся строиться или уже разные строения производящих, не заготовлены еще и не привезены материалы разные к строению их, и им нужно еще привозить оные из отдаленных мест и приуготовлять к весне. У граждан, питающих себя торговлею разного и доставляющих на продажу нам тысячи вещей, необходимо нужных для нас в жизни нашей, не привезено и не доставлено до места множество товаров разных, и они денно и ночью помышляют о том, как бы их успеть получить их из мест дальних до разрушения еще путя зимнего и благовременно. Многие поселяне, а особливо живущие в местах бесхлебных, не помышляли еще запастись нужными семенами на обсев полей своих, и им нужно еще привозить их из уездов дальних или из городов, торговлю хлебом производящих.

Для всех сих и для великого множества других людей весьма нужно, чтоб зима продлилась еще долее и чтоб только легкой и способный путь ее протянулся еще несколько недель для них и доставил им удобность к исправлению все нужд своих.

Итак, иди себе! Иди с миром, снег, мягкий и пушистый, и умножай собою количество лежащего уже на полях и дорогах наших. Буди благословенно шествие твое, и чтоб такой же мир и безмятежная тишина господствовала и в жизни нашей и между нас, с какою идешь и сыплешься ты теперь на землю нашу.

15. Слякоть в феврале (сочинена 23 февраля 1788 года)

В сей день вижу я сущую брань и вражду, происходящую между Солнцем и Зимой! Сия силится всячески, удерживать власть свою и господствие на Земле и защитить на ней произведения свои от поражений, причиняемых им Солнцем. Она, стараясь укрыть оные от действий острых лучей его, заслонила вновь от них все лицо земли густыми и толстыми туманами своими и, в недрах их производя паки снег крупный и многий, спешит усыпать им все пределы и места и умножать количество его на земле колико можно более. Густота сего крупного снега, летящего с высоты превеликими клочьями вниз, так велика, что не видны за ним и ближайшия; предметы. Никогда еще и с начала зимы самой не упал он такими шматами на землю и по тяжести своей летит он с таким стремлением вниз, что останавливает собою даже дымы, исходящие из труб и жилищ наших, и не допускает их воспарять в высоту воздуха по своему свойству и обыкновению. Будучи удерживаемы им и не пускаемы кверху, растилаются они всюду и всюду и, мешаясь с сыплющимся густым снегом, увеличивают густоту оногo и делают его вовсе непроницаемым для глаз.

Напротив того, Солнце, не могши прогнать тучи и тумана

ны сии, повелеват лучам своим силою продираться сквозь густоту их, и достигая до земли, приводить в движение колико можно более частиц огня, рассеянного в натуре и производя чрез то теплоту в воздухе! придавать младым снежинкам, производимым зимою толикую мягкость и непрочность, что они разрушаются уже почти при самом упадании на землю и превращаются паки в воду, как в первобытное существо свое.

Таковое прение продолжалось несколько часов сряду, но наконец усилие лучей солнца, возвысившегося уже выше, произвело такую перемену и остановку, что пресекалось вдруг все шествие снега, исчезла вся густота непрозрачная, прочистился весь воздух нижний, и въе предметы стали опять вдруг видимы нам.

Но в каком прекрасном и отменном уже виде представились мне там все предметы сии, а особливо роща и сады, окружающие жилище мое! Никогда еще не видал я их, столь скоро на себя иной вид воспринимавшими, как тогда. За немногие часы до того были они голы и обнажены и чернелись только вдали и вблизи, а тогда вдруг представились они мне глазам моим власно как кистью нежно напудренными и вид прекрасный! имеющими. Каждая снежинка, упadaющая на ветви деревьев их, прилипала к ним и оставалась тут висящею на них. Каждый сучок и каждая маленькая веточка и хворостинка была унизана множеством снежинок сих и казалась власно как обсахаренною!

Налюбовавшись красотою рощей своих, поспешал яг к окну, простирающемуся в сад, чтоб взглянуть на минуты сии и на сие милое летнее убежище мое, и я увидел его также в отменном и красивейшем виде перед, прежним. От множества снежинок, повислых на ветвях деревьев и кустарников, все лесочки потеряли почти прозрачность свою и получили вид белый и лучший, нежели какой имели до того. А величественная и прекрасная ель моя представилась взорам моим в наилучшей красе своей и великолепии полном. Все длинные, и во все страны распростертые густые сучья ее покрыты были сверху белейшими и широкими полосами снега, а изпод одного висела с них густая зелень, перемешанная с красными пирамидальными плодами дерева сего. Все-оно унизано было ими, но никогда они такой красоты непридавали ели моей, как в минуты сии, когда красный, колер их перемешан был с белым и зеленым, и зелень, сия была одна только и видима в саду.

Несколько минут любовался я зрелищем сим и любовался б еще и долее, если б вдруг иге произошла перемена опять и не повалил паки наигустейший снег сверху. Как за ним сделалось опять ничего не видно вдаль, то, уступай насилию сему, удалился я к упражнениям моим. Но не успел еще усесться и начать работ своих, как в натуре уже опять перемена произошла, и я, взглянув на окно, не увидел боле снега, упавшего почти целыми кучами до того, а деревья в саду сделались паки видимы все.

Но каким удивлением поразился я, увидев, что вместе с шедшим снегом исчез в единый миг и тот, который лежал до того на деревьях и украшал все ветви их. Теплота воздуха успела уже растопить все связи, державшие снежинки сии на сучках, и они все принуждены были отвалиться, попадали на землю и обнажили паки все кусты и деревья.

Тако переменялась несколько раз погода в течение дня сего и не продолжалась ни одного часа одинаковою. За сильным и крупным снегом следовала вдруг чистота и прозрачность воздуха, а не успевало несколько минут протечь, како паки начинал иттить либо крупный и густой, либо мелкий и редкий снег, перемешанный со мглою, похожею на дождь мельчайший. А там помрачался друг даже свет самый от повалившего самого крупного и такого снега, который удивлял даже всех величиною своею. Но не успел и сей несколько минут продлиться, как готова уже была новая и важнейшая перемена всему. Пресекается вдруг вся тишина, бывшая до того в воздухе, нарушается все спокойствие его, и восшумел превеликий ветер с запада! Сей не успел начать действия и стремительства своего, как мраки и туманы, закрывавшие до того солнце от нас, начали уже тотчас тонет и, свиваясь в кучи, показывать изредка нам уже и солнце самое сквозь себя.

Сие не успело проглянуть и лучами своими озарить землю нашу, как вдруг начались новые и разные явления у нас. Здесь потекли тотчас целые почти ручьи с кровель жилищ наших от растаявшего уже в один миг молодого снега на них.

Там смоклись и покрылись водою все крыльцы и другие вещи, на которых за минуту до того лежало множество снега. А несколько далее видны были уже вдруг побуревшие тропинки, проложенные по двору в местах разных. И все они явились в один миг усаженными целыми рядами черно-сизых птиц, прилетевших искать на них зерен для пищи себе и ссорящихся уже между собою за находки свои. Другие целыми станицами с карканьем перелетали с места на место, и вся натура казалась оживотворившеюся тогда.

Но увы! – все сие не долее продолжилось как несколько минут только. Новые мраки, бури и метели последовали паки за сим, прервали все сии явления и зрелищи и повергли! опять все в прежний беспорядок, а наконец с приближающимся окончанием дня переменилось вдруг и бывшее тепло на стужу, и хладный резкий ветер понес уже на крылах своих снег мелкий и сухой, и зима, преодолев все усилия солнца, паки восприняла полную власть и все прежнее господствие свое.

Я, смотря на частую переменчивость сию, не мог надивиться непостоянству погоды таковой и, сидючи в спокойном уединении и занимаясь разными мыслями, не один раз сравнивал ее с людьми, подверженными таковой же переменчивости и непостоянству в нравах своих, также во всех желаниях, делах и предначинаниях своих, и находя великое подобие между ними, соболезнавал душевно о несчастливцах сих, не помышляющих никогда о том, что и они также

всеми нелюбимы, как непогоды сии и что и с ними никто без нужды не хотел бы иметь также дела, как с дурными и непостоянными погодами таковыми. И, наконец, искренно желал, чтоб хотя погоды сии, как сущие подобия и изображения характеров их, надоумили их однажды оглянуться на самих себя и побудили б когда-нибудь помыслить о исправлении своем, а особливо молодым и в том еще не состарившимся. Для сих невеликого б труда и стоило сие, а за верное можно сказать, что никогда бы не раскаялись они в том, но благословлять бы стали день, в. который решились они предпринять сие великое и похвальное дело.

16. Моя собака (сочинено февраля 24 1798)

Великий шум и разногласные завывания сильного ветра, слышимые вне дома моего, поразили уже слух тмой при самом просыпании моем в сей день. Восставая с ложа своего, не ожидал уже я ничего утешительного, но готовился уже заранее видеть возобновившуюся паки всю власть и жестокость зимы нашей и либо одну из выюг ее или иную какую из погод дурных и беспокойных зимою. Но дождавшись утра и вышед по обыкновению своему на крыльцо, увидел, что в заключениях своих я несколько ошибся. Бушевал только-то один холодный и пронзительных ветер, метели же не было, хотя, впрочем, небо было мрачное, и погода не из лучших. Все крыльцо мое засыпано было множеством нового сухого снега, нанесенного ночью ветром, и вдали приметна была превеликая заметь и тогда еще продолжавшаяся.

Как взорам моим ничего особенного и приятного в сей раз не представлялось, кроме длинных и тонких ветвей, висящих наподобие гирлянд со всей кроны милой я прекрасной березы моей, стоящей перед домом моим и на самом хребте Авенезера моего, и толь много украшающей собою гору сию, то, полюбовавшись длинными гирляндами сими, развевающимися тогда от ветра и представляющие тем зре-

лице приятное, помышлял уже я о том, чтоб иттить опять садиться за стол свой и искать удовольствия в упражнениях иных, как вдруг и нечаянно совсем облапливает меня Центавр мой и прерывает тем помышления мои.

Собака то была, любимая мною и всем двором моим, происходящая от пород датских больших собак и содержащая в страхе и повиновении у себя всех малых и больших собак во всем селении нашем.

Величень сей, проводив всю ночь сию на дворе, не спав во всю ее ни минуты одной, возвещая громким и толстым лаем своим каждое послышанное движение вдали и каждое приближение ко двору человека постороннего, и любивший меня отменно, не успел тогда завидеть меня, стоявшего на крыльце в размышлениях, как прискакав от радости ко мне, бросился и вздумал облапливать меня и глупым своим и дурацким манером ласкаться ко мне.

Как он не сотворен был к тому, чтоб ему по примеру маленьких собак прыгать и ласкаться, и дело сие как не свое производил очень неискусно, то и не весьма приятно было мне восхищение его и все ласки, мне изъявляемые. Почему ударяя его по рылу и говоря «ну, прочь, дурачина! прочь! пошел!» – отталкивал я его прочь от себя, но, видя его все еще продолжающего ко мне ластиться, принужден был наконец и сам оказать ему ласку и, сказав «ну; здорово, здорово, дурак!» и поплевав в рыло, погладить и потрепать его. И тогда только, а не прежде, успокоился он и отстал от меня.

Как постояв несколько еще на крыльце и поговорив с подошедшим ко мне одним из людей моих, пошел я обратно в комнаты свои, то Центавр мой явился опять, но стоявший уже в сенях у самых дверей и входа в лакейскую, дожидавшийся прихода моего, и как умильными взорами своими, так и маханием длинного и толстого хвоста своего власно как униженно просивший меня, чтоб я ему опять оказал удовольствие такое ж, какое имел уже он раза три в течение зимы сей по особенной к нему благосклонности моей.

Зрелище сие меня остановило: с целую минуту любовался я всеми минами и движениями сего хотя бессловесного, но умного животного и, предугадывая все желания его, власно как с разумеющим и могущим ответствовать мне, разговаривать начал. «Ну! что? что? дурачина», – говорил я ему, – «назябся, конечно, в ночь сию, и хочется тебе... вижу, что хочется, и очень хочется опять в кабинет и опять против печки полежать!..»

Он не отвечал мне, но, продолжая махать хвостом своим, прислонил рыло к краю дверей самых и тем власно как указывал мне, чтоб я растворил их и дозволил ему войти в оные. «Нет! нет! – смеячись и любуясь умом и движениями собаки сей, говорил я, – «Нет! не пушу тебя, дурачина вислогубая, а пошел прочь и вот туда! туда! вон из сеней и опять на двор!» Явно и очевидно было тогда крайнее нехотение его исполнить то, что ему предписывал я. Он молчал, поглядел на меня, взглянул взором жалким, изъявляющими уныние

сущее, продолжал махать хвостом своим и потерся рылом об одну из рук моих и тем власно как упрасивал меня, чтоб не быть к нему так жестокосердным, но умилиться над ним.

Тогда не мог я уже более продолжать притворства моего, но, потрепав его и потянув рукою за одну из губ его, ему сказал: «Ну! добро, добро! пущу! и вот пошел-пошел себе, харя дурацкая!» И выговорив сие, растворил ему двери. Он тотчас и пошел туда важною своею выступкою и, не останавливаясь, пошел действительно в кабинет и прямо перед печку, которая топилась тогда. Тут разлегся и перед устьем ее, уставил рыло свое против жара и находился в полном удовольствии своем.

Признаюсь, что не меньше удовольствия имел тогда и сам я, смотря на собаку сию и примечая все ее взоры и движения. Сердце мое ощущало некую сладость при помышлении о том, что я твари сей удовольствие доставил, и минуты сии были мне очень приятны и веселы, а чтоб удовольствие сие продлить и еще более увеличить, то, взяв креслы, сел и сам я подле его греться против огня. А вместе со мною где ни возьмись и моська моя, и, посатанив кругом величия лежащего и ее не удостоивающего и взором своим, уселась также греться против жара подле нас, и тогда не утерпел я, чтоб не начать опять говорить с сим оберегателем двора моего.

«Что, центавр?» – сказал я, – «хорошо так-то лежать тебе против огонька? Очень-очень хорошо! Не так ведь, как на дворе? Там целую ночь ты лежал, скорчившись дугою, и дро-

жал, дрожал небось, а тут... Как это тепло и хорошо! Какое удовольствие ощущаешь ты теперь и, верно, больше, нежели вот моська сия. Эта каналия всякий день здесь греется, и ей сие уже не в диковинку, а тебе... тебе это в великую честь тебе, и трех раз не удавалось во всю зиму здесь лежать, но зато лежи же теперь, лежи и грейся сколько хочешь. Хочу, чтоб имел ты полное удовольствие сегодня, и это тебе за то, что ты караулил двор мой да и впредь караулить станешь...»

Сим и подобным сему образом разговаривал я с сим бессловесным животным. И хотя оно мне ничего не отвечало и отвечать не могло, но какая мне до того была нужда. А с меня довольно было и того, что минуты сии были для меня веселы, и я сам такое же удовольствие чувствовал, какое ему доставил. А сверх того имел я и ту выгоду оттого, что случай сей подал мне повод потом, к размышлениям разным и могущим занять и увеселить меня долгое время. Я мыслил о себе, о других человеках и о всех животных, живущих с нами на земле, а сии мысли нечувствительно завели меня далее. Я углублялся даже в самые философические размышления, мыслил о существе, силах и свойствах душ наших и обо всем происходящем в них. А паче всего о том, отчего происходят в них радости, веселия и удовольствия и чем они нами и как производимы в них быть могут. И размышляя о сем, не однажды восклицал: «О! как это нужно, чтоб иметь нам о том искусстве понятие, которое нам нужно к тому, чтоб уметь в душе нашей производить веселия и удовольствия и не да-

вать зависеть им от одних дорогих и редких вещей или от обстоятельств и происшествий, не состоящих у нас во власти и не зависящих от произволения нашего, а уметь извлекать их всегда, когда ни похотим из всего и из всех окружающих нас вещей и употреблять к тому не только людей, но и самых животных так, как теперь употреблял я к тому центавра моего. А наконец, уметь заставлять и самые неодушевленные вещи производить собою удовольствия нам и тем и с своей стороны поспешествовать нашему блаженству.

Наконец, мыслил я и о том, что и самое искусство оное, толико нужное для нас, состоит наиглавнейше в том, чтоб мы для произведения в душе нашей множайших веселий и удовольствий старались бы только делать возможные удовольствия не только сочеловекам нашим, но и самым скотам и другим тварям и, делая удовольствия сии, заставляли в самое то время не только ум наш воображать себе, колико можно живее делаемое им удовольствие нами, но и язык наш говорить и изъяснять самим нам оное на словах так, например, как я давеча говорил с собакою моею или как говорю и поступаю иногда при подавании чего-нибудь нищим.

Не один раз случалось, что нищие сии производили в душе моей удовольствие превеликое и такое, которое иногда целый день продолжалось. А все дело состояло в безделице и только в том, что я, завидев нищего, сам себе сим или подобным тому образом говаривал и помышлял: «А! вот опять случай произвестъ в душе своей удовольствие! Бедняку сему

хочется, чтоб я ему дал что-нибудь! Учиню сие и удовольствую желание его, но учиню так, чтоб безделка моя превзошла все ожидания его! Как обрадуется он неожиданности такой! Как будет доволен во весь день этот и сколько «спасибо» наскажет мне за то... и так далее». Когда же, получив, отходит он прочь, то, провожая взорами, провожал я его и помышлениями таковыми, например, «Как обрадовал я бедняка сего! С какою радостью пошел он от меня и какое удовольствие происходит теперь в душе его! Весь сей день будет он, надеюсь, весел и доволен, и сколько раз будет благословлять меня за безделку сию, ничего не стоившую мне! Но какое удовольствие чувствую и сам я от того. И как счастлив я, что удалось мне в сей день сию безделку сделать и оною верно угодить тому, которого благоволение мне всего нужнее на свете. Он видел сие и удостоил, бесспорно, меня за то взором своим... и так далее».

Делая, говоря и помышляя сим образом, можем мы чужие удовольствия власно как прививать к собственным душам нашим и ощущать иногда такие движения в них от того, которые в состоянии даже изгонять слезы удовольствия из очей наших.

17. Прогулка в саду не сходя с места (сочинено февраля 25 1798 года)

Мрачное небо с ветром, тамо шумящим вдалеке, и стужа, господствующая еще во всей великости своей, принуждает меня сидеть на месте и искать душе своей упражнений приятных не вне, а внутри дома и в недрах теплого и мирного убежища моего! Но какой же предмет избрать мне для сих упражнений сей духовной и бессмертной части существа моего? Изберу особый! Испытаю заставить ее освободиться на минуту из уз, связующих ее, взлететь в пределы времен будущих и претекших, преноситься в места разные и очами своими взирать на вещества, еще не существующие, и любоваться ими так, как бы они уже существовали теперь.

Сад, лежащий здесь пред домом моим, или паче единая часть его, видимая из окна моего, да послужит ей ристалищем для сих подвигов и театром для сих утех ее! Изыдем же с нею туда, последуем всюду по стопам ее, будем внимать всем вещаниям ее и разноглагольствиям с самим собою.

Се здесь! – тако вещала она или паче бессмертный дух, обитающий во мне, пренесясь мыслями в ближайшую часть сада моего – се здесь вижу я площадь небольшую, засыпанную глубоко-глубоко снегом белым и пушистым. Не видно теперь ничего на ней! Самые лавочки, окружающие ее с двух сторон, обременены целыми кучами снега и сокрыты под ним от взоров моих. Все деревья и кустарники, окружающие ее с стороны третей, стоят тамо унывно, все обнаженные и лишенные красот своих. Но скоро увижу я ее опять в прежнем виде, вскоре опять представится мне она во всей красен великолепии своем. Скоро увижу я паки разноцветный ковер, распростертый по всему месту сему и сотканный натурою и искусством из веществ разных. Скоро любоваться буду паки узорами ковра сего и живыми колерами, украшающими его. Скоро прекрасные зелени родов и видов разных, разбросанные по черным каймам его, будут увеселять зрение мое, а разные колера цветов тех, кои произведут они на себе, будут очаровывать оное. Вот здесь скоро увижу я опять гиацинты голубые, живым и прекрасным колером своим самому ультрамарину не уступающие. А тамо скоро опять милые нарциссы утешать будут зрение снегоподобною своею белизною, а обоняние приятным запахом своим. Гордые тюльпаны последуют за ними и пышными цветами своими колеров

разных увеселять зрение мое! А здесь вот паки скоро любоваться я буду густотою кустов пионных и великолепием кровавых и пышных махров их. Все сие множество других цветов, последующих за ними, воображаю я себе во всей их будущей красе и мню видеть их как наяву уже теперь.

Се стоит тамо прекрасная, лавочка, погребенная в снегу до самого верха своего! Лавочка, приносившая мне столь много раз удовольствия собою. С какою приятностию сиживал я на ней в претекшее лето. Сколько раз наслаждался холодком и тению на ней и называл место сие наиприятнейшим и таким в саду, с которого видимо множество предметов приятных. Сколько раз уходил я на нее от зноя полуденного брать отдохновение себе, сколько раз заставляли меня вечера на ней с чашкою чая перед собою, трубкою табаку во рту и с приятною книжкою в руках и отзывали насильно в места иные! Воспоминание всех удовольствий сих возобновляет оные в душе моей и кажется, что я их и теперь чувствую. Но скоро, скоро чувствовать я буду их и действительно опять. Снегам сим уже недолго лежать, и весна летит уже к нам на хребтах ветров полуденных из стран юга отдаленного.

Скоро, скоро и все деревья и кусты сии, окружающие цветник сей, потеряют нынешнее безобразие свое и облекутся в свою одежду летнюю. Скоро оденется сия груша молодая и четыре яблони там, осеняющие цветник сей с стороны запада. А вместе с ними оденется и сей лесок, составлен-

ный из одних вишен и слив и других кустарников плодовых и цветочных, и делается непрозрачным совсем. С каким удовольствием я буду взирать на них, распускающих на себе разнovidные листы свои, зеленеющие постепенно и от часу более и более и теряющие наконец всю нынешнюю прозрачность свою. С каким восхищением стану я прельщаться алым румянцем распуколок их и белыми цветками, которыми унижуются все ветви и малейшие сучки их. Как очаровывать будет обоняние мое бальзамический запах милых и прекрасных цветов сих. А око мое как веселиться будет зрением на тысячи насекомых, мудрых и полезных для нас, перелетающих с ветви на ветвь и с сучка на сучок на деревьях сих и со рвением превеликим мед и воск собирающих для нас из цветов сих.

Или с каким удовольствием буду я прохаживаться и гулять по сим узким дорожкам тамо, которые как в некаком лабиринте, извиваясь, пресекают лесок сей в местах разных и гуляющих по ним на разные площадки и полянки выводят. Я вижу тамо вход в лабиринт сей и дорожку хотя усыпанную снегом еще, но мню видеть себя уже идущим по ней посреди густых и непрозрачных стен, сплетенных из тысячи листьев и цветов разных, и мню видеть себя ненасыщающего довольно взоров своих красотами их и наслаждающего обоняние свое сладкими и приятными запахами от цветущих дерев, стоящих вблизи по странам обеим и инде ветвями и цветами своими мою главу покрывающих!

Далее воображаю я себе то удовольствие, какое иметь я буду при выходе из лесочка сего на сию прекрасную полянку тамо, которую украшает собою высокая ель, пышно и величественно посреди стоящая, и мню видеть себя уже поражаемого при едином приближении видением прекрасного бархата зеленого, распростертого по оной из трав юных Натурою сотканного. Я мечтаю себе уже теперь видеть те разноцветные огни и те бриллианты прекрасные, которыми унижает верхи травинок сих утреннее солнце с росую. Воображаю, как видение сие будет останавливать меня и, дабы лучше насладиться зрелищем сим, побуждать меня согнать даже колена свои и наклоняться долу и любоваться даже до восхищения прекрасным зрелищем сим, а потом обходить ковер сей по тропинкам окружным, а не хотеть разрушить ни единого из огней сих попиранием ног моих.

Далее воображаю я себе, как, обходя полянку сию гладкими и чистыми тропами вокруг, выходить я буду на любезную мою сиделку тамо, которую вижу теперь снегом занесенную и едва приметную, и како, воссев на лавочку из камней белых и гладких, сооруженную при гремящем хоре певцов летних, воспевающих в густоте древес высоких песни свои над главою моею, любоваться буду всеми окружностями полянки сей и вешними красотами их. Я мню видеть уже и теперь себя восхищающегося зрелищами сими, а особливо видом ели своей, тогда унизанной повсюду начатками плодов своих, похожих на ягоды и имеющими вид и подобие малины

самой. Также прельщающегося видом сей тамо стоящей липы моей, посаженной некогда и воспитанной моими руками и прекрасною кроною своею тысячи подобных ей превосходящую.

Далее воображаю себе, как я, насидевшись тамо и насытившись зрением на все красоты, видимые с места сего, пойду далее и, переступив несколько шагов, пре-несуся вдруг в недра другой поляны тамо, которой отсюда видна только одна малейшая часть или паче единый только вход в нее. По важности предметов и вещей, в ней находящихся, получила она звание священной, которой по всем отношениям своим и достойна. Я мню видеть себя как бы уже теперь вступающего в пределы ее с неким благоговением, уклоняющегося со смирением в присенек в углу, тению древес высоких осененный, и тамо будучи невидимым никем, а в совершенном уединении находясь, повергающегося в прах пред присутствующим везде, и ему с чистым сердцем и душою достойную благодарность за все и вся и все несметные его к себе милости приносящего!..

Наконец, воображаю я себя по совершении сего утреннего долга своего, отходящего с растроганным сердцем и душою из пределов священного места сего, идущего в другие части и дальнейшие места садов моих и тамо таким же образом любующегося красотою других полянок, лесков, храмов, сиделок, сходов, водяных и других украшений и, наконец, с удовольствием возвращающегося в дом свой и, разбужая в

душе моей все впечатления, деланные ими в ней толь многократно в минувшую весну и лето, ощущаю и теперь такое же удовольствие, какое производили они мне в тогдашнее время.

18. Утро в исходе февраля (сочинено февраля 26 д. 1798 года)

Нечто алеющее кинулось мне прямо в глаза при самом рассветании дня сего и при растворении окон моих в сторону к саду. Я бросил перо из рук и, вскочив от пулпета моего, спешил к окну, чтоб узнать причину тому, и с удовольствием увидел, что было то несколько длинных и широких полос, протянутых косвенною чертою по бледно-голубому своду небесному. «А!..» – с неким восторгом воскликнул я тогда, – «прекрасное начинается утро и обещает нам прекрасный день сегодня! Поспешим полюбоваться оным! Чистого и ясного неба мы уже давно и несколько дней не видали! Солнце готовится только всходить теперь. Поспешим же видеть великолепное исшествие его из-за черной полосы, тамо протяженной подле горизонта!» – Выговорив сие, побежал я прямо на крыльцо свое.

Прекрасное зрелище представилось тогда очам моим. Небо хотя и испещрено было в южной и западной стране разными полосами облаков, тонких и прозрачных, но в восточной стороне было оно все чисто и все рделось от солнца, готового уже к восхождению своему. Неможно и никакими словами, и никакою кистью изобразить живности и приятности того светлого и яркого колера, в каком представлялась

тогда вся освещенная сторона сего неба, простиравшаяся к востоку. Немногие только и равно как горящие и позлащенные клочки небольших облачков находились тут в рассеянии и, рдеясь как от жара, власно как готовились встречать восходящее солнце и приветствовать сего монарха дневного, выходящего из чертогов своих.

Вся натура оживотворилась и власно как возрадовалась и восторжествовала тогда, как вылетел наконец из-за холма оный шар красоты неописанной и восприял вверх величественное шествие свое!

Все приняло тогда иной вид, и все переменилось так скоро, что взоры не успевали обозревать всех перемен, происшедших в единый миг во всем пространстве природы. Куда ни обращались они, везде находили предметы, зрения и удивления достойные!

Тамо на западе, севере и юге все небо представилось глазам, испещренное множеством полос разных. Где сделались они синими, где голубые, где празеленые, где пурпуровые, где горящие, как жар, где рдеющие, как кровь алая, и, наконец, где большие и широкие и где узкие и малые. Неможно изобразить, как приятная смесь господствовала между всеми сими разными и живыми колерами и как вообще все небо было в минуты сии прекрасно!

Зрелищу сему соответствовало и все наклонное широкое поле, видимое внизу в стране той же. Взошедшее солнце, озарив все оное первыми лучами своими, рассеяло в еди-

ный миг, как некакой наиживейший румянец по всему снегу, покрывавшему оное, и представило тем для глаз зрелище наиприятнейшее. Все освещенные места отрезывались и отличались от неосвещенных так много и приятно, и виды их между собою были так различны, что не могло быть никакого сравнения между ими. Как в числе последних и находился и весь низ того дола широкого, по которому протекает сквозь селения наша Скнига с своими изгибами, то нельзя было без особенного удовольствия смотреть на освещенные единые кровли хижин, сидящих на крутых и увышеннейших берегах реки оной, а все прочее видеть некаким приятным мраком покровенное!

Вблизи же единые из труб исходящие дымы привлекали все зрение к себе. Поелику в минуты сии господствовала в воздухе тишина самая, то поднимались они вверх прямыми столбами и, будучи сперва белыми, в единый миг превратились в огненные и горящие! Приятно было видеть, как они, возлетая из труб, клубились и какие разные и переменные огненные колера перемешивались в них с серыми тенями.

Я смотрел на все сие и едва успевал смотреть и примечать все красы сии, чтоб любоваться ими, ибо ведал, что дление их продолжится недолго. Но они исчезнут все, как скоро солнце возлетит выше и свободнее осияет все лучами своими. Но посреди самого величайшего внимания моего прибегают с уведомлением ко мне, что принесен уже чай в комнату мою и готова уже давно и трубка моя.

С некаким нехотением пошел я назад тогда в мои хоромы, и удовольствие, чувствованное мною на крыльце, было так велико, что мне восхотелось продолжить оное и в хоромах самих. Почему не сел я по обыкновению в любимые креслы мои, но, схватя и трубку, и чашку в руки свои, спешил воспользоваться достальными минутами немногими, прибежал к одному из окон моих, в сад простирающихся, и успел еще и тут налюбоваться многим.

Здесь прежде всего кинулась мне моя высокая ель в глаза. У ней освещена и нарумянена была солнцем единая только верхняя часть, а низ ее находился весь в тени и в ужасном контрасте против верха. Там горело или паче как смеялось все, а особливо чешуйчатые плоды дерева сего, которыми обвешан был весь верх ее. А здесь все-все было во мраке и равно как в унынии и печали. Самый сад мой, будучи от солнца разными зданиями заслонен, находился тогда в меланхолическом виде. Но зато сквозь деревья его усматривал я позади оною березовую и солнцем освещенную и нарумяненную рощу, и роща сия так была прекрасна, что я не мог насмотреться ей довольно. Все белые стволы берез казались не иначе как горящими, а верхи берез украшены были розами и огнем совокупно. Самые отдаленности, видимые в стране сей сквозь деревья, казались власно как горящими и представляли вид преузорочный собою.

Словом, зрелищи были повсюду прелестные, но, к сожалению, все сие продлилось недолго. Я не успел еще налюбо-

ваться довольно, как серые и тонкие облака заслонили собою опять солнце, а вскоре за сим помрачилось и все небо, и вместо ожидаемого ясного и теплого дня сделался серый и морозный. Но не таковой точно для всех был в сие время и наивожденнейшим.

Бывшее недавно тепло; и продолжавшиеся несколько дней сряду метели родов разных толико испортили все пути и дороги малые и большие у нас, что происходил повсеместный стон и повсюду гремели жалобы на них. Все, коих нужда заставляла путешествовать в сие время, не находили довольно слов к изображению дурноты дорог больших. «Нет ни малейшего клочка оной, – говорили они, – и ни единого места, на несколько сажен простирающегося, которое бы не исковеркано было разнообразными ямами и раскатами косями и не изрыто корытами глубокими и крутыми». Первые, простираясь то в ту, то в другую сторону, метали туда и сюда повозки путешественников и боящихся из них заставляли кричать и вопеть от страха и боязни, а когда приходило переезжать вторые, то такие давались толчки и удары, что сыпались иногда самые искры из глаз и потрясался весь мозг в голове у сидящих в повозках.

Тако мучились и страдали все, принужденные поспешать ездою. Бедные же обозы с возами тяжелыми своими чего и чего ни претерпевали при такой дурной дороге! Сколько переламывалось оглоблей и разламывалось саней самых, сколько измучивалось и до самой смерти изнурялось лоша-

дей поселянских! Сколько возов лежало всюду на боку и сколько людей занималось подниманием оных! Каких остановок и помешательств ни делалось оттого в путешествиях и транспортах? И будет ли когда время, чтоб подумать о средствах, могущих служить к отвращению или уменьшению сего зла?

Что ж касается до возвращающихся из городов с пустыми уже санями поселян, то сии более смешны, нежели жалки тамо. Сии скачущие без памяти к женам своим и семействам и всего менее заботящиеся о самих себе, а продолжающие всю езду свою более сонными и дремлющими, летали только из саней то в ту, то в другую сторону, будучи выкидываемы из них на ухабах и стремнинах крутых и высоких. И от сих только слышно было одно оханье и кричанье лошадям своим, чтоб они постояли.

Для самого сего и нужны нам насты и морозы. Одни они в состоянии только свободить нас от сего мученья и снабдить лучшими и спокойнейшими путями.

Итак, длитесь себе! длитесь, хладные морозы, и продолжайте дление ваше по-прежнему. Вы нам еще очень нужны и нужны по отношениям многим.

19. Моя моська

(сочинено февраля 27 1798 года)

Едва только я в сие утро встал с кресел своих при раскрытии окон кабинета моего, чтоб посмотреть в окно состояние погоды дня сего, как вдруг в растворенные двери вбегает в комнату моя Моська из сеней. И вбежав, бросается тотчас ко мне, прыгает, бегает, вижжит, ластится и изъявляет такую ж радость и восхищение, как бы она меня несколько недель не видала.

Явление сие для прочего времени было хотя весьма обыкновенное и не составляющее никакой диковинки, но в сей день было для меня поразительно и растрогало так весь дух мой, что я принужден был остановиться и, соответствуя ласкам Моськи моей собственными своими, взять ее к себе на руки, погладить, потормошить черную ее морду, потянуть рукою за губу и, почесав по спине, называть ее Умницею и собачкою милою и дорогою. А вот всему тому и причина и почему и за что ласкал я её образом помянутым.

Моська моя находилась в ночь сию у меня под гневом и наказанием, и наказанием тяжким, и таким, которое для ей по необходимости долженствовало быть весьма чувствительно. До сего привыкла она все ночи препровождать в тепле и почивать на мягких креслах или софах, а в сию ночь бы-

ла бедняжка сия заперта в чулане в сенях и принуждена была там спать не на постланном, терпеть всю жестокость стужи и мороза, бывшего в ночь сию, и подрожать от него всю оную. В сие изгнание сослана она была по моему приказанию за некоторую невежливость, деланую в ночное время, от чего ни розги и ничто ее отучить еще не могло. Итак, вознамерились мы наконец испытать сие последнее средство для избавления себя от досады, а ее от наказания частого. Сии сделали ее уже столь трусливою, что вчера, догадываясь уже, что с нею предпринимать хотят, скрылась было под кровати и канапе, но бедняжку вытащили и храпящую насильно повлекли в приличнейшую для ей спальню.

Как собачонку сию, воспитанную при мне, я любил, и она, не отходя от меня почти ни на шаг, увеселяла меня всякий день своими резвостями и играньем, а более всего странною и необыкновенною привычкою есть из рук моих нюхательный табак и еще с удовольствием и аппетитом, то, встав по обыкновению своему в сей день рано, вспомнил я об ней и, потужив еще о бедняжке сей, мысленно сам себе сказал: «Каналия, издрожалась, небось, там и иззябла. И, верно, в ужасной теперь досаде на меня. Вчера заметила-то ясно она, что ссылка ее произошла от меня точно. Однако пускай!.. пускай посидит там до света, лучше почувствует и научится впредь уменее быть».

Тако помышлял я об ней за час до того, как увидел ее вбежавшею и помянутым образом ластившеюся ко мне. А са-

мое сие незлобие ее и забвение толь скоро всего зла, ей от меня причиненного, и растрогало мою душу до того, что я, играя с нею, следующие слова ей как бы разумеющей оные говорил: «Ах, Мосенька! умница дорогая! Уже ты и позабыла все зло и огорчение, сделанное мною тебе! Уже паки изъявляешь мне преданность твою и обращаешься ко мне с прежнею ласкою и любовью своею... О! когда б и мы все были так незлопамятны, как ты, и столь же легко и скоро позабывали все обиды и неудовольствия, которые делаются иногда нам от других и ближних наших. И когда б и мы к ним с таким же дружелюбием и любовью паки обращались, как ты теперь ко мне, моя Мосенька! Какое б блаженство обитало тогда на земле и как бы счастливы все люди на ней были! Служи ты им тому примером, а когда не им, то будь хотя мне всегдашнею напоминательницею добродетели сей и того, как важна она нам и нужна в жизни нынешней. Всякий раз, когда ни случится мне досадовать на кого за сделанную мне какую-нибудь обиду, зло, огорчение или досаду, напоминай мне, Мосенька, собою и когда не можешь языком, то хотя минами своими мне тогда скажи: «Дурно-де, сударь! нехорошо и, право, нехорошо это вы делаете, что злобствуете и злитесь на обидевших и досадивших вам и помышляете о том, чтоб вам отмстить им за то. Не годится вам сие делать и не велено. Есть некто другой, кто должен отмщать за вас, а сие сделает, если надобно будет. А вам не о том, сударь, думать надобно, а о том, как бы скорее все сделанное вам другими

зло позабыть и не злом за зло им платить, а любовью и дружелюбием вашим! Перенимайте это у нас, сударь». Скажи мне, Мосенька, дале: «И представляйте себе, что вам пред нами будет стыдно, если вы того делать не станете. Вы такие ли, как мы? Вы существы разумные, одаренные множеством свойств прекрасных и превознесенные пред нами далеко-далеко множеством сил и совершенств лучших! А мы что такое пред вами?.. Бедные, глупые, ничего не значущие твари и животные бессловесные, не стоящие уважения никакого. Но когда и мы уже то делаем и делаем охотно, то как же вам того не делать или не хотеть делать, а особливо если вам это еще и велено, да и велено, как говорят, накрепко и растворено именно. Итак, бросьте, сударь!» Скажи мне, Мосенька, далее: «Бросьте всю вашу злобу и укротите ваше сердце и весь гнев в оном и вместо мщения подумайте лучше о том, чем бы вам и каким добром заплатить за зло и, принимайтесь скорей за дело сие, которое для вас похвально и полезно».

Тако вещай мне, Мосенька моя, всякий раз, когда ни забредет сердце мое с путя должного туда, куда не надобно. А таким же образом служи мне примером и образцом собою и в таких случаях, когда случится со мною какое-нибудь несчастье или происшествие противное и неприятное для меня и побуждай меня примером своим также не роптать на производителя или попускателя того, как не роптала и не досадовала ты на меня за то, что я тебя на стужу вынести и на целую ночь запереть велел. Скажу тебе, Мосенька, что с тобою

сделал я это не по-пустому и не во вред, а в пользу твою. Мне хотелось, чтоб ты была умною и отвыкла от привычки дурной, чтоб все тебя бранить перестали, а напротив того, за все хорошее, делаемое тобою, любить начали. Итак, тебе и не годилось б на меня роптать и сердиться, хотя и было то тебе противно и неприятно, что я учинил с тобою. Но ты умна была и не сердилась, хотя и не знала ничего о том. А сие и напоминай мне, Мосенька, если при несчастьи каком я вздумаю на судьбу роптать или досадовать и сердиться и всем на то приносить жалобы. Ты скал!»! мне тогда также хоть мурчанием или минами своими: «Дурно-де и нехорошо, сударь вам так малодушну быть и нерассудительну. Может быть, несчастье ваше и для вас также не во вред, а в пользу сделалось, а не знаете только вы того, так как не знала я всего, что вы со мною делали и что у вас на уме было. Но как я на вас не сердилась, то не должно и вам никак на судьбу вашу сердиться, а того паче на того роптать или сердиться, кто пред вами так велик, что ни сил у вас нет, ни возможностей ему противиться, если б он захотел еще боле вас наказать бы, чем за вины ваши и преступления, вы которыми ему всякий день досаждаете». «Вы подумайте, сударь!» – скажи мне, наконец, Мосенька, – «что вы роптанием своим ему только еще более досадить можете, а себе не не поможете ни на волос, а напротив того охотным принимаем того можете вы подвинуть его к себе к милости и милосердию. И так не постыдите себя, сударь, и в сем случае предо мною и со всем вашим

высоким разумом не сделайте меня глупее».

Вот к каким помышлениям подала мне повод моя Моська своею ласкою тогда. Я окончил разговор мой с нею, сказав, что если напомним она мне когда-нибудь собою то, что я говорил, и побудит примером своим к сделанию чего-нибудь хорошего, то за то накормлю ее досыта и наиграюсь с нею, сколько сама захочет.

20. Оканчивающийся февраль (сочинено марта 8 дня 1798 года)

Вот наступил уже и последний твой день, февраль! о, месяц хладный и бурливый! Вот оканчиваешься уже и ты, а вместе с тобою и вся зима по числам и календарям нашим, однако, не в натуре самой! Правда, в иных местах уносишь ты и зиму всю с собою совершенно, но у нас, у нас оставляешь ты ее в полном еще могуществе и силе. У нас нет почти ни малейших еще признаков приближения весны, но единые только ясные дни, проскакиваемые изредка. Примечаем мы то несколько по лучам солнечным, греющим уже более прежнего. Все они хотя и производят уже тали, но очень малые и ничего еще не значащие. Зима же напротив того удерживала всю еще власть свою и владычество. Стужи, метели и морозы ее продолжались до самого дня сего и даже в самую сию ночь, произвела она мороз еще сильный и продержавшийся долго и по наступлении утра. Не помешало ему и самое солнце, видимое в сие утро между множеством белых облаков, ибо натура не оставила и в сей день украсить свод небесный преузорочным образом и придать ему вид, зрения достойный!

Все небо укрыто было почти круглыми разной величины кусками помянутых белых облаков и казалось быть равно

как мраморным. Единые только узкие полоски и промежутки между сими облаками были синие, и от самых оных казалось все небо составленным быть из белого мрамора, испещренного жилками и струями голубыми и прекрасными. Возлетающее в высоту солнце и величественно шествующее позади облачков оных освещало сзади все ближние облака к месту тому и придавало им некакую приятную живность. Когда же в шествии своем становилось оно против отверстий и промежутков сих и в оные могло лучами своими освещать землю и обитателями ее быть видимо, тогда весь мрамор сей получал еще более красоты и великолепия.

Редко и очень редко случается небу быть сим образом испещренному. Я долго смотрел и любовался зрелищем сим, помышлял о красотах сих, о времени тогдашнем, и мысли о продолжающейся еще, но уже оканчивающейся зиме заняли меня так, что я продолжал заниматься оными и по возвращении моем в комнату.

«Итак, оканчивается у нас уже зима!» – вещал я сам себе, – «и натура, сия благодетельная натура скоро уже оставит свой покой, в; котором пребывала она во все претекшие три или четыре месяца. Скоро пресечется отдохновение ее, которое она брала себе в сие время от трудов прошлогдних, и она покоем и отдохновением сим равно как подкрепив вновь силы свои начнет паки работать и, исполняя намерения творца своего, трудиться в доставлении разнообразных польз и выгод созданиям его. Скоро начнет она паки

украшать весну нашу бесчисленными прозябениями и цветами красoty преузорочной. Скоро начнет опять оживотворять все корни их, сжатые еще теперь лютостию морозов в земле замерзлой и покрытые еще снегом, и заставлявть их производить такие же точно листья и стебли, какие производили они в претекшие годы. Скоро рассеянные самую ею семена многих других произрастений по велению ее начнут таинственные свои действия и во внутренностях своих образовать все те произрастения с цветами и плодами, какие предназначила она производить им. Все они лежат еще теперь в своем бездействии, и немногие только из них самыми морозами приуготовляются к будущим действиям своим. Скоро паки в каждый месяц и в каждый день будет производить она нам новые приятности и подавать новые благословения. Скоро паки не будет такой минуты, в которую б натура ни старалась увеселять наших очей разнообразными зрелищами и красотами, производимыми ею, усладять наш вкус произведением плодов и овощей всяких, удовлетворять обоняние наше благовониями, производимыми ею в вещах разных, и доставлять удовольствие всем чувствам нашим. Скоро станет она паки как добрая мать с утра до вечера пещись об нас, как о своих детях, и как любимцам своим доставлять нам и спокойствие, и приятности, и все, могущее поспешествовать благополучию жизни нашей. Из недр ее получили мы паки и одежду себе, и пищу, и забаву, и получим в изобилии многом. По велению ее земля произведет для нас

паки былия и травы, древесна оденутся листьями, украсятся цветами и обременятся плодами разными, а поля покроются паки изобильною и богатою жатвою для нас, и мы паки будем наслаждаться всеми дарами, произведенными ею для нас!

О натура! как благодетельна ты и какую благодарностию обязаны мы все тебе за все благодеяния твои к нам! Ты толико попечительна была о пользах наших, что и в самое время мнимого отдохновения твоего не преставала трудиться разнообразно и доставлять нам разные выгоды! Кто снабдил нас столь способными зимними путями, как не ты произведением снегов твоих, и не ты ли доставила нам чрез то удобность к скорому и спокойному перевозу надобностей наших из одних мест в другие? Кто соградил для нас твердые помосты по рекам и озерам нашим и облегчил чрез то, сообщения одних мест с другими? Не тебе ли обязаны мы за произведение лесов и прочих вещей, необходимо нужных нам к сограждению и нагреванию жилищ наших для удобнейшего переносения жестокости зимней стужи твоей? И не ты ли облегчила произведением снегов привоз оных? Что б были мы и как могли бы жить, если б сих удобностей не имели? Или как могли бы мы все то производить и делать, что производим ныне, если б мы не имели ни сала, ни масл, ни воска, ни других материалов, употребляемых нами на освещение жилищ наших, и материалы сии мы не от тебя ли также получили? Не ты ли произвела зверей и скотов наших и на них шерсть и волну, толико нужную нам для защищения членов наших от

стужи во время зимы жестокой? Что б начали мы, не имея скотов и зверей сих? Не ты ли снегами своими угобжаешь поля, морозами своими умягчаешь твердые земли наши, а стужею твоею в посеянных нами и тебе вверенных семенах производишь действия таинственные, долженствующие помочь им произвести от себя свои произрастения и снабдить нас изобильною жатвою? Не ты ли мразами своими помогала нам сохранить во все зимнее время мяса и рыбы наши в целости, привозить их из отдаленных стран и запасаться ими для употребления в снедь не только ныне, но даже и впредь и в течение самых летних месяцев? Наконец, не ты ли во всю зиму трудилась над производением того вещества, которое образом, видом и прозрачностью своею во всем чистому хрусталию подобно и которым в самое сие время начинаем мы запасаться в лето как вещь весьма нужною для нас. Количих выгод лишились бы мы, если б ты не научила нас беречь и сохранять льды наши в целости в самые величайшие жары лета твоего? За все сии и тысячи других благодеяний твоих к нам не имеем ли мы священнейшего долга приносить тебе или паче великому повелителю и производителю твоему, а вкупе и нашему, истинную и достодолжную благодарность?

Она и буди воссылаема к Тебе из уст и сердец наших, великий и бесконечный Творче и святейший благодетель наш! Все-все, что ни упоминал и ни исчислял я теперь, проистекает от Тебя единого, как от Источника Жизни и соорудителя блаженств наших. Ты повелел натуре производить все дей-

ствия, оные, имеющие целик? своєю многоразличные пользы наши! Твоя бесконечная премудрость учредила единожды тот порядок, которой хранит она во всем свято и ненарушимо. По предписанию святой воли и по указанию святейшего перста твоего движутся тамо в высоте все светила небесные, обращаются планеты и с ними вместе и шар земли нашей, по величине своей толь мало значащей в страшной громаде здания всего мира, воздвигнутого тобою. Ты снабжаешь нас днем для производства и исправления дел и нужд наших и ночью для успокоения утружденных членов наших! По велению твоему следуют друг за другом времена годовые, и за зимою следует весна, за нею лето, а там осень и зима паки. И твоя неизреченная и бесконечная благодать печется во все время о сохранении жизни нашей, и не только о пропитании нашем, но и о снабдении нас всеми выгодами в жизни. О Господи! Что есть человек? Яко помнишь об нем и сын человек, яко помышлявши об нем! Когда и весь земной шар, обитаемый нами, есть почти не приметною пылинкою в рассуждении величины всей вселенной, а сама сия ничто есть против Тебя, великий Творче!

Словарь устаревших слов

Аквилон (лат.) – северный ветер.

Алтей – лекарственное растение семейства мальвовых.

Амарант – от греч. неумирающий – декоративное травянистое растение.

Ботеть – толстеть, добреть, тучнеть, жиреть.

Брюм (франц.) – дымка, туман.

Волна – овечья шерсть.

Воскрылие – край, подол, пола одежды.

Выя (стар.) – шея.

Герольд (нем.) – вестник, глашатай.

Дуля – дерево и плод, род груши.

Елизиум – Элизиум (античн. миф.) – местопребывание блаженных душ в царстве теней.

Илем – порода дерева карагач, род вяза.

Инде – другой, иной.

Класы – колосья.

Колер (лат.) – цвет, оттенок.

Корыто – зд.: ложбина, впадина, яма, ухаб.

Натура (лат.) – природа; все созданное на земле; силы природы, естество.

Ображать, образить (южн.) – придавать образ, обделывать; придать должный, красивый вид, убрать, украсить.

Одоньи – кладь сена, скирда, стог.

Пещись – печалиться, заботиться, радеть, хлопотать.

Поелику – насколько, до какой меры, степени.

Присенок – сенцы, пристроенные сени или чулан в сенях.

Пулпет (нем.) – 1) школьная парта (устар.), 2) стол с наклонной крышкой.

Рамена (стар.) – плечи.

Ревир (нем.) – участок.

Рожа – цветок мальвы, садовый просвирняк.

Селерея – растение сельдерей.

Сиделка – лавочка.

Сонмище – сходбище, сборище; зд. множество.

Сповесть – проведать, узнать.

Угобжати, угобзити – одарить, наделить, обогатить, удобрить.

Ушеса (стар.) – мн. ч., уши.

Флер (нем.) – тонкая ткань; зд. в значении: покров, налет.

Шпорки – шпора цветка, трубчатая закорючка лепестка.

Энкритный – от энкринит (греч.) – ископаемые остатки морских лилий; энкринитовые известняки.

Юдоль (стар.) – долина.; зд. в значении: земная жизнь с ее горестями.